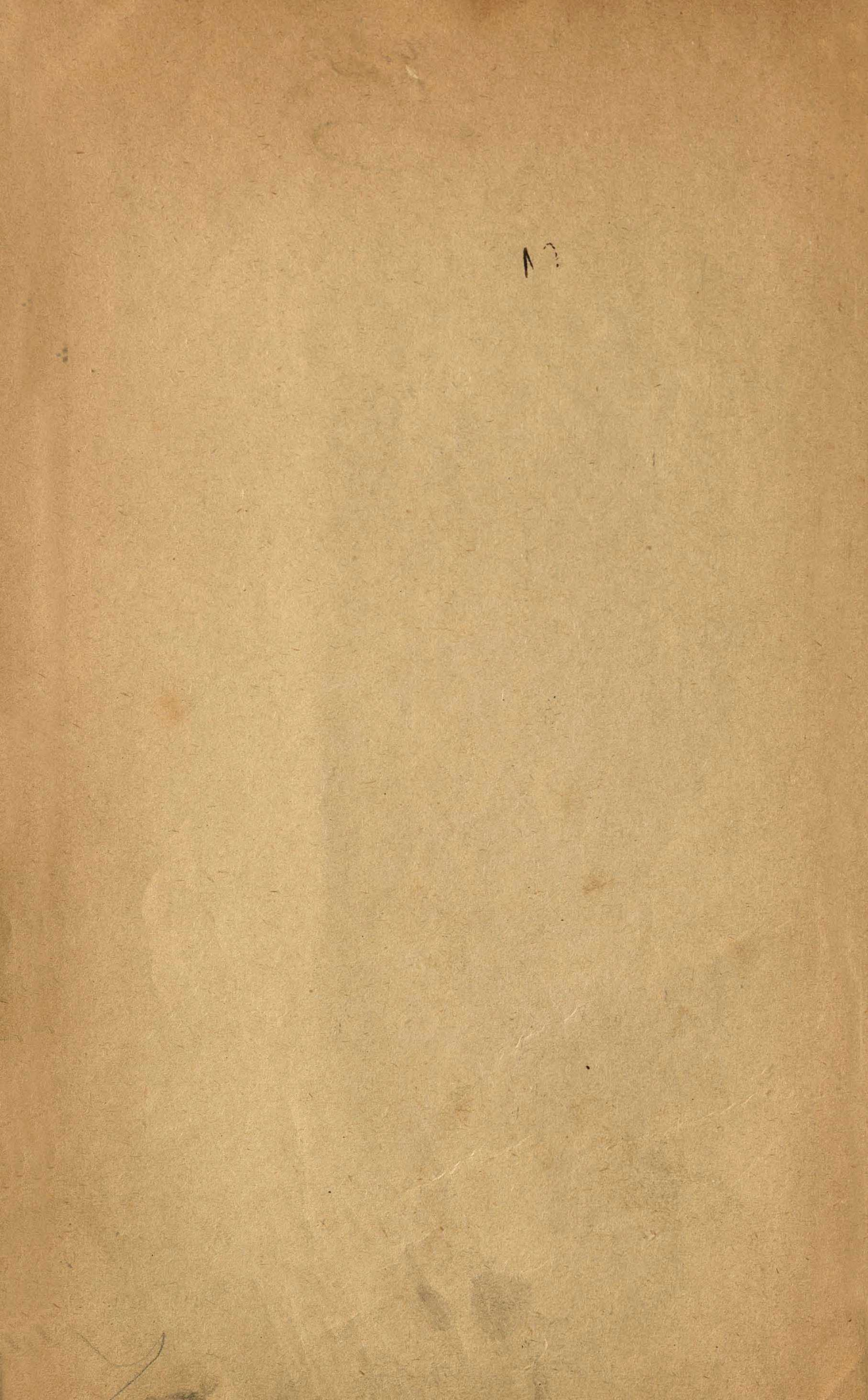

Г. Сакара.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

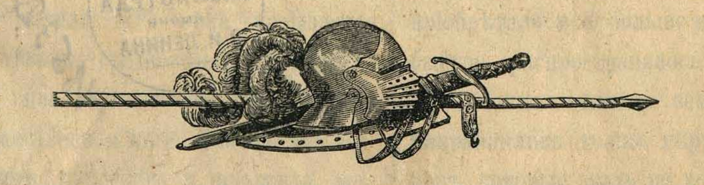
СОСТАВИЛЪ

А. А. ѲЕДОРОВЪ-ДАВЫДОВЪ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ГУСТАВА ДОРЭ

СЪ ПЛАНАМИ И СНИМКАМИ СО СТАРИННЫХЪ РИСУНКОВЪ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ"

ЗА 1905 ГОДЪ.

Дозволено цензурою. Москва, 8 декабря 1904 г.

МОСКВА
ТИПОГРАФІЯ К. Л. МЕНЬШОВА
БОЛ. ЧЕРНЫШОВСКІЙ ПЕР., Д. ДУХОВСКОГО, РЯД. СЪ Д. ГЕН. ГУБЕРН.
1905

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Время передъ крестовыми походами.

I. Вражда зарождается.

Съ древнѣйшихъ временъ народы Запада вѣчно враждовали съ полудикими, хищными народами Востока. Западу всегда угрожала стихійная сила этихъ восточныхъ племенъ, которая обыкновенно лавиной обрушивалась на него и одолѣвала численностью участниковъ этихъ походовъ. Въ древнѣйшія времена нападенія такого рода были ужасны, хотя нападающіе хлопотали тогда больше всего о расширеніи и укрѣпленіи своихъ владѣній.

Но въ Средніе вѣка (время отъ конца V вѣка и до начала XVI вѣка называется Средними вѣками, средневѣковьемъ) чисто физическая сила окрѣпла еще болѣе: у нея явилась нравственная идея. Магометане возстали противъ христіанъ и положили подчинить ихъ себѣ и обратить въ свою вѣру. Почти тысячу лѣтъ магометане угрожали низверженію креста, и только съ 1683 г. христіане, наконецъ, мало-по-малу взяли перевѣсъ надъ врагами и вытѣснили магометанъ изъ своихъ владѣній.

Въ періодъ этой долгой борьбы христіане предпринимали крестовые походы противъ магометанъ, небывалые походы—по численности и неуклонности въ преслѣдованіи своей цѣли. Въ крестовыхъ походахъ ясно обрисовалась жажда освобожденія отъ ига магометанъ вообще и освобожденіе древне-христіанской области, гдѣ родился, жилъ и страдалъ Спаситель, гдѣ находился Гробъ Господень, гдѣ каждая мелочь напоминала христіанамъ основную идею ихъ религіи.

Съ самыхъ первыхъ временъ христіанства послѣдователи Христа собирались у Гроба Господня для молитвы и богослуженій. Христіанство дало страшный толчокъ человѣчеству, послѣ чего съ каждымъ вѣкомъ оно пріобрѣтало все больше и больше значенія и быстро распространялось по всему свѣту.

Со всѣхъ концовъ земли въ Іерусалимъ направлялись толпы вѣрующихъ паломниковъ, которые знать не хотѣли ни трудности пути, ни опасностей въ дорогѣ. Они вѣрили непоколебимо, что за ихъ труды и усердіе Богъ охранитъ ихъ или возьметъ ихъ къ Себѣ для вѣчнаго блаженства.

А странствіе въ то время и точно тяжелое было. Много лихихъ людей пользовались беззащитностью поломниковъ и отсутствіемъ наказанія за свои преступленія,

*

нападали на нихъ и обижали несчастныхъ.

Люди шли и шли на поклоненіе Господнему гробу и пропадали безслѣдно цѣлыми партіями; а между тѣмъ новыя партіи собирались уже въ путь-дорогу.

Выходило что-то ужасное! Большинство сознавало, что оно идетъ на вѣрную гибель,—и все-таки жажда сложить свое горе, свои грѣхи у Гроба Господня неудержимо влекла вѣрующаго человѣка.

Въ IV вѣкѣ духовныя лица обратили на это вниманіе и старались всячески убѣждать народъ оставить эти страшныя поломничества въ Іерусалимъ, но ничто не помогало и никто не слушалъ уговоровъ.

II. Судьба Палестины.

Много перестрадала Палестина (земля Хананская, Обѣтованная, потомъ — Израильская) на своемъ вѣку. Выйдя изъ Египта подъ покровительствомъ Моисея, евреи заняли эту страну, назвавъ ее Святою Землею.

Но недолго жили они здѣсь самостоятельно; за 950 лѣтъ до Р. Х. евреи подпадаютъ вліянію ассирійцевъ, вавилонянъ, персовъ и, наконецъ, власти римлянъ, которые наименовали ее Іудеею и стали управлять страной при помощи особаго римскаго намѣстника.

За все это время евреи не разъ дѣлали отчаянныя попытки освободиться отъ своихъ враговъ, но все кончалось для нихъ однимъ горемъ и страданіемъ. Главный городъ ихъ, Іерусалимъ, и храмы его подверглись разоренію, а жители—изгнанію въ плѣнъ.

Во время римскаго владычества Іудеей и родился Спаситель. И Онъ видѣлъ, какъ страдалъ Его народъ подъ тяжелой властью римскаго правительства. Онъ зналъ, что они долго еще будутъ страдать подъ чужой властью, которая будетъ всячески стѣснять его проповѣдь.

Послѣ крестной смерти и воскресенія Спасителя еще болѣе шести вѣковъ Палестина несла на себѣ чуждый гнетъ, когда въ 614 году новая бѣда обрушилась на нее: полчища персовъ ворвались въ глубь страны, ничтожая все на своемъ пути огнемъ и мечемъ.

Но персовъ мужественно встрѣтилъ и далъ имъ отпоръ византійскій (греческій) императоръ Ираклій. Неустанная война длилась между христіанами и невѣрными около десяти лѣтъ, но зато христіане, наконецъ, одолѣли насильниковъ.

Великое ликованіе, рѣдкое торжество было въ средѣ христіанъ того времени. Палестина какъ бы снова стала Обѣтованной землей. Похищенный варварами Крестъ Господень былъ отнятъ, и императоръ, босой, въ рубищѣ, проходилъ по улицамъ Іерусалима, неся на плечахъ крестъ до Голгоѳы. Это шествіе празднуется теперь у насъ подъ именемъ Воздвиженіе Креста.

Но недолго продолжалось это благодатное время, когда вѣрующіе могли въ спокойствіи и мирѣ молиться Богу у Гроба Господня.

Еще болѣе страшная по своей силѣ туча—магометанство налетѣла на Святую Землю, и снова начались упорныя, продолжительныя войны, и снова Святая Земля покрылась кровью христіанъ и невѣрныхъ...

III. Магометъ и его ученіе.

Востокъ слабѣлъ со дня на день, разбитый, раздѣленный на части, истерзанный смутами и раздорами. Казалось, гибель его была неизбѣжна, и гибель эта была вовсе не такъ далеко. Но явился смѣлый, сильный волей человѣкъ—Магометъ, и Востокъ воспрянулъ духомъ. Смѣлый планъ задумалъ

онъ — создать новую религію, подчинить ей свой народъ и образовать новое, могущественное государство.

Энергичный, умный, обладавшій богатой фантазіей,—Магометъ съ дѣтства былъ любимъ въ средѣ простого народа. Онъ происходилъ изъ бѣдной семьи и былъ погонщикомъ верблюдовъ. Постоянно находился онъ въ обществѣ простыхъ людей, жилъ съ ними одной жизнью, одними интересами; въ концѣ - концовъ онъ до тонкости изучилъ вкусы, наклонности, потребности ихъ; кромѣ того онъ наслушался множества сказаній, преданій и легендъ народныхъ изъ глубокой старины.

Двадцать три года обдумывалъ Магометъ свою идею, и въ то же время составлялъ свою священную книгу Коранъ, которая должна была лечь въ основу его ученія о Богѣ.

Онъ проповѣдывалъ о чистой нравственности, но на-ряду съ этимъ старался обѣщаніемъ грубыхъ наградъ за исповѣдываніе вѣры отъ Бога подкупить въ свою пользу простой народъ.

Магомету шелъ уже 40-й годъ, когда онъ началъ проповѣдывать свое ученіе. И это новое ученіе пришлось его соплеменникамъ по сердцу. Они поняли сразу, что имъ надо было вести жизнь такъ, какъ того хотѣлось каждому изъ нихъ. Безпечность, вѣра въ неизбѣжность судьбы, войны за свою религію,—это такъ было просто исполнять, что не требовалось даже себя насиловать.

Ученіе Магомета пріурочено къ обыденной жизни и крайне понятно, такъ какъ въ основѣ его заложены не отвлеченныя понятія, а все то, что человѣкъ видитъ, осязаетъ и чувствуетъ. Ученіе Магомета внушало ужасную мысль вѣрующимъ: полное порабощеніе всего міра ихъ религіи.

Онъ говорилъ, что правовѣрный, т. е. магометанинъ, долженъ всячески, даже силой, обращать въ магометанство невѣрныхъ, а противящихся этому ученію убивать. За это въ будущей райской жизни Магометъ обѣщалъ завлекательную награду, то-есть обѣщалъ дать каждому сытую, обезпеченную жизнь богатаго человѣка, роскошь, веселье и развлеченія.

Эту награду магометане могли легко усвоить, и она казалась имъ крайне лестной, особенно для тѣхъ, кто наголодался да натерпѣлся разныхъ лишеній.

Понимаете ли вы, какую страшную силу далъ Магометъ своимъ послѣдователямъ? Онъ какъ бы развязалъ имъ руки,—и магометане хорошо поняли свою силу. И съ той поры въ теченіе многихъ вѣковъ—они заставляли трепетать весь христіанскій міръ...

IV. Сила поднимается.

Бодро поднялись одушевленные Магометомъ люди и лавиной устремились на Палестину. Они напали на Іерусалимъ, бѣшено разграбили его и настроили мечетей на мѣстѣ храмовъ. Пока правилъ калифъ Омаръ, палестинскимъ христіанамъ было еще ничего себѣ жить. Но умеръ Омаръ,— и настали для нихъ тяжелыя, безпросвѣтныя времена.

И все-таки паломники шли и шли ко Гробу Господнему, рѣшаясь лучше подвергнуться смерти, нежели отказаться отъ поклоненія Спасителю.

Имъ плохо приходилось въ Святой Землѣ: ихъ грабили, разоряли, преслѣдовали мусульмане, желая насильно обратить ихъ въ магометанство. А тѣ, кто упорствовали, подвергались пыткамъ, позору и смерти.

Нѣсколько легче стало христіанамъ въ царствованіе мудраго калифа Гарунъ-аль-Рашида; онъ установилъ строгій порядокъ въ своихъ владѣніяхъ; завелъ дружескія отношенія съ императоромъ Карломъ Великимъ, отчего и паломникамъ въ Святой Землѣ стало немного легче. Для нихъ были устроены страннопріимные дома, была учреждена охрана иноземцевъ и ихъ имуществъ отъ разграбленія; при домахъ были устроены сады, виноградники, обработанныя поля, и на доходы съ нихъ да на пожертвованія и существовали эти учрежденія.

Частыя посѣщенія Святой Земли какъ-то сдружили и сроднили христіанъ Востока съ христіанами Запада. Нерѣдко іерусалимскіе патріархи обращались къ европейскимъ христіанамъ съ просьбой помочь имъ, описывая бѣдность ихъ церкви, указывая на то, что служители церкви нищенствуютъ, голодаютъ по цѣлымъ суткамъ. И Европа отзывалась на это охотно.

Послѣ Гарунъ-аль-Рашида у самихъ мусульманъ пошли распри, войны междоусобныя, и мусульмане ослабѣли совершенно. Вотъ тутъ-то греки (византійцы), было, и ободрились: нѣсколько удачныхъ побѣдъ византійскаго императора Іоанна Цимисхія надъ мусульманами совсѣмъ оживили христіанъ. Да умеръ Цимисхій, и вскорѣ послѣ того мусульмане снова стали тѣснить христіанъ въ яростномъ безуміи, доходившемъ до фанатизма *).

V. Бѣдствія христіанъ.

Горькія времена настали для христіанъ, горше прежняго. Мусульмане не только мучили христіанъ, а нарочно оскорбляли ихъ религіозное чувство: запрещали службы, торжественныя церемоніи, церкви, напримѣръ, обращали въ конюшни.

Отправился въ Іерусалимъ папа Сильвестръ II,—и ужасъ объялъ его при видѣ бѣдствія христіанъ. Его письмо къ европейскимъ христіанамъ впервые сразу возмутило всѣхъ, и повсюду только и стали говорить что объ этомъ.

Возмущенный этими вѣстями, собрался морской флотъ изъ Генуи, Пизы, но доплылъ онъ только до Сиріи и оттуда сталъ грозить сарацинамъ, да только еще хуже этимъ сдѣлалъ.

Сарацины ихъ не испугались, только еще строже начали слѣдить за іерусалимскими христіанами, еще яростнѣе стали всячески мучить и притѣснять ихъ.

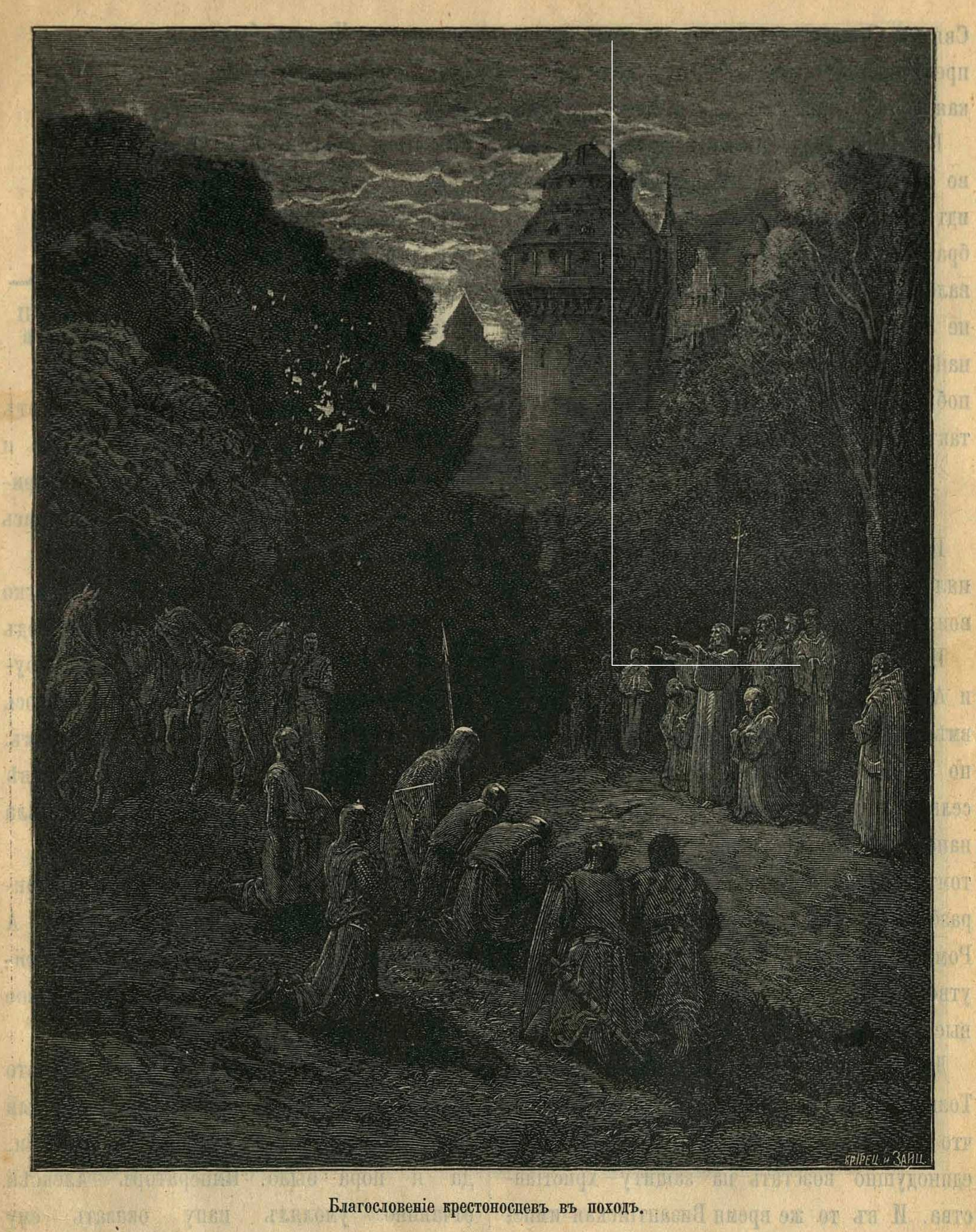
Стали грабить сарацины и Іерусалимъ, опустошая храмы; волей-неволей христіанамъ приходилось бѣжать тайкомъ.

А на Западѣ слухи объ этомъ страшно терзали всѣхъ, и всѣ со слезами на глазахъ передавали это другъ-другу.

Шелъ конецъ X вѣка,—и какое мрачное, какое тревожное было это время! Охватило какъ-то сразу всѣхъ людей смѣшанное чувство страха и озабоченности. Свои дѣла у каждаго на задній планъ отошли; всѣ только объ одномъ думали, что гнѣвается Богъ на всѣхъ, насылаетъ бѣду за бѣдой, готовитъ міру Свой страшный судъ.

Въ Европѣ между тѣмъ всякія мелочи, всякія небесныя явленія и бѣдствія на землѣ примѣчали и приписывали это гнѣву Божію. На небѣ появлялись невѣдомыя кометы, метеоры; падалъ каменный дождь... Бѣдствіе шло за бѣдствіемъ, и никто ничѣмъ инымъ не хотѣлъ объяснить все это. Тѣмъ болѣе дорогимъ и нужнымъ становился Святой

*) Фанатикъ—человѣкъ, дѣйствующій слѣпо по убѣжденію, не отдавая никакого отчета ни уму, ни добрымъ порывамъ сердца.

Благословеніе крестоносцевъ въ походъ.

городъ, тѣмъ болѣе находилось людей, которые шли на поклоненіе гробу Господню, готовые на вѣрную смерть.

Эти странствія обращались уже въ какую-то привычку, потребность. Бросаетъ человѣкъ все дома, беретъ посохъ въ руки и отправляется въ путь. На него всѣ смотрятъ какъ на священную личность, провожаютъ и встрѣчаютъ съ рѣдкой торжественностью; въ чужихъ краяхъ ему всѣ дома гостепріимно открыты. Иногда цѣлый отрядъ паломниковъ отправлялся въ Іерусалимъ, словно цѣлое войско.

Къ тому же судъ по закону отсылалъ въ

Святую Землю много народа за совершенныя преступленія; тамъ несчастные должны были каяться и вымаливать себѣ у Бога прощеніе.

Въ 1054 году епископъ Литбертъ сталъ во главѣ трехъ тысячъ паломниковъ, чтобы идти въ Палестину на помощь страдающимъ братьямъ-христіанамъ. Этотъ отрядъ назывался въ то время „войскомъ Божіимъ". Да не дошло это войско до цѣли. По дорогѣ напали на него невѣдомые варвары и многихъ побили; другіе же умерли голодной смертью, такъ и не дойдя до Святой Земли.

VI. Новая сила.

Шелъ XI вѣкъ, и тутъ новая сила поднялась противъ христіанъ,—поднялась диковоинственная масса турецкихъ племенъ.

Племена эти жили по берегамъ Каспійскаго и Аральскаго морей. Собралъ ихъ, сплотилъ вмѣстѣ умный и храбрый вождь Сельджукъ; по его имени и турки получили прозвище сельджуковъ. Приняли они магометанство и напали на Багдадъ и на мусульманъ, а потомъ прошли и полонили всю Малую Азію, разбили и войска византійскаго императора Романа Діогена. Теперь новые владыки утвердились на Востокѣ, и это были новые притѣснители христіанъ.

Дѣло становилось все ужаснѣе и ужаснѣе. Только тутъ европейцы-христіане сознали, что такъ дѣла оставить нельзя, что надо единодушно возстать на защиту христіанства. И въ то же время Византійская имперія обратилась къ Европѣ за помощью.

А въ то время въ Римѣ былъ папой (первосвященникъ церкви) Григорій VII,—умный, дальновидный человѣкъ.

Сумѣлъ онъ подчинить своей власти не только духовенство, а и государей, рыцарей и весь народъ. Думалъ онъ всѣмъ міромъ управлять. Но онъ былъ главою западныхъ христіанъ, а Византія—восточныхъ христіанъ. Обѣ церкви были раздѣлены, каждая по-своему управлялась, каждая по-своему устраивала свои духовныя дѣла.

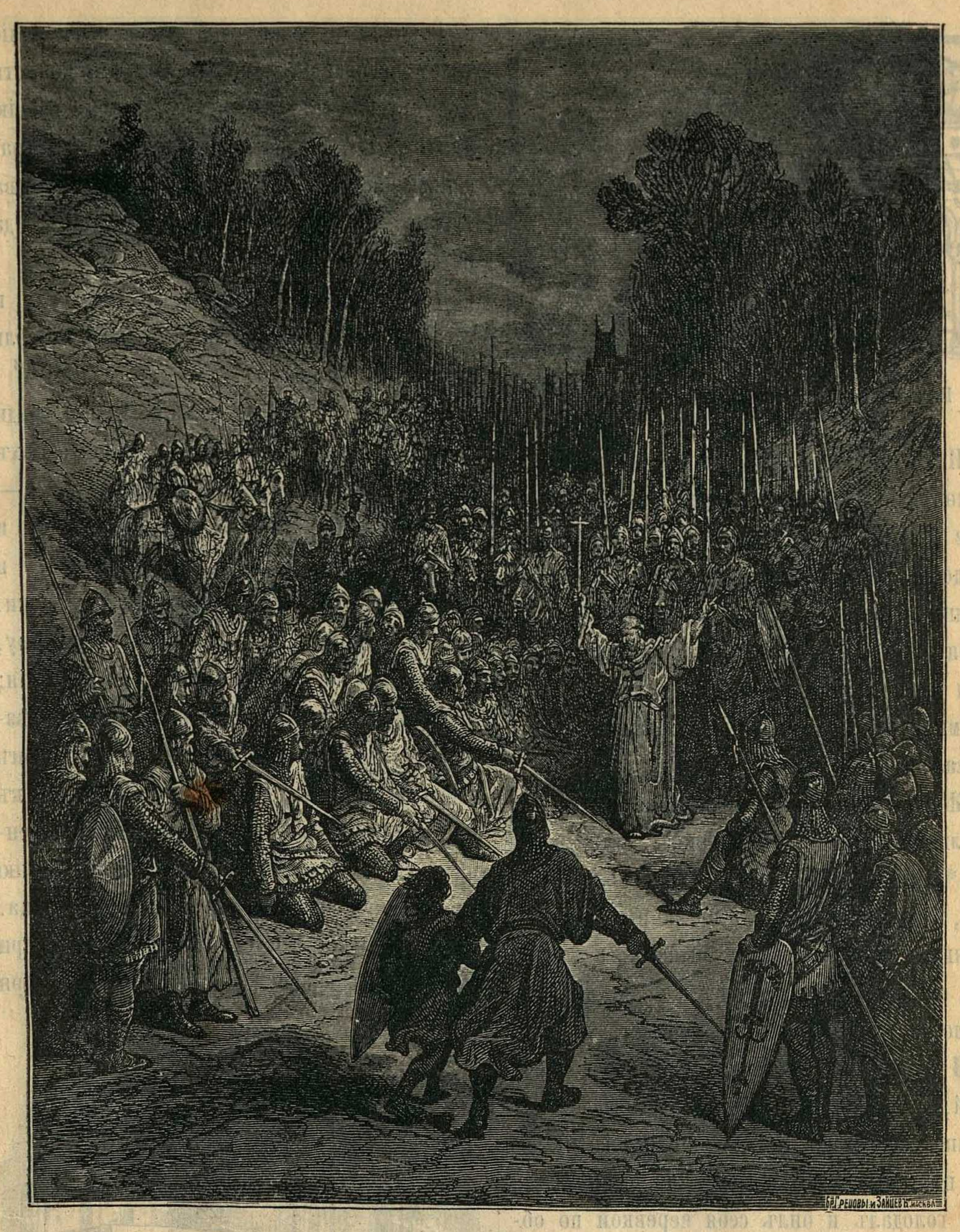

Папа Урбанъ II (Со старинной гравюры).

Сразу понялъ Григорій, что настало серьезное время, когда надо помочь Византіи, защитить ее отъ турокъ, а потомъ въ награду за помощь и потребовать, чтобы восточные христіане признали власть Римской церкви и соединились съ ней.

Дѣятельно началъ собирать онъ войско для этого похода на Востокъ. Цѣлый годъ (1074) въ посланіяхъ созывалъ онъ вѣрующихъ людей на это дѣло, и собралось вокругъ него войско до 50.000 человѣкъ. Сначала онъ самъ хотѣлъ стать во главѣ ихъ, но въ это время помѣшали другія дѣла Церкви. Такъ и неудался этотъ походъ.

Нѣсколько лѣтъ прошло, и бѣда отъ притѣсненій турокъ все росла да росла. А вмѣстѣ съ тѣмъ среди рыцарей и юношей-христіанъ въ Европѣ росло непріязненное чувство противъ мусульманъ.

Шелъ 1095-й годъ. Въ Римѣ въ это время былъ папой Урбанъ II, который твердо рѣшилъ идти на помощь Византіи. Да и пора было. Императоръ Алексѣй отчаянно умолялъ папу оказать ему поддержку. И папа Урбанъ II рѣшилъ исполнить его просьбу. Онъ задумалъ начать дѣло именно съ этого, а затѣмъ, ослабивъ силу турокъ, идти на освобожденіе Палестины. Онъ хорошо видѣлъ настроеніе народа, но только не былъ увѣренъ въ немъ,—поднимутся ли всѣ на самомъ дѣлѣ такъ

Проповѣдь Петра Пустынника.

единодушно, какъ говорятъ. Да и самъ онъ сомнѣвался въ себѣ,—можетъ ли онъ всецѣло овладѣть умомъ и волей народа. Надо испытать это на дѣлѣ. Тутъ совершенно неожиданно представился ему случай подготовить почву къ крестовымъ походамъ, испытать духъ и настроеніе народа.

VII. Петръ Пустынникъ.

«Гнѣвается Богъ, надо умилостивить его»...—думали въ то время люди. Ихъ совѣсть мучила, и они задумывались о своей жизни. За что гнѣвается на нихъ Богъ? Такъ ли они живутъ, какъ велитъ евангеліе? Нѣтъ, далеко не такъ»...

Петръ Аміенскій въ Іерусалимѣ. (Со стар. рис.).

И тогда смертельный страхъ нападалъ на человѣка, и онъ приходилъ въ совершенное отчаяніе. Онъ бросалъ все — и семью, и добро свое, и покой,—удалялся въ пустыню, держалъ постъ и всячески изнурялъ себя. «Богъ-де увидитъ, что я мучаю себя для него, и смилостивится надъ нами»... И много такихъ людей-отшельниковъ образовалось въ то время.

Жилъ-былъ въ то время такой же отшельникъ Петръ Пустынникъ, изъ Пикардіи*) родомъ. Человѣкъ сильной воли, строгій, воздержанный, весь преданный религіи. Раньше онъ и на войнѣ бывалъ, и въ міру, и въ церквахъ служилъ, да все ему было не по себѣ, все его совѣсть мучила.

И поступилъ онъ тогда въ одинъ суровый, строгій монастырь. Жилъ уединенно, все думая о Богѣ, молясь за людей по цѣлымъ ночамъ и истязая себя тѣмъ, что голодалъ и билъ себя веревкой по обнаженнымъ плечамъ.

Ярко сказывалось на этомъ человѣкѣ общее тревожное настроеніе, страхъ передъ Богомъ за недостойную жизнь.

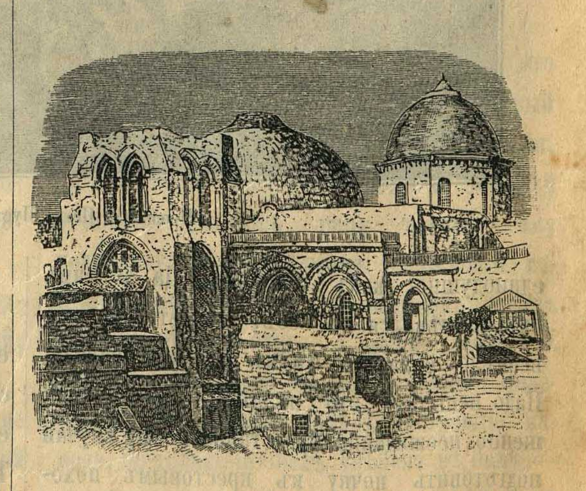
*) Бывшая сѣв.-вост. провинція Франціи; главный городъ—Аміенъ, потому и Петръ Пустынникъ получилъ прозвище Петра Аміенскаго.

Отправился и онъ какъ-то на поклоненіе гробу Господню, да не удалось ему попасть въ Іерусалимъ. А между тѣмъ воочію увидѣлъ онъ общее разореніе страны, страданія христіанъ на Востокѣ, вымогательства турокъ, которые оскорбляли христіанъ, да и его не оставили въ покоѣ.

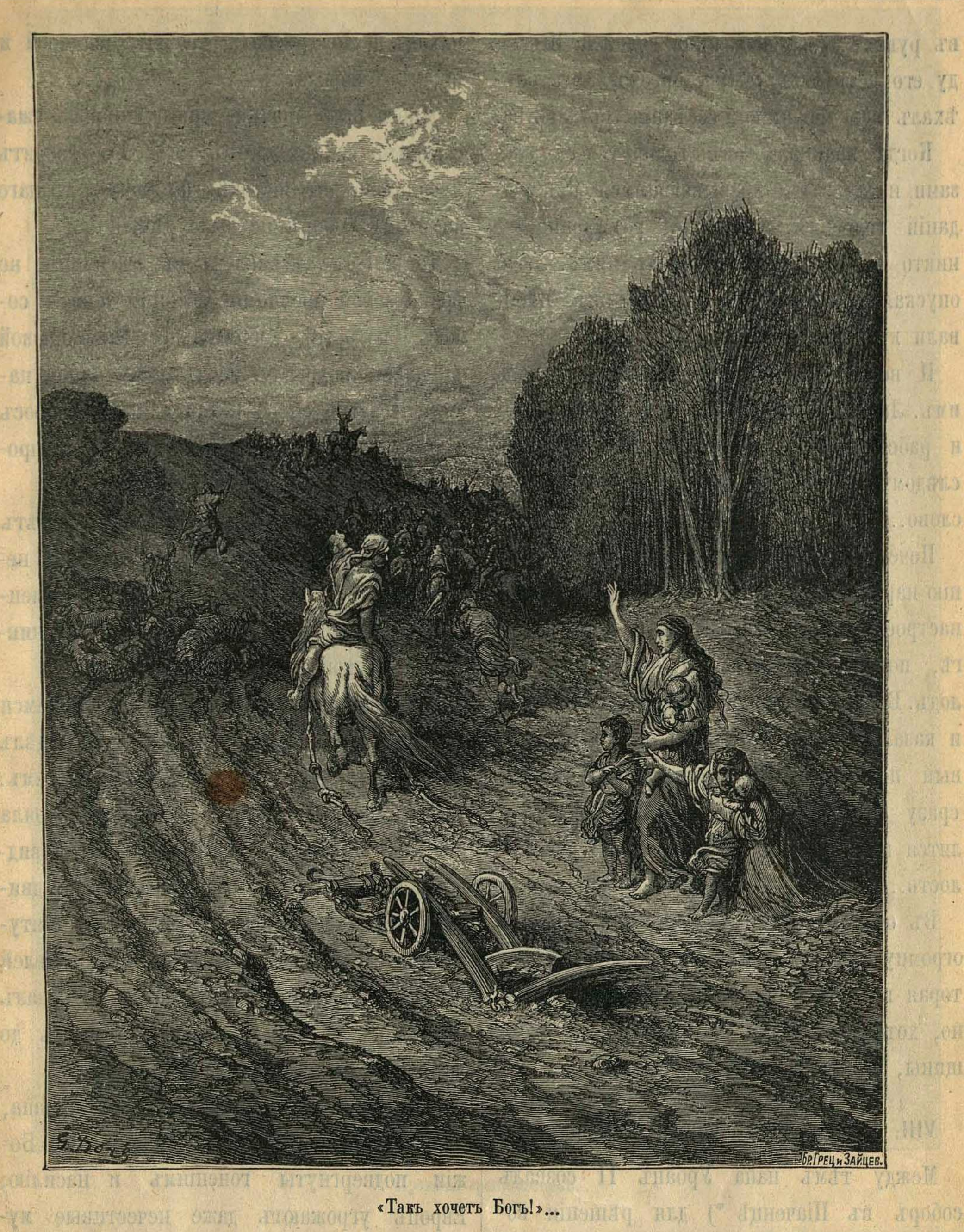
И исполнилось сердце его гнѣвомъ, и тогда же рѣшилъ онъ принять на себя роль защитника правды.

— «Господи! Ради имени Твоего, ради страдальцевъ буду убѣждать дома всѣхъ скорѣй и скорѣй снять иго невѣрныхъ!»...— искренно повторялъ онъ самъ про себя, и слезы градомъ лились изъ глазъ его, и въ безсильномъ отчаяніи ломалъ онъ руки.

Вотъ какимъ вернулся онъ въ Европу, въ Римъ. Весь горѣлъ онъ отъ нетерпѣнія; проповѣди его были одинъ вопль,—болѣзненный, страдальческій вопль,—и когда онъ добрался до папы Урбана II и бросился къ ногамъ его съ пламенной рѣчью и искренними слезами, самъ папа поддался вліянію силы возмущеннаго, истрадавшагося сердца. И понялъ папа, что Петръ Пустынникъ при своей увлекающейся, пылкой натурѣ, при

Церковь Гроба Господня.

«Такъ хочетъ Богъ!»...

своемъ знанiи простого народа, среди котораго онъ жилъ, сумѣетъ вдохновить толпу. И точно, не ошибся онъ въ немъ.

Съ этого началось движенiе римскихъ христiанъ, вспыхнуло общее негодованiе открыто и единодушно.

Худой, изможденный всяческими лишенiями, съ лихорадочно горящими глазами, въ рубищѣ, босой, загорѣлый отъ южнаго солнца — сильное впечатлѣнiе производилъ Петръ Амiенскiй уже однимъ своимъ видомъ на толпу.

Сидя на ослѣ, перекочевывалъ онъ всюду изъ селенiя въ селенiе, съ Распятiемъ

въ рукахъ, съ обнаженной головой. И всюду его встрѣчали съ восторгомъ. Онъ объѣхалъ всю Францію и сосѣднія государства.

Когда начиналъ онъ говорить со слезами на глазахъ, прерывающимся отъ рыданій голосомъ, страстно, убѣжденно, — никто не могъ устоять передъ нимъ. Люди опускались на колѣни, падали ницъ, цѣловали край его рубища.

И вся толпа словно гипнотизировалась имъ. Люди забывали все,—и домъ, и семью, и работу,—и буквально бѣжали за нимъ слѣдомъ, чтобы только уловить каждое его слово...

Почему поддавался такъ общему настроенію народъ? Къ этому привело общее тяжелое настроеніе, постоянныя думы о смерти о Богѣ, потомъ частыя войны, неурядицы, голодъ. Все это объяснялось гнѣвомъ Божіимъ, и казалось такъ, что стòитъ начать крестовый походъ противъ сарацинъ, — и это сразу смягчитъ гнѣвъ Божій и Богъ сжалится надъ ними и вернетъ имъ Свою милость...

Въ одну зиму Петръ Аміенскій собралъ огромную толпу своихъ послѣдователей, которая вся была настроена крайне фанатично, хотя тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти всѣхъ возрастовъ.

VIII. Соборы въ Піаченцѣ и Клермонѣ.

Между тѣмъ папа Урбанъ II созвалъ соборъ въ Піаченцѣ *) для рѣшенія вопроса объ этихъ походахъ. Огромная толпа собралась на этотъ соборъ. Здѣсь засѣдали свыше двухсотъ архіепископовъ и епископовъ, четыре тысячи священниковъ и монаховъ и до тридцати тысячъ рыцарей и простого народа.

Много было преній, много нашлось ужасающихъ свидѣтельствъ того, что творятъ мусульмане на Востокѣ, но ничего точнаго на этомъ соборѣ не было рѣшено.

Тогда былъ объявленъ въ Клермонѣ, во французской провинціи Оверни, новый соборъ, который собрался на Клермонской площади, покрытой несмѣтной толпой народа, и здѣсь снова поднятъ былъ вопросъ о томъ, что дѣлать и какъ быть съ произволомъ турокъ въ Святой Землѣ.

Явился и Петръ Пустынникъ на совѣтъ такой же возбужденный, энергичный непреклонный, а съ нимъ и его многочисленные послѣдователи, которые тоже прониклись глубокой идеей его проповѣдей.

И снова заговорилъ онъ прерывающимся отъ слезъ голосомъ о томъ, что видѣлъ въ Святой Землѣ, какое горе царитъ тамъ.

Какъ сверхъестественное видѣніе стояла его фигура предъ тысячами глазъ на видномъ мѣстѣ. Каждое слово его, каждое движеніе руки ловилось съ жадностью. Энтузіазмъ небывалый охватывалъ слушателей всецѣло. А когда онъ смолкъ и началъ рѣчь папа Урбанъ II,—порывъ дошелъ до всеобщаго увлеченія.

— «Наслѣдіе Христово,—говорилъ папа, —опозорено, порабощено; вѣрные сыны Божіи подвергнуты гоненіямъ и насилію; Европѣ угрожаютъ даже нечестивые мусульмане!.. Каждый пусть отвергнетъ себя и возьметъ на себя Крестъ Христовъ!»...— И папа страстно призывалъ народъ на помощь попираемой истинѣ, служить Богу живому...

Весь народъ рыдалъ вокругъ его престола; на призывъ его къ рыцарямъ едино-

---

*) Піаченца — итальянская провинція, въ области притоковъ рѣки Потидона, Троббія и друг.

Проводы крестоносцевъ.

гласно, пламенно толпа восторженными криками давала согласіе... И словно громъ несся надъ всѣмъ Клермономъ крикъ, вырванный изъ чистаго сердца народа:

— «Такъ хочетъ Богъ!.. Богъ того хочетъ!»...

И снова, и снова перекатывались эти возгласы изъ многотысячной груди народа и не умолкали долго.

Давно сдерживаемая сила нашла себѣ русло, выходъ, и теперь ее удержать было невозможно. Это была стихійная пробудившаяся сила; то была не толпа, не одинъ человѣкъ, это было единое человѣчество.

IX. Броженіе въ народѣ.

Торжественно объѣхалъ папа Урбанъ II многія провинціи Франціи, Руанъ, Анжеръ, Туръ, Нимъ. А за нимъ валомъ валилъ народъ, толпы котораго съ каждымъ шагомъ все росли и росли.

Послѣ Клермонскаго собора всю зиму шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящему походу. Въ крестоносцы шли охотно въ виду особыхъ привилегій. Имъ отпускались грѣхи, Церковь принимала подъ свое покровительство ихъ семьи и имущество крестоносцевъ; съ нихъ снимали подати, налоги, частные долги на время похода.

Теперь стремленіе завоевать Святую Землю стало единственнымъ интересомъ у всѣхъ. Рабочіе, ремесленники, пахари охладѣли къ работѣ; землю продавали задешево, имущество—то же; даже преступные люди, скрывавшіеся до тѣхъ поръ отъ правосудія, —и тѣ сходились въ города и вымаливали оказать имъ счастье участвовать въ крестовомъ походѣ и получить красный крестъ на правое плечо, что было отличительнымъ знакомъ всякаго крестоносца.

Прошла зима, и съ первыми весенними днями 1096 года еще сильнѣе разгорѣлось благочестивое стремленіе крестоносцевъ. Всѣ дороги, пути и путинки были усѣяны толпами народа; всюду слышались крики:— «Богъ такъ хочетъ!.. Съ нами Богъ!»... А звуки трубъ, грохотъ литавръ, пѣніе псалмовъ покрывали эти крики.

Рыцари порѣшили между собою отправляться въ походъ каждый со своимъ отрядомъ въ разное время, разными путями, но только чтобы потомъ соединиться всѣмъ вмѣстѣ уже въ Костантинополѣ.

Правильно организованное войско еще не поднималось; но народу ждать не хотѣлось, и тогда прежде всѣхъ тронулись въ путь многочисленныя ополченія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Начало крестовыхъ походовъ.

I. Передовые отряды.

Тяжелы и безрезультатны были первые шаги крестоносцевъ. Стремленіе-то искреннее было, но въ минуту увлеченія, за сборами никто даже представить себѣ не могъ, чего стоитъ только достигнуть Палестины.

По примѣру Петра Аміенскаго еще двое рыцарей, Вальтеръ Пексей и Вальтеръ Голякъ, собрали большія толпы жаждущихъ идти на освобожденіе Гроба Господня, и вся эта пестрая, неустроенная масса поднялась и двинулась въ путь какъ попало.

Идутъ первые крестоносцы по нѣмецкимъ землямъ, а нѣмцы подсмѣиваются надъ ними, укоряютъ ихъ.

— Вотъ,—говорятъ,—поддались простаки на обманныя, несбыточныя надежды, бросили свои дома и идутъ невѣдомо куда.

Но уже весною слѣдующаго года и сами нѣмцы, увлеченные общимъ настроеніемъ, тревожимые мыслями о гнѣвѣ Божіемъ, собрали сотни тысячъ крестоносцевъ изъ бѣдныхъ, разоренныхъ людей — монаховъ, крестьянъ, бродягъ и мелкихъ преступни-

ковъ—и отправили ихъ за передовыми отрядами слѣдомъ.

Была Пасха, когда первые крестоносцы дошли до нѣмецкаго города Кёльна. Рыцари-вожди Пексей и Вальтеръ Голякъ пошли дальше, а Петръ-Пустынникъ остался здѣсь, потому что проповѣди его народъ слушалъ съ увлеченіемъ, такъ что онъ намѣревался увлечь за собою и нѣмцевъ.

Прошли крестоносцы Германію, Венгрію и кое-какъ дошли до болгаръ. Нужда, голодъ заставляли крестоносцевъ на пути брать все, что только ни попадалось имъ.

Само собой разумѣется, что болгары, обиженные, разграбленные, оказали имъ отчаянное сопротивленіе, и здѣсь толпы крестоносцевъ были почти разсѣяны болгарами; только небольшая часть добралась до Константинополя.

А Петру Аміенскому удалось между тѣмъ въ Германіи собрать крестоносцевъ всего около 40.000, съ которыми онъ и двинулся въ походъ. Много на пути пришлось имъ переносить нападеній, разныхъ лишеній, но все-же въ іюлѣ этого года они добрались до Константинополя.

II. А сила все растетъ!..

Тою порою сила крестоносной проповѣди все развивалась да развивалась на Западѣ. Поднялась чернь, которая терпѣла въ жизни большую нужду, а сама ничего за душой не имѣла, въ Италіи, въ Испаніи, Англіи, Скандинавіи. Множество кораблей перевозили эту толпу по частямъ со всѣхъ сторонъ, высаживая ихъ во французскихъ гаваняхъ; здѣсь крестоносцы соединялись кое-какъ въ отряды и прямо отправлялись въ путь. Безумно это было, но восторженность общая, подъемъ духа не хотѣли знать никакой преграды.

Сила толпы, наголодавшейся на родинѣ, натерпѣвшейся горя, развернулась во всю ширь, во всю мощь; идя по чужимъ землямъ, какъ саранча, эти несчастные, обреченные на вѣрную гибель люди опустошали все на своемъ пути. Жители, оскорбленные, поднимались противъ нихъ, и начиналась междоусобная рѣзня.

Съ береговъ Рейна выступило новое ополченіе, руководимое священникомъ Фолькмаромъ и графомъ Эмикономъ. Плохо сознавая даже сущность и значеніе крестоваго похода, они нападали на мѣстныхъ евреевъ, какъ на враговъ Христа,—и во многихъ городахъ евреи были вырѣзаны безжалостно; воды Рейна и Мозеля буквально были заполнены трупами несчастныхъ.

Наконецъ, огромное полчище — около 200.000 крестоносцевъ-добровольцевъ разныхъ національностей на пути черезъ Венгрію, встрѣчая сопротивленіе жителей и отказъ въ продовольствіи, открыли настоящую войну и напали на городъ Визельбургъ.

Это была страшная осада. Долгое время продолжалась она, и венгры уже отчаялись въ сохраненіи города; но совершенно внезапно, непонятно почему какая-то паника овладѣла крестоносцами, и они въ страхѣ разсѣялись въ разныя стороны такъ же неожиданно, какъ и собрались.

Да, это была дикая, необузданная сила, которая почуяла полную свободу и знать ничего не хотѣла. И тяжело же пришлось расплатиться ей за свою безшабашность.

III. Горькая доля.

Собрались эти орды вокругъ Константинополя, и греки ужаснулись имъ. Эти за-

щитники стали врываться въ городъ, грабили, тащили что ни попало.

Кое-какъ удалось византійскому императору Алексѣю, наконецъ, переправить ихъ черезъ Босфоръ въ Святую Землю.

Что началось здѣсь,—трудно себѣ и представить. Разрозненныя части отрядовъ крестоносцевъ врывались въ попутные города, грабили жителей и тутъ же дѣлили между собою добычу. Поднялись жестокіе споры, ссоры, междоусобицы. Возбужденные воины знать ничего не хотѣли, не слушали никого, даже своего вождя—Петра Пустынника. И тогда Петръ въ досадѣ переправился въ Константинополь, а оставшіеся воины были окружены турками и послѣ отчаянныхъ схватокъ почти всѣ уничтожены.

Необузданная сила убила сама себя. Печаленъ былъ конецъ перваго общаго возстанія христіанъ противъ магометанства. Много погибло свѣжихъ, нужныхъ силъ,—около трехсотъ тысячъ человѣкъ,—и погибло ни за что, наведя только на всѣхъ глубокое уныніе, но не разочарованіе.

Кто былъ виноватъ въ этомъ? Трудно сказать, невозможно даже. Можно ли было чѣмъ инымъ поднять такъ единодушно народную силу и, поднявши такъ, можно ли было сразу сдержать ея? Къ тому же высшіе руководители общихъ дѣлъ, какъ папа и другія лица, слишкомъ сами были увлечены общимъ порывомъ негодованія, чтобы въ то время хладнокровно обдумывать и реформировать такую непомѣрно огромную силу.

Несчастная масса низшихъ слоевъ уступила мѣсто государствамъ и рыцарству, которыя были охвачены тою же религіозною идеей, но въ то же время обладали хладнокровіемъ, привычкой къ битвамъ и силой воли, которую проявляли надъ воинствомъ.

IV. Великое крестоносное войско.

Единодушно поднялось дворянство во Франціи на югѣ, на сѣверѣ и въ центрѣ страны. Клермонскій соборъ далъ рѣшительный толчокъ этому движенію; и это движеніе отразилось на Фландріи, на Нормандіи и Нѣмецкой имперіи. Здѣсь ревностно поднялся герцогъ Нижней Лотарингіи Готтфридъ Бульонскій, потомокъ Карла Великаго, который и сталъ душою и главой отдѣльныхъ войскъ крестоносной арміи.

Мужественный, добродѣтельный, религіозный и крайне умный человѣкъ,—Готтфридъ былъ образцомъ истаго рыцаря того времени. Страшно сильный и отважный,—онъ ни въ чемъ дурномъ не проявлялъ свою силу. Нѣтъ, онъ былъ твердъ, честенъ, великодушенъ; жилъ скромно, воздержанно и въ обращеніи со всѣми держалъ себя крайне просто и внимательно.

Глубокій, развитой умъ его безмолвно подчинилъ ему всѣхъ союзниковъ-крестоносцевъ, которые единодушно и охотно приняли его главнымъ и единственнымъ вождемъ союзныхъ войскъ. Поступки его, слово его цѣнились войскомъ, и всѣ довѣрялись ему безусловно.

Стоило герцогу бросить вызовъ высшему французскому и рейнскому сословію о помощи крестоносному войску, и всѣ они предложили свои имущества для снаряженія воиновъ. Къ этому Готтфридъ прибавилъ свои средства и въ нѣсколько мѣсяцевъ собралъ огромное войско въ 80.000 пѣхоты и 10.000 всадниковъ. Черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ собора въ Клермонѣ онъ уже выступилъ въ походъ.

Насколько Готтфридъ сильно держалъ въ подчиненіи свое войско, насколько оно ува-

Осада Визельбурга.

жало его, видно уже изъ того, что и въ Венгріи, въ Болгаріи онъ всюду находилъ помощь и продовольствіе въ награду за цѣлость страны и охрану жителей. А между тѣмъ не такъ давно тѣ же люди встрѣчали орды Петра Аміенскаго, Пексея, Голяка и др., какъ злѣйшихъ враговъ и вступали съ ними въ рукопашный бой.

Ближайшими сотрудниками Готтфрида во время этого похода были его братья Евстахій и Бальдуинъ.

А Франція тоже дѣятельно готовилась къ

походу. Графъ Гугъ, братъ Филиппа I, велъ французовъ; Робертъ Нормандскій шелъ во главѣ своихъ вассаловъ. Робертъ Фландрскій командовалъ фламандцами и фризами. За этими главными четырьмя вождями двинулась цѣлая толпа знаменитыхъ, храбрѣйшихъ по тому времени рыцарей.

Французы взяли путь черезъ Альпы. Перешли горные хребты и положили отправиться изъ итальянскихъ портовъ моремъ.

Крестоносцы.

V. Крестоносцы въ Италіи.

Только дошелъ до Италіи слухъ, что Франція двинулась на Востокъ, заволновались и тамъ люди, готовые хоть сейчасъ отправиться за ними слѣдомъ.

Князь Торрентскій Боэмундъ воспрянулъ душой. Ужъ давно въ немъ таилась вражда противъ Византіи, и радость обуяла его при одной мысли, что онъ вступитъ на греческія земли во главѣ большой арміи, а потомъ тамъ, на Востокѣ, покоритъ царство мусульманъ и станетъ владѣтельнымъ княземъ. Пылкія мечты охватили всецѣло Боэмунда, и онъ самъ выступилъ проповѣдникомъ крестоваго похода. И подъ впечатлѣніемъ его проповѣдей весь народъ былъ охваченъ рѣдкимъ энтузіазмомъ.

— Богъ того хочетъ!—вопили толпы возбужденнаго народа, такъ что гулъ стоялъ въ воздухѣ, а тысячи рукъ угрожающе поднимались вверхъ, словно ручаясь небу въ своей вѣрности и преданности.

Жизнь Боэмунда съ юности была исполнена превратностей. При жизни отца во время войны съ Византіей онъ былъ предводителемъ нормандскаго войска. Съ тѣхъ поръ Боэмундъ чувствовалъ особое стремленіе къ Византіи, съ которой велись у нихъ все время торговыя сношенія. Онъ мечталъ о громадныхъ завоеваніяхъ на Востокѣ, гдѣ онъ могъ бы создать богатое государство, независимое ни отъ кого.

Вотъ почему онъ особенно страстно ухватился за идею крестовыхъ походовъ.

Владѣлъ онъ небольшимъ княжествомъ Отранто, на югѣ Италіи, и средствами большими не располагалъ. Но онъ нашелъ выходъ стать во главѣ крестоноснаго войска.

Съ сѣвера шли отдѣльныя толпы крестоносцевъ подъ начальствомъ мелкихъ собственниковъ-рыцарей. Они были разрознены, и сами чувствовали свою слабость. Съ ними и вступилъ въ переговоры Боэмундъ.

— Богъ того хочетъ! — какъ-то горячо

воскликнулъ онъ на одномъ собраніи. — Когда весь свѣтъ поднимается, я не могу оставаться празднымъ. Я выступаю. О, кто изъ васъ, храбрые воины, принимаетъ со мною вмѣстѣ крестъ Христовъ? Кто пойдетъ со мною на борьбу за христіанство?

Словно искру бросилъ Боэмундъ въ порохъ,—такъ сразу заволновалась толпа вокругъ него. И Боэмундъ не упустилъ уже изъ рукъ этой власти.

Дѣятельность, энергія его дали понять всѣмъ, что Боэмундъ создастъ изъ нихъ сильную рать, съ которой не всякій-то рѣшится помѣряться силами.

Благодаря такой случайности, Боэмундъ быстро сформировалъ армію въ 20.000 пѣхоты и 10.000 всадниковъ, сѣлъ на суда и отплылъ въ Грецію въ сопровожденіи лучшихъ, знаменитѣйшихъ рыцарей всей Италіи и Сициліи, изъ среды которыхъ особенно рѣзко выдѣлялся своей безпримѣрной храбростью знаменитый рыцарь Танкредъ, племянникъ Боэмунда.

VI. Рыцарь народа Танкредъ.

Любимый герой народа былъ въ свое время Танкредъ, да и послѣ смерти онъ пользовался общей любовью и сожалѣніемъ. «Благочестивый, благородный рыцарь»,—отзывались о немъ современники. Но въ общемъ бурно шла жизнь Танкреда: то онъ былъ крайне религіозенъ, то сомнѣнія одолѣвали его, а потомъ страхъ охватывалъ его, потому что онъ сознавалъ свои грѣхи въ сомнѣніяхъ. И мучился рыцарь подъ вліяніемъ такихъ настроеній и день, и ночь.

Но когда пронеслась молва о крестовыхъ походахъ,—Танкредъ оживился. О, теперь-то онъ искупитъ своимъ оружіемъ грѣхи передъ Богомъ!

Это былъ типичный рыцарь: весь мозгъ его занимали опасныя приключенія, гордое благородство, прямота, любовь къ яростнымъ боямъ за правду и честь. И подъ властью хитраго, расчетливаго и сдержаннаго Боэмунда онъ былъ незамѣнимымъ помощникомъ ему.

VII. Духовный вождь.

Стояла осень 1096 года, когда сборы крестоносцевъ перваго крестоваго похода были закончены, и они уже двинулись въ походъ. Папа Урбанъ II извѣстилъ византійскаго императора Алексѣя о славномъ крестоносномъ войскѣ, что оно уже выступило и идетъ въ ихъ земли.

«Не менѣе 300.000 крестоносцевъ идутъ на освобожденіе страны, гдѣ стояли ноги Господни»,—сообщалъ онъ въ своемъ посланіи.

Это была страшная сила, хорошо вооруженная, довольно искусно подчиненная начальникамъ, хорошо освѣдомленная, куда и для чего идутъ они въ походъ. Но, конечно, строго подчинять крестоносцевъ было нельзя,—вѣдь они шли добровольно.

Только предводтели стояли розно одинъ отъ другого. Не было такого духовнаго лица, который бы одинъ могъ объединить всѣ эти массы. Даже папа не отправился съ крестоносцами, но послалъ съ ними своего посла, духовнаго вождя Адемара Монтейльскаго. Правда, каждый вождь шелъ со своимъ отрядомъ, когда и какъ хотѣлъ, и только одна опасность заставляла ихъ изрѣдка соединяться болѣе тѣсно. Воины шли добровольно; значитъ, они не были строго подчинены никому. Поэтому они безпрестанно переходили отъ одного князя

къ другому, а это гибельно вліяло на цѣльность арміи.

Адемаръ былъ преданъ своей миссіи. То въ митрѣ духовнаго владыки онъ является утѣшителемъ ополченцевъ, раненыхъ, умирающихъ; то въ рыцарскихъ доспѣхахъ, съ мечемъ въ рукахъ онъ бросается въ самую кипень боя на помощь христіанамъ. Но все-же, кромѣ уваженія, онъ не могъ заслужить отъ всѣхъ крестоносцевъ полнаго довѣрія, какъ заслужилъ бы папа, и въ данномъ случаѣ послѣдній могъ бы оказать объединенію войска незамѣнимую помощь.

VIII. Тревожныя думы Византіи.

Получилъ посланіе папы императоръ Алексѣй, и тревожныя думы закрались ему въ голову. Опасался онъ больше всего многочисленности крестоносцевъ, о которыхъ судилъ по безцеремоннымъ и дерзкимъ ордамъ Петра Пустынника.

Долго просилъ онъ и нетерпѣливо ждалъ къ себѣ, какъ защитниковъ, западныхъ христіанъ, а теперь, когда сбылись его мечты, ему самому жутко стало. Боится онъ за свою Византію, за свою власть.

Не думалъ онъ даже, что папа наберетъ такое огромное войско для защиты его правъ.

Явятся крестоносцы, переправятся въ Палестину и захватятъ всѣ мусульманскіе города въ свои руки. Ужъ, конечно, они ему, Алексѣю, ни городовъ, ни земель не отдадутъ, а сами крѣпко утвердятся тамъ. Такъ мало-по-малу и вся Малая Азія къ нимъ перейдетъ.

Закручинился императоръ, видитъ, какъ серьезно и совершенно неожиданно повернулось все дѣло. Трудно выдерживать напоръ сельджуковъ, а позволитъ ли ему западное рыцарство утвердиться послѣ нихъ въ Малой Азіи? Ну, врядъ ли!.. Какъ же быть? Какъ оградить себя отъ нападеній, какъ захватить въ свои руки хоть часть земель Палестины? Не сходны византійцы съ крестоносцами: первые привыкли къ строю установленной государственной жизни по старинѣ, а рыцари—своевольны, необузданы, дики даже. А потомъ Западная Церковь хочетъ всѣхъ подчинить себѣ, и, значитъ, Восточная Церковь въ основѣ враждебна ей.

IX. Хитрость византійской политики.

И рѣшилъ въ концѣ-концовъ Алексѣй вести дѣло хитро, лишь бы себя и Византію охранить отъ всего дурного и устроить лично свои дѣла.

Прежде всего онъ рѣшилъ сойтись дружественно съ крестоносцами, начать съ ними завоеванія, а потомъ воспользоваться тѣмъ, что они завоюютъ. Онъ хотѣлъ, чтобы крестоносцы только прогнали турокъ, очистили Малую Азію,—бывшія владѣнія Византіи. А ужъ затѣмъ мало-по-малу онъ подчинитъ всѣхъ завоевателей себѣ.

Вотъ и задумалъ онъ взять присягу съ крестоносцевъ въ томъ, что все завоеванное ими будетъ считаться владѣніемъ Византіи, а они только будутъ пользоваться землею временно.

Страшился императоръ за Византію, да и не напрасно. Крестоносцы фанатически были привержены къ папѣ, и всѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ церкви, они считали достойными уничтоженія.

Плохо пришлось бы Византіи и стала бы она римской провинціей, если бы не благочестивый Готтфридъ. Онъ удержалъ крестоносцевъ отъ этого, напомнивъ имъ главную цѣль ихъ похода.

Угодливостью, подарками сдружился Алексѣй съ крестоносцами. Обѣщалъ имъ многое, льстилъ имъ, не стѣсняясь ничѣмъ. А между прочимъ онъ предложилъ имъ принять присягу, какъ онъ про себя надумалъ. Кое-кто изъ вождей - крестоносцевъ согласился на это, но Готтфридъ отказался наотрѣзъ.

Сталъ тутъ Алексѣй принуждать ихъ силой и довелъ до того, что волей - неволей пришлось согласиться на его предложеніе, послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ битвъ. Нельзя же было терять даромъ войско, предназначенное для иного дѣла.

Не пожалѣлъ добра и денегъ Алексѣй, щедро одѣлилъ крестоносцевъ, обласкалъ ихъ и переправилъ въ Палестину.

И совсѣмъ успокоился хитрый императоръ. Боялся онъ только Боэмунда. Но тотъ самъ былъ хитрый и дальновидный человѣкъ. Присягу онъ принялъ въ томъ, что будетъ всегда вассаломъ византійскаго императора въ Палестинѣ, но въ душѣ никакого значенія не придавалъ этому обѣщанію. «Что завоюю, то мое, а впослѣдствіи отпоръ я самъ всякому дамъ силой»...

Наступила весна 1097 года, когда крестоносцы достигли Виѳиніи, держа путь къ городу Никеѣ. Увидѣли крестоносцы и замокъ Эксерогорго, подъ которымъ погибли первые ополченцы-крестоносцы отъ меча мусульманъ, увидѣли страшную долину смерти, гдѣ полегли разбитые на - голову несчастные люди, и сердце у каждаго сжималось отъ гнѣва и нетерпѣнія помѣряться силами съ невѣрными.

X. Тревога мусульманъ.

И дошла вѣсть о приближеніи толпы крестоносцевъ до мусульманъ никейскихъ. Созвалъ своихъ подданныхъ султанъ Килидусъ-Арсланъ (Львиная Сабля). Ради защиты ислама*) надо утвердить надежно и прочно Никею. Вѣдь на нее должны обрушиться первые удары христіанъ.

А султанъ и не подозрѣвалъ ничего подобнаго. Онъ былъ въ отъѣздѣ и совершенно спокоенъ. Не ждалъ онъ никакъ, чтобы такая дружная сила обрушилась на него, особенно послѣ гибели орды Петра Пустынника. Эта увѣренность и бездѣйствіе султана и помогли крестоносцамъ безъ всякаго препятствія подойти къ Никеѣ, обложить ея стѣны и начать правильную осаду.

Испугались никейцы, хоть и не мало народу у нихъ было; но ужъ очень многочисленно было войско крестоносцевъ—триста тысячъ воиновъ, да нескончаемо длинный обозъ, съ женами, дѣтьми, слугами и пр.

Страшный видъ представляла изъ себя эта туча, надвигавшаяся на осажденныхъ.

Пріунылъ гарнизонъ, и жители ужъ сдаваться хотѣли, да пришла вѣсть отъ султана:—«Иду на выручку», и всѣ ободрились.

Султанъ съ стотысячнымъ войскомъ расположился въ горахъ и ущельяхъ вблизи Никеи. Сначала и его устрашила эта громадная армія крестоносцевъ, которой, казалось, конца и краю нѣтъ.

Никея лежала на незначительномъ возвышеніи, среди глубокой котловины, окаймленной значительными горами; укрѣплена она была очень хорошо, окружена двойной оградой стѣнъ; каменными башнями. По стѣнамъ свободно могла проѣхать колесница,—настолько онѣ были широки. Построенная у озера Асканскаго, Никея хорошо была защищена имъ съ одной стороны.

---

*) Магометанская религія.

XI. Осада Никеи.

И началась жестокая, продолжительная осада Никеи. Разбили крестоносцы армію на части, каждой части назначили особое мѣсто, окруживъ его стѣнами, для засады.

Но рыцари были плохо знакомы съ осаднымъ дѣломъ, и нѣсколько дней прошло въ безплодныхъ попыткахъ. Но эти неудачи только пуще разжигали крестоносцевъ, еще сильнѣе закаляли ихъ.

Осада города; метательные снаряды.

И вдругъ примчался конный разъѣздъ и докладываетъ, что сарацины наступаютъ... И точно, издалека замѣтно было, какъ, словно лавины, спускалось султанское конное войско по склону горы въ Никейскую долину. Поняли сразу всѣ, что начинается, наконецъ, то дѣло, ради котораго бросили они все на родинѣ и устремились сюда, перенесли столько горя и испытаній. Съ оружіемъ въ рукахъ каменными изваяніями замерли они на мѣстахъ въ выжидательныхъ позахъ. А сердце ихъ такъ горѣло досадой и жаждой безпощаднаго боя!..

Это былъ только десятитысячный авангардъ мусульманъ. Вихремъ налетѣлъ онъ на ощетинившуюся живую стѣну крестоносцевъ, и жаркій бой закипѣлъ.

Кишитъ борьба,—гремятъ мечи, сыплютъ искрами, свищутъ въ воздухѣ стрѣлы, мелькаютъ жадныя копья... И вдругъ раздаются радостные крики христіанъ, и ломитъ живая стѣна ихъ отчаяннаго противника. Отрядъ султана смятъ, крестоносцы гонятъ его передъ собой по пятамъ...

Но слѣдилъ орлинымъ взоромъ издалека султанъ за первой схваткой. Минуты не промѣшкалъ онъ и съ пятидесятитысячной конницей налетѣлъ со спуска горы на усталыхъ крестоносцевъ...

Словно гулъ подземный гремятъ копыта коней, и дрожитъ - содрогается подъ ними земля. А мечи и копья молніями блещутъ надъ головами, тучи стрѣлъ свѣтъ застятъ.

Не дремлютъ храбрые рыцари. Несется

яснымъ соколомъ Готтфридъ, — и про опасность, и про смерть забылъ. Не видитъ, не слышитъ онъ ничего, а клиномъ ударяетъ онъ на вражью конницу и прошибаетъ ее насквозь, разрываетъ ряды надвое... А за нимъ несется Бальдуинъ, братъ его; Робертъ Фландрскій, Боэмундъ носятся тамъ и тутъ губительными тѣнями...

Посмотрѣть бы на Танкреда!.. Видитъ острымъ взоромъ онъ, гдѣ слабѣютъ крестоносцы, гдѣ уступаетъ ихъ сила вражьей,—и мчитъ туда на помощь; и слѣдомъ за нимъ съ новой силой бодро бросаются отступившіе, было, и ломятъ, и гнутъ, и гонятъ передъ собою ошеломленныхъ сарацинъ. А вонъ крестоносцевъ сбили вовсе и отодвигаютъ къ самымъ стѣнамъ, съ которыхъ сыпятъ на нихъ водопады камней, смолы, стрѣлъ...

И Танкредъ мчится туда, Робертъ Нормандскій — за нимъ слѣдомъ. А съ ними всюду—сама смерть и гибель. Утро было, свечерѣло... Наступила ночь... Бой не утихаетъ...

— Во имя Бога!.. Богъ того хочетъ!..

И при громкихъ, радостныхъ кликахъ усталые, запыхавшіеся крестоносцы бросаются на отступающихъ сарацинъ, которые бѣгутъ въ горы, ущелья, въ ужасѣ спасаясь отъ града мечей крестоносцевъ...

Двѣ тысячи сверженныхъ христіанъ, четыре тысячи сарацинъ покрыла чернымъ пологомъ ночь, чтобы отдохнула страдалица-земля, напоенная кровью человѣка.

Прошли день, два,—опамятовались крестоносцы, убрали убитыхъ, раненыхъ, и осада города возобновилась снова.

Но что это? О, чудо!.. Въ ужасѣ крестоносцы указываютъ одинъ другому на стѣну Никеи и шепчутся между собою.

Сарацины.

Огромнаго роста великанъ-сарацинъ грудой возвышается надъ стѣной. Онъ то цѣлыя глыбы каменныя поднимаетъ высоко надъ головой и съ страшной силой такъ швыряетъ ихъ, что пять-шесть крестоносцевъ валятся на землю, убитые на-поваль, то лукъ натягиваетъ и осыпаетъ ихъ огромными стрѣлами. Но самъ онъ невредимъ. Не трогаютъ его стрѣлы крестоносцевъ; не мѣшаютъ ему метательные снаряды-камнеметы,—выноситъ всѣ удары его стальная грудь,—и паническій ужасъ овладѣваетъ крестоносцами...

Видитъ герцогъ Готтфридъ Бульонскій, что неладно тутъ дѣло выходитъ, что суевѣріе начинаетъ одолѣвать воинами, что и руки у нихъ опускаются...

Смѣло вышелъ онъ изъ рядовъ воиновъ и подходитъ къ стѣнамъ никейскимъ близко-близко. Два оруженосца щитами охраняютъ его отъ ударовъ камнями и отъ цѣлой тучи стрѣлъ...

Натянулъ Готтфридъ тетиву лука могучей рукой.—«Помоги, Господи!...»

Чу! Загудѣла, запѣла стрѣла, и грузно падаетъ на стѣну пораженный въ самое сердце гигантъ-сарацинъ.

Ужъ семь недѣль какъ длится эта ужасная осада, а Никея все еще держится... Дивятся воины, да случайно ночью подсмотрѣли они, что сарацины съ озера Асканскаго на ладьяхъ подвозятъ подкрѣпленія и провіантъ въ Никею.

Отдѣлилась часть крестоносцевъ, скорымъ шагомъ отправилась къ недалекому порту, достала ладьи, барки, уложила ихъ на телѣги, въ одну ночь подвезла ихъ къ Никеѣ и спустила на озеро.

Утромъ проснулись никейцы и видятъ, что озеро у стѣнъ все покрыто множествомъ лодокъ съ крестоносцами, которые подстерегаютъ непріятельскія суда, чтобы тѣ не могли подойти къ осажданному городу.

Конецъ Никеи былъ неизбѣженъ, но византійскій императоръ не далъ крестоносцамъ воспользоваться побѣдой.

Среди крестоносцевъ находились два войска грековъ; одинъ вождь ихъ и пробрался въ Никею и спрашиваетъ, не хотятъ ли никейцы подчиниться Византіи. Тогда-де крестоносцы ихъ не тронутъ, а иначе жестоко будутъ мстить имъ, и камня на камнѣ здѣсь не оставятъ...

Что было дѣлать? Повѣрили никейцы Алексѣю и сдались...

Трудно описать гнѣвъ и досаду крестоносцевъ, когда они на-утро увидѣли знамя Византіи на башняхъ Никеи...

Обидно казалось, что столько усилій было потрачено на то, чтобы Алексѣй завладѣлъ важнымъ пунктомъ мусульманъ—Никеей. Ропотъ стихъ мало-по-малу, но съ этихъ поръ отношенія между крестоносцами и греками были окончательно подорваны; началась глухая ненависть между ними, словно у ногъ ихъ внезапно разверзлась бездонная пропасть...

КАРТА
ПАЛЕСТИНЫ (Святая земля).
Временъ возникновенія христіанства.
Беритъ
Сидонъ
Сарепта
Тиръ
Емаѳъ
Данъ (Лаисъ)
Кесарія Филипова Панея
Асоръ
Кедесъ
Дамаскъ
Сирія
Акко (Птолемаида)
Хоразинъ
Виѳсаида Юлія
Капернаумъ
Виѳсаида
Голонъ
Тиверіада
Назаретъ
Гадара
Эдрея
Кесарія (Палестинская)
Парѳелъ
Виѳсанъ
Гесуръ
Гераса
Самарія
Сихемъ
Сирса
Аполлонія
Іоннія (Яффа)
Силомъ
Рамоѳъ
Ѳамнаѳ Сара
Веѳиль Лузъ
Лидда
Рама
Іерихонъ
Рабба Аммонъ
Аккаронъ
Азотъ
Геѳъ
Іерусалимъ
Есевонъ
Аскалонъ
Виѳлеемъ
Хевронъ (Мамре)
Беацеръ
Газа
Герара
Вирсавія
Солёное или Мертвое Море
Рабба Моавъ
Киръ Моавъ
Кадесъ Варни
Пуст. Фаранъ
Восорра
Средиземное море
Финикія
Галилея
Самарія
Іудея
Перея
Идумеяне
Амаликитяне
Филистимляне
Моавитяне
Аммонитяне
Трахонитида
Батанея
Васанъ
Типо-лит. В. Рихтеръ. Москва.

Карта путей слѣдованія крестоносцевъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Походъ на Антіохію.

I. Тяжелый путь.

Тягости крестовыхъ походовъ только еще начинались. Планъ предводителей указывалъ воинамъ на Сирію и Палестину, а на этомъ пути надо было овладѣть нѣсколькими хорошо укрѣпленнмыи городами и крѣпостями, чтобы добраться до столицы Сиріи, Антіохіи.

Передъ крестоносцами развертывалась въ дикой мощи и суровой, своеобразной красотѣ въ то время почти неизвѣстная Малая Азія. Неровная поверхность на каждомъ шагу представляла тяжелые массивы горъ, глубокіе провалы, каменистыя долины и водомоины, гдѣ скрывались небольшія племена малоазійскихъ полудикихъ обитателей.

Отъ природы мѣстность пустынная, безводная, лишенная растительности, была теперь въ нѣкоторыхъ плодоносныхъ частяхъ своихъ, къ тому же, еще намѣренно опустошена мусульманами. Люди и животныя терпѣли страшныя мученія голода и жажды по цѣлымъ суткамъ; жаркій горный климатъ днемъ, ночью смѣнялся рѣзкимъ холодомъ. Но всѣ тягости этого похода были мужественно и бодро перенесены крестоносцами; страждущихъ людей поддерживала мысль, что они идутъ на великое дѣло во имя Бога.

Простые люди разныхъ странъ, языковъ и національностей поддерживали братское отношеніе другъ къ другу. Сохранилось выраженіе одного воина-крестоносца: «Мы не понимали другъ друга, но мы были единодушны въ любви, какъ братья, потому что это подобаетъ праведникамъ, которые идутъ къ Святымъ мѣстамъ»...

II. Двѣ арміи. Дорилейская битва.

Крестоносцы передъ походомъ раздѣлились на двѣ арміи; это было важно потому, что, проходя разными путями, люди меньше терпѣли отъ жажды и голода, такъ какъ продовольствія хватало на каждую армію; не приходилось спорить, ссориться изъ-за каждаго лишняго куска, изъ-за каждаго глотка воды.

Первая армія, подъ начальствомъ Готтфрида, Раймонда, Гуга и графа Фландрскаго, двинулась направо; вторая армія Боэмунда, Танкреда и герцога Нормандскаго — налѣво; но обѣ части держались невдалекѣ другъ отъ друга.

А сарацины не дремали и зорко слѣдили за передвиженіемъ крестоносныхъ громадъ. Султанъ Килиджъ - Арсланъ рѣшилъ жестоко отплатить крестоносцамъ за разореніе своей столицы Никеи.

Три дня идетъ со своими крестоносцами Боэмундъ и 1-го іюля 1097 года достигаетъ долины Горгони, вблизи города Дорилеума...

Сарацины вблизи!.. Да, это знаютъ всѣ; знаютъ, что султанъ идетъ слѣдомъ за ними и ждетъ только случая, чтобы напасть на христіанъ. Быстро ставитъ Боэмундъ въ долинѣ палатки, гдѣ помѣщаетъ небольшую, слабѣйшую часть своего войска, а сильные отряды отводитъ въ засаду.

Страшной лавиной обрушился султанъ съ горныхъ высотъ на лагерь крестоносцевъ. Численность его воиновъ значительно превосходила христіанъ, и никакія чудеса храбрости послѣднихъ не могли удержать эту живую лавину. Сарацины съ рѣдкой единодушной злобой обрушились на итальянцевъ и стали буквально избивать непріятелей, щадя женщинъ и забирая ихъ въ плѣнъ...

Но Боэмундъ изъ своей засады не упускаетъ изъ виду ничего и вдругъ, совершенно неожиданно ударяетъ на упоенныхъ неистовствомъ сарацинъ.

Съ другой стороны надвигается сила герцога Нормандскаго, который, внезапно вырвавъ у знаменосца бѣлое знамя, расшитое золотомъ, самъ бросается на непріятеля...

— За мною, нормандцы!.. — громовымъ голосомъ гремитъ онъ и опустошительнымъ ураганомъ врѣзается въ толпу непріятелей.

Танкредъ ослабѣвалъ въ неравной борьбѣ, но помощь Боэмунда подоспѣла во время. И все-таки не одолѣть бы крестоносцамъ войска сарацинъ, если бы Боэмундъ заранѣе не догадался послать гонца къ арміи Готтфрида, которая шла всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ. И армія Готтфрида подоспѣла вовремя, и съ помощью ея измученные рыцари креста сломили вражью силу и долго гнали ее передъ собой. Верстахъ въ четырнадцати отъ битвы находился лагерь сарацинъ, которымъ крестоносцы и завладѣли къ ночи. Болѣе двадцати тысячъ непріятелей легло въ этой битвѣ, получившей названіе Дорилейской битвы; крестоносцы потеряли одну пятую часть ихъ жертвъ. Послѣ этого случая крестоносцы рѣшили не разбиваться на двѣ партіи, а идти всѣмъ вмѣстѣ.

А дальше начались новыя пытки голода, жажды и другихъ лишеній, потому что турки сжигали пастбища, засыпали родники, грабили селенія христіанъ въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя лежалъ путь крестоносцевъ.

III. Путь къ Антіохіи.

Путь крестоносцевъ пересѣкалъ Синнаду,

Крестоносцы у ручья.

Малую Антіохію, Иконію и Гераклею. Небольшую поддержку воинамъ оказывали попутные города, которые въ страхѣ открывали ворота и давали имъ продовольствіе и безопасное мѣсто для отдыха.

Но до сихъ поръ еще главныхъ бѣдствій крестоносцы не испытывали; пришлось имъ зато испытать ихъ теперь, и вотъ почему.

До сихъ поръ вожди отдѣльныхъ частей жили въ полномъ согласіи, энергично и охотно помогая въ бѣдѣ другъ другу. Но теперь начинаются ссоры, несогласія,— и сколько горя принесло это людямъ, того и пересказать невозможно.

Въ Мессопотаміи, Каппадокіи, Киликіи и Сѣверной Сиріи существовали значительныя армянскія княжества. Турки сильно тѣснили и тревожили ихъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и возстановили ихъ противъ себя. Лучшихъ союзниковъ крестоносцы не могли себѣ добыть; вотъ потому-то они и рѣшили близко и тѣсно сойтись съ ними.

Ближайшій путь крестоносцевъ въ Сирію шелъ черезъ Киликію, но они рѣшили задать лучше крюку, на сѣверъ, чтобы только заключить прочный союзъ съ армянами, а черезъ Киликію отправили Танкреда и Бальдуина (брата Готтфрида).

Танкредъ давно уже мечталъ основать въ Палестинѣ нормандское государство, для чего теперь онъ и занялъ г. Тарсъ; но Бальдуинъ воспротивился этому и выгналъ его изъ города, утвердившись въ немъ со своимъ отрядомъ.

Танкредъ двинулся дальше и занялъ крѣпость Мальмистру, но Бальдуинъ отправился слѣдомъ за нимъ, и оба крестоносныхъ войска сошлись въ отчаянной, междоусобной битвѣ. Людей у Танкреда было меньше, и ему пришлось отступить. Впрочемъ, противникъ его сообразилъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и вожди помирились.

А главная армія шла между тѣмъ черезъ Иконію и Ираклію, на Марезію, и здѣсь она соединилась съ Бальдуиномъ; но послѣдній вскорѣ снова отдѣлился отъ крестоносцевъ и съ тысячнымъ отрядомъ двинулся на берега рѣки Евфрата, въ Мессопотамію. Съ помощью армянъ онъ разбилъ турецкіе отряды, захватилъ городъ Эдессу и укрѣпился тамъ прочно и надежно со своими крестоносцами.

IV. Послѣднія преграды.

Антіохія была уже недалеко. Оставалось одолѣть только одну значительную крѣпость Халкиду. Мусульмане мужественно защищали ее, но вскорѣ покинули стѣны и отступили къ рѣкѣ Оронту, къ послѣдней преградѣ, защищавшей Антіохію. Непріятели густо усѣяли лѣвый берегъ рѣки, рѣшивъ защищать до послѣдней капли крови желѣзный оронтскій мостъ.

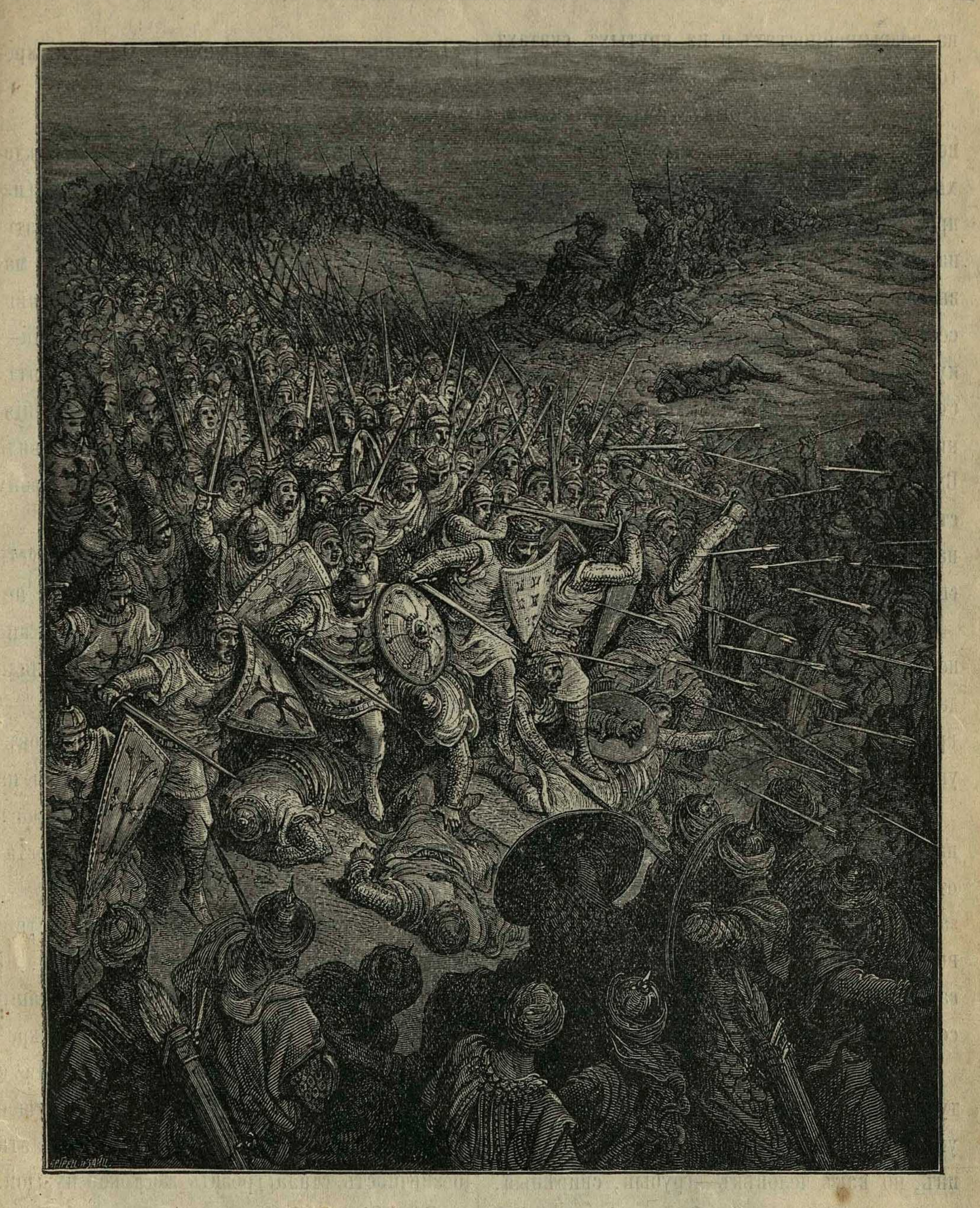
Но побѣды христіанъ даютъ воинамъ все бо̀льшую и бо̀льшую увѣренность; приближающаяся цѣль похода даетъ все новыя и новыя силы. Невольно всей арміей овладѣваетъ несокрушимый энтузіазмъ, и желѣзный мостъ былъ скоро перейденъ, несмотря на гибель людей, несмотря на многочисленныя препятствія турокъ, которые въ концѣ-концовъ въ ужасѣ бросились спасаться въ Антіохію подъ ударами крестоносцевъ...

Еще нѣсколько часовъ пути, и величественная, могущественная столица Сиріи—откроется передъ взорами пилигримовъ.

Крѣпка эта столица стѣнами, башнями, сложенными изъ цѣльныхъ каменныхъ глыбъ, но сила-то,—живая сила человѣческаго духа,—могуча; она сильнѣе этихъ каменныхъ, бездушныхъ глыбъ...

Да, это чувствовали всѣ. И отъ береговъ Оронта шествіе крестоносцевъ по долинѣ къ Антіохіи напоминало собою торжественную процессію.

Ярко сверкающія пурпуровыя и золототканныя хоругви жаромъ горѣли надъ крестоносной арміей; кольчуги, панцыри, копья, шлемы, забрала сверкали на солнцѣ, отражая его лучи, и казалось издали, что сверкающая, червонная щетина невѣдомаго со-

Битва при Дориліумѣ.

зданія неумолимо, тяжело надвигается на горделиво поднимающіяся мрачныя стѣны «города Божія» (Θеополь—по-гречески; θеосъ—богъ, полисъ—городъ).

V. Антіохія.

По современнымъ описаніямъ лѣтописцевъ Антіохія въ то время была однимъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ городовъ побережья Средиземнаго моря. Она была расположена въ разстояніи одного дня пути отъ моря, на южномъ берегу рѣки Оронта, частью по роскошной долинѣ, частью

на возвышенностяхъ и на крутыхъ скатахъ горъ.

Насколько великъ былъ самъ городъ, можно судить по длинѣ опоясывавшихъ Антіохію городскихъ стѣнъ, которыя шли на протяженіи 30 верстъ. Западная и южная части города были расположены на высокихъ горахъ, которыя уже сами по себѣ ограждали городъ: сѣверную и восточную части защищали въ низменной части стѣны, такія широкія и крѣпкія, что по нимъ свободно проѣзжала четверка лошадей. Вдоль стѣны шли 450 высокихъ башенъ, а стѣны были увѣнчаны безчисленными зубцами, изъ-за которыхъ осажденные могли свободно и безопасно отстрѣливаться.

Стѣны эти по тому времени буквально не поддавались осаднымъ орудіямъ, и недаромъ болѣе года безуспѣшно держали крестоносцы осаду, прежде чѣмъ надломили упорство мусульманъ.

Антіохія тогда уже четырнадцатый годъ находилась въ рукахъ мусульманъ, которые отняли ее у Византіи. За стѣнами города заперлось много народу, потому что при первыхъ слухахъ о приближеніи крестоносцевъ, сарацины стали сбѣгаться сюда со своими семействами и со всѣмъ добромъ.

Правителемъ Антіохіи былъ въ то время туркменскій эмиръ Баги-Зіанъ. Это былъ умный, энергичный и предпріимчивый воинъ, но какъ человѣкъ—грубый, свирѣпый, крайне необузданный. Онъ собралъ подъ своимъ начальствомъ семитысячную конницу и двадцатитысячную пѣхоту, при этомъ каждый воинъ буквально трепеталъ передъ своимъ вождемъ, жестокость котораго ужасала всѣхъ даже въ то военное, суровое время. Благодаря этому, въ войскѣ были строжайшая дисциплина и порядокъ.

VI. Несчастія у магометанъ. Ошибки крестоносцевъ.

Въ то время въ самой Сиріи шли междоусобія между начальниками эмиратовъ (извѣстный округъ, на которые была раздѣлена вся Сирія). Но мало этого, весь магометанскій міръ распался на два правительства, т.-е. на два калифата: Багдадскій—въ г. Дамаскѣ и Фатимидскій—въ Египтѣ. Одни эмираты держались одного правленія, другіе — другого. Самъ Баги-Зіанъ, видя сильную опасность, перешелъ [на сторону Багдадскаго калифата.

Но и крестоносцы вели свои дѣла спустя рукава. Они сами были виноваты въ неудачахъ осады Антіохіи; ужъ очень небрежно и вяло принялись они за это дѣло. Заняли они роскошную долину рѣки Оронта, — нормандцы и французы стали на востокѣ, лотарингцы, провансальцы и фландрцы на сѣверѣ, — и только: съ другихъ сторонъ они даже сторожевыхъ постовъ не поставили,—и такъ, молъ, безопасно.

Погода стояла хорошая, продовольствія людямъ и корму конямъ было много. И послѣ цѣлаго ряда лишеній, страданій отъ жажды и голода это показалось крестоносцамъ просто земнымъ раемъ. Ни о какихъ запасахъ, заготовкахъ на будущее время никто и не позаботился. Вскорѣ эта безпечность стала грозить жестокой нуждой.

Баги-Зіанъ давно ждалъ уже этого. Чаще и чаще сталъ онъ высылать небольшіе отряды, съ тѣмъ, чтобы они безпокоили и тревожили крестоносцевъ да задерживали бы подвозъ провіанта со стороны.

Теперь уже христіанамъ начиналъ грозить настоящій голодъ. А тутъ еще наступила зима съ сильными бурями и непрерывными

дождями. Въ войскѣ появилось множество больныхъ; и совсѣмъ упали духомъ крестоносцы.

Спасибо, что дружественные крестоносцамъ армяне вскорѣ стали подвозить провіантъ; это сильно поддержало несчастныхъ. Тогда рыцари, чтобы избавиться отъ частыхъ нападеній непріятеля, рѣшили правильно обложить Антіохію со всѣхъ сторонъ и запереть вражье войско за стѣнами Антіохіи. Живое кольцо воиновъ облегло весь городъ, и насколько страшенъ и величественъ былъ видъ этой осады, можно судить уже по тому, что всего народу было свыше шестисотъ тысячъ.

Кромѣ того устроили пловучій мостъ черезъ Оронтъ, чтобы препятствовать сарацинамъ дѣлать вылазки; а ворота завалили огромными глыбами гранита и стволами вѣковыхъ деревьевъ; на востокѣ заняли возвышенность и на ней возвели сторожевую башню, также и на сѣверѣ противъ моста, и, наконецъ, на западѣ рыцарь Танкредъ засѣлъ со своимъ отрядомъ на монастырскихъ развалинахъ противъ воротъ Св. Георгія, черезъ которыя осажденные получали подкрѣпленія и дѣлали вылазки.

VII. Голодъ и нужда.

Вылазки осаждаемыхъ прекратились, но у крестоносцевъ дѣла шли не лучше. Продовольствія не было вовсе; непрерывные дожди наводнили палатки, и весь лагерь представлялъ изъ себя ужасное зрѣлище. Кое-какъ дотянули до Рождества, а послѣ праздниковъ два отряда отправились искать по сосѣдству продовольствіе; но и его хватило не на долго. Холодъ и голодъ гигантскими массами рушили крестоносную армію, такъ что священники не успѣвали отпѣвать умершихъ страдальцевъ, и мѣста не хватало для общихъ «братскихъ» могилъ.

Рыцари въ изнеможеніи бродили по пустыннымъ полямъ, въ лохмотьяхъ, въ рубищѣ и выкапывали оружіемъ корни растеній и дикихъ травъ, чтобы хоть немного утишить страданія голода. О боевыхъ коняхъ и говорить нечего: отъ семидесяти тысячъ лошадей не насчитывали и двухъ тысячъ.

Панику крестоносцевъ усиливали и частые побѣги товарищей и начальниковъ—герцога Нормандскаго, Петра Пустынника; всѣ понимали неисходность своего положенія; всѣмъ невольно вспоминалась страшная Долина Смерти, на которой легли передовые отряды крестоносцевъ, и по которой съ ужасомъ проходили они нѣсколько времени тому назадъ.

VIII. Новыя надежды.

Но тяжелое время проходило, приближалась весна, и вмѣстѣ съ нею ожили упавшія, было, надежды крестоносцевъ. Съ тепломъ и прекращеніемъ дождей уменьшились болѣзни; въ лагерь постепенно прибывали продовольственные обозы отъ герцога Эдесскаго, отъ армянскихъ князей и монаховъ. Боэмундъ, Робертъ Фландрскій одержали рядъ блестящихъ побѣдъ надъ мусульманскими отрядами, которые выступили изъ Алеппо, Дамаска на помощь Антіохіи. Наконецъ, прибыли послы отъ египетскаго калифа для переговоровъ о мирѣ; все это утѣшало и ободряло измученныхъ, усталыхъ крестоносцевъ.

Къ тому же крестоносное войско пополнялось новыми пришельцами - пилигримами съ далекаго сѣвера: тутъ были и во-

ины, и разные бездомовые бродяги, искатели приключеній, разорившіеся морскіе разбойники.

Разъ какъ-то на такой отрядъ и напалъ Баги-Зіанъ, но сдѣлалъ только хуже себѣ; противъ него поднялся сразу весь христіанскій лагерь, и сарацины были жестоко побиты.

Послѣ этой битвы крестоносцы стали болѣе строго охранять всѣ городскія ворота, такъ что мусульмане были окончательно заперты въ Антіохіи.

Но въ это время дошла до крестоносцевъ страшная вѣсть, что на защиту Антіохіи поднялся и спѣшно идетъ къ нимъ самый могущественный сельджукскій эмиръ Кербога Моссульскій со своими несмѣтными силами.

Надо было торопиться съ осадой Антіохіи; это поняли всѣ рыцари: иначе осада могла окончиться очень печально для нихъ; свѣжая армія Кербоги съ одной стороны, обнадеженные антіохійцы съ другой, какъ тисками, легко сжали бы рыцарей и стерли— ихъ съ лица земли.

IX. Ошибка Кербоги Моссульскаго.—Планъ Боэмунда.

Крестоносцевъ спасла отъ вѣрной гибели ошибка Кербоги, который прежде всего пошелъ въ Мессопотамію и осадилъ крѣпость Эдессу, гдѣ засѣлъ, какъ вы помните, графъ Бальдуинъ. Кербога ошибочно думалъ, что въ Эдессѣ находились главныя силы крестоносцевъ.

Но Бальдуинъ крайне мужественно оказалъ ему такое храброе и искусное сопротивленіе, что Кербога только даромъ потерялъ подъ крѣпостью около трехъ недѣль. Это-то и помогло крестоносцамъ.

Что же происходило подъ Антіохіей? Уже семь мѣсяцевъ безуспѣшно осаждали ее крестоносцы, и сами видѣли, что толку никакого не выходитъ. А что дальше будетъ, неизвѣстно: придетъ Кербога Моссульскій и перебьетъ ихъ всѣхъ до единаго. Это вѣрнѣе всего.

И тогда назрѣлъ у Боэмунда смѣлый, хотя коварный и хитрый планъ. Боэмундъ пошелъ въ походъ не ради благочестивыхъ побужденій; вовсе нѣтъ, ему просто хотѣлось владычествовать на востокѣ, устроить свое собственное могущественное государство въ Святой Землѣ и угрожать цѣлой Византійской имперіи своею силой. Успѣхъ графа Бальдуина, который уже владычествовалъ въ Эдессѣ, только еще болѣе разжигалъ Боэмунда. Боэмундъ не дремалъ. Онъ предложилъ рыцарямъ-вождямъ отдать ему Антіохію въ собственность, и тогда-де онъ живо покоритъ ее; а не-то онъ броситъ все и уѣдетъ домой. Рыцари согласились, и тогда Боэмундъ приступилъ къ дѣлу. Къ счастью для себя онъ нашелъ измѣнника въ Антіохіи, который готовъ былъ предать крѣпость. Такимъ образомъ, въ рукахъ у Боэмунда сосредоточилась могучая власть.

IX. Фирузъ-предатель.

Измѣнникъ у мусульманъ, предатель Фирузъ, былъ родомъ армянинъ, сынъ оружейника, человѣкъ хитрый, лукавый, дѣйствовавшій во всѣхъ случаяхъ жизни исключительно ради выгоды. Изъ разсчета онъ принялъ магометанство и въ скоромъ времени заручился довѣріемъ Баги-Зіана. Потакая, угождая ему, Фирузъ легко добился того, что его назначили въ военный совѣтъ и отдали подъ его команду три башни на

«Долина Смерти».

западной оградѣ Антіохіи съ гарнизонными отрядами. Онъ обманулся, думая, что такое положеніе будетъ ему выгодно; но, убѣдясь въ безплодности своей службы, онъ рѣшилъ ради выгоды предать ее непріятелю, тѣмъ болѣе, что онъ ненавидѣлъ и презиралъ Баги-Зіана за его грубость и неограниченную власть...

Кстати, около этого времени за незначительную оплошность Фирузъ подвергся жестокому насилію со стороны Баги-Зіана. Это страшно раздражило Фируза, и послѣ того

онъ дѣятельно началъ искать случая предать эмира и весь городъ крестоносцамъ.

X. Взятіе Антіохіи.

Случайно совершенно Фирузъ въ своихъ исканіяхъ напалъ на Боэмунда, и съ первыхъ же словъ эти два хитрыхъ, коварныхъ человѣка сразу поняли другъ друга. Давно замысливъ планъ предательства, Фирузъ дѣятельно сталъ разузнавать у крестоносцевъ, кто изъ нихъ былъ самымъ главнымъ вождемъ. Ему указали на Боэмунда, потому что съ другими рыцарями было сладить труднѣе. И Фирузъ сразу понялъ, что глава всего крестоноснаго войска — именно Боэмундъ, который не остановится ни передъ чѣмъ и пойдетъ на всякія сдѣлки. Съ радостью принялъ Боэмундъ предложеніе Фируза и обѣщалъ за измѣну и выдачу города большую награду и повышенія по службѣ.

Сначала Боэмундъ сомнѣвался, не хитрость ли это Баги-Зіана. Кто поручится въ томъ, что это все правда? Чѣмъ можетъ быть подтверждена преданность Фируза? Но тотъ предусмотрѣлъ это и пишетъ, что онъ не измѣнникъ и предаетъ Антіохію не ради корыстныхъ цѣлей. Почему же? О, это — великая тайна! Фирузъ пишетъ, что видѣлъ сонъ: ему явился Божественный Учитель христіанъ и повелѣлъ предать Антіохію христіанамъ въ руки...

Какъ ярко сказалась вся низость души вѣроотступника, для котораго не могло быть ничего завѣтнаго, ничего святого, не могло быть дорого никакое убѣжденіе!.. И этотъ фактъ окончательно успокоилъ Боэмунда: онъ понялъ, что ради выгоды Фирузъ пойдетъ на все.

Спѣшно на-утро собралъ Боэмундъ вождей крестоносцевъ, горячо убѣждаетъ ихъ минуты не медлить и захватить Антіохію хитростью и измѣной. Онъ говорилъ горячо, убѣдительно,—и всѣ ясно поняли, что Боэмундъ собственно хлопочетъ только о себѣ самомъ.

Рыцари и стали снова перечить ему; почему же онъ одинъ воспользуется всѣмъ? Они бросили на родинѣ все; они рисковали собой и жизнью своей семьи и отвѣчали за жизнь довѣрившихся имъ рядовыхъ крестоносцевъ. Къ тому же рыцарскій долгъ—служить истинѣ, биться въ честной битвѣ, а здѣсь какіе-то тайные, коварные пріемы!..

Однако,—говорилъ Боэмундъ,—слухи день ото дня становятся все тревожнѣе. Кербога Моссульскій собралъ свыше трехсотъ тысячъ воиновъ и идетъ сюда, на освобожденіе Антіохіи. Онъ можетъ быть здѣсь не нынче, такъ завтра!.. Время не терпитъ... Надо торопиться дѣйствовать... Завтра, можетъ-быть, будетъ уже поздно...

И въ доказательство онъ показываетъ письма Фируза, который согласенъ пропустить ихъ во всѣ три настѣнныя башни. Только одно условіе: онъ имѣетъ сношеніе съ однимъ Боэмундомъ, и только тогда откроетъ войскамъ свободный доступъ, если вожди обѣщаютъ предоставить Антіохію власти Боэмунда.

Рыцари колеблются, и снова Боэмундъ говоритъ имъ, что съ каждымъ днемъ опасность увеличивается, военачальники сами ведутъ крестоносцевъ на вѣрную гибель; отступать теперь — позорно и грѣшно, а выступить грудью противъ свѣжихъ силъ войска сарацинъ—и совсѣмъ безразсудно.

Боэмундъ поднимается на башню.

Опасность была слишкомъ очевидна, и она заставила всѣхъ забыть свои личные интересы и согласиться на предложенія Боэмунда: дѣлать, дѣйствительно, больше нечего было...

XI. Послѣдняя ночь.

Боэмундъ увѣдомилъ Фируза и немедленно приступилъ къ дѣлу. Это было въ ночь 2-го іюня 1098 года. Задолго до наступленія ночи часть крестоносцевъ была пра-

вильно выстроена отрядомъ и двинулась отъ Антіохіи по дорогѣ какъ-будто бы навстрѣчу Кербогу Моссульскому; ночью же дальними обходами крестоносцы отправились обратно къ крѣпости.

Мракъ царилъ кругомъ, до зари было далеко; обманутый гарнизонъ спалъ глубокимъ сномъ... Къ ночи поднялась непогода, налетѣлъ рѣзкій, порывистый вѣтеръ, тучи заволокли небесный куполъ; глухо загрохоталъ громъ, молнія пугливо вспыхивала и на мигъ озаряла дорогу и вдали — неясныя очертанія антіохійскихъ стѣнъ и башенъ.

Гроза приближалась. Подъ напоромъ вѣтра деревья и кусты безпомощно гнулись и тревожно шуршали своими вѣтвями. Гроза еще болѣе возбуждала крестоносцевъ; Боэмундъ ясно чувствовалъ, что смѣлый, рискованный планъ его осуществится.

Крестоносцы безшумно крались къ антіохійскимъ стѣнамъ съ запада и собрались подъ башней Трехъ Сестеръ, которой командовалъ Фирузъ.

По условному знаку Фирузъ опустилъ изъ окна башни кожаную лѣстницу; по ней поднялся сначала простой воинъ-крестоносецъ, а за нимъ—Боэмундъ. Мало-по-малу воинъ за воиномъ стали подниматься на башню, и вскорѣ нѣсколько отрядовъ разсыпалось по антіохійскимъ улицамъ, и тутъ началось страшное избіеніе сонныхъ антіохійцевъ; ихъ погибло въ одну эту ночь болѣе десяти тысячъ. Самъ Баги-Зіанъ тайкомъ бросился черезъ малыя ворота на сѣверо-востокъ, но его узнали, и страшный вождь былъ убитъ новыми властителями Антіохіи.

Утренняя заря освѣтила развѣвающееся знамя Боэмунда на одной изъ самыхъ высокихъ башенъ.

Но побѣда была неполная. Сынъ Баги-Зіана собралъ около тысячи человѣкъ, пробился въ цитадель (кремль) Антіохіи, въ южной части города, и заперся за ея стѣнами; несмотря на всѣ попытки Боэмунда выбить оттуда турокъ, послѣдніе удержали-таки за собою эту засаду...

Опасность такого положенія понимали только старѣйшіе рыцари; что касается до остальныхъ, то никто не придавалъ этому случаю никакого значенія, и всѣ на радостяхъ буйствовали на развалинахъ Антіохіи.

XII. Нашествіе Кербоги.

Черезъ трое сутокъ къ стѣнамъ Антіохіи подошла трехсотъ-тысячная армія Кербоги и живымъ кольцомъ обложила всю крѣпость, такъ что христіанамъ ни откуда нельзя было ждать ни помощи, ни продовольствія. Запасы крестоносцевъ живо пришли къ концу, и снова на нихъ обрушился весь гнетъ насущной нужды.

9-го іюля эмиръ началъ нападеніе и сразу ударилъ на крестоносцевъ съ двухъ сторонъ: одна часть сарацинъ двинулась изъ цитадели на улицы Антіохіи, другая ударила на восточную часть города.

Отчаянность положенія мгновенно преобразила крестоносцевъ. Строгая дисциплина, близость смерти дали имъ возможность оказать чудеса храбрости. Съ обѣихъ сторонъ наступавшій непріятель встрѣтилъ живыя стѣны латниковъ, ощетинившіяся мечами, съ плотно сомкнутыми щитами; наконецъ, одна часть крестоносцевъ неожиданно смѣлымъ натискомъ прорвала кольцо непріятеля, смѣшала его и заставила отступить.

Еще много силы и мужества было въ рыцаряхъ креста, и это сразу понялъ

эмиръ Кербога и тотчасъ же перемѣнилъ планъ своихъ дѣйствій. Отступивъ, онъ рѣшилъ извести христіанъ голодомъ, ужасомъ и безпрерывными нападеніями небольшихъ, но свѣжихъ отрядовъ со стороны цитадели.

Безошибочно былъ задуманъ этотъ страшный планъ. И сначала казалось, что гибель всей крестоносной арміи уже недалека. Нужда дошла до послѣдней крайности. Утомленный, наголодавшійся народъ съ жадностью набрасывался на отбросы, на траву, деревянную кору, на подошвы сандалій и ремни и все это поѣдалъ съ невѣроятною жадностью; падаль считалась рѣдкимъ лакомствомъ.

И все-таки эти люди стойко выносили всѣ лишенія. Воины падали не отъ ранъ, но обезсилѣвъ отъ голода и безсонницы, и тутъ же крѣпко засыпали.

Никогда еще за все время [походовъ пилигримамъ не приходилось выносить подобныхъ страданій, и тайкомъ многіе переходили на сторону непріятеля цѣлыми отрядами, съ начальниками во главѣ.

И вдругъ пронесся ужасный слухъ, что всѣ князья - военачальники собираются бѣжать тоже. Тутъ уже началось поголовное возстаніе, и насилу - то епископъ Адемаръ и Боэмундъ образумили обезумѣвшихъ людей и возстановили порядокъ между ними. Голодъ, отчаяніе отъ безвыходности положенія какъ бы переродили крестоносцевъ. Они какъ-то сроднились съ мыслью о неизбѣжной смерти и готовились къ переходу къ лучшей жизни. Воины проводили цѣлыя ночи въ горячей молитвѣ; напряженные нервы, утомленный ожиданіемъ гибели мозгъ создавали имъ во снѣ чудныя видѣнія; имъ снились отверзтыя небеса, святые угодники, Божія Матерь, Христосъ. И, просыпаясь, они чувствовали нѣкоторое облегченіе отъ сознанія, что они не забыты Богомъ.

Наконецъ, пронеслась вѣсть, что одинъ изъ воиновъ во снѣ получилъ откровеніе отъ св. Андрея, будто въ одной церкви зарыто копье, которымъ было прободено на крестѣ тѣло Спасителя. И точно, когда стали рыть полъ въ церкви, то нашли дѣйствительно копье, одинъ видъ котораго оживилъ въ народѣ гаснущую надежду...

XIII. Боэмундъ во главѣ войска.

Отъ Боэмунда ничто не ускользало. Онъ видѣлъ нравственный подъемъ крестоносцевъ; видѣлъ, что отчаяніе довело ихъ до рѣшительной храбрости,—и онъ понялъ, что этимъ надо воспользоваться; надо перейти въ наступленіе и разбить войско Кербоги.

Боэмундъ былъ избранъ на 14 дней главнымъ начальникомъ надъ всей арміей самими князьями, которые видѣли ясно, что только онъ одинъ сохранилъ твердость и непоколебимость духа и вѣру въ силы крестоносцевъ. Власть Боэмунду была дана неограниченная, и поэтому ему не трудно было быстро обуздать неповиновеніе войска.

Прежде начала боя, однако, Боэмундъ предложилъ Кербогу отступить миролюбиво; но отвѣтъ получился отрицательный: или смерть, или переходъ въ исламъ...

Значитъ, надо было идти навстрѣчу смерти напроломъ. Воиновъ было всего только 150.000, часть которыхъ надо было оставить для осады цитадели. У Кербоги же войско было сильнѣе въ нѣсколько разъ.

Но дѣлать было нечего,—выбора иного не предвидѣлось!..

XIV. Рѣшительный бой.

Кербога былъ увѣренъ въ самомъ себѣ и высокомѣрно смотрѣлъ на измученныхъ крестоносцевъ. Но именно это и помѣшало ему видѣть недостатки своей арміи, а главное — то, что между союзниками-эмирами шли въ это время крупныя ссоры.

Кербога далъ христіанамъ свободно выйти изъ воротъ по мосту и выстроиться для битвы широкимъ фронтомъ, разбившись на двѣнадцать корпусовъ.

Раздался сигналъ трубъ, и крестоносцы, тѣ самые люди, которые наканунѣ изнемогали отъ голода, усталости и упавшаго духа,—внезапно какъ-то всѣ вмѣстѣ одушевились одной твердой рѣшимостью во что бы то ни стало одолѣть непріятеля и единодушно устремились на безчисленныя массы сарацинъ Кербога Моссульскаго.

Конный сельдужкскій отрядъ, главная сила арміи турокъ, бросается обогнуть флангъ крестоносцевъ, чтобы ударить на нихъ съ тыла, но Боэмундъ твердо встрѣчаетъ его здѣсь и неимовѣрными усиліями опрокидываетъ его и гонитъ впереди себя...

Эта первая удача удесятерила силы отчаявшихся христіанъ, и они буквально смяли передовыя силы стотысячнаго отряда, и Кербога сразу понялъ, что перевѣсъ на ихъ сторонѣ, и отступилъ.

Но христіане не даютъ сарацинамъ опомниться и гонятъ ихъ, разсѣиваютъ страшную силу, которая бѣжитъ,—бѣжитъ, спотыкаясь, падая, и губитъ въ паническомъ ужасѣ сама же себя. Самъ Кербога спасся только тѣмъ, что чудный конь унесъ его съ поля битвы съ поразительной быстротой.

Сами крестоносцы не ожидали даже такой удачи. Страшная гроза разсѣялась такъ легко, такъ неожиданно для нихъ, и послѣ тяжкой осады они сразу почувствовали необычайное облегченіе. Къ тому же имъ достался весь лагерь въ добычу, которую они переносили въ Антіохію въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Всюду пѣли молитвенныя гимны, украшали церкви, которыя были биткомъ набиты народомъ.

Нѣсколько времени спустя, антіохійскій патріархъ и князья снарядили на родину, на Западъ, пословъ съ особыми грамотами, въ которыхъ были пространно описаны всѣ трудные подвиги крестоносцевъ, всѣ ихъ страданія, битвы и, наконецъ, долго ожидаемая побѣда надъ сирійской столицей...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Конецъ перваго крестоваго похода.

I. Ссоры князей.

Кажется, все благопріятствовало крестоносцамъ, и имъ надо было бы только тѣснѣе сплотиться, потому что ихъ уже оставалась только часть былого ополченія.

Нужно было сойтись тѣснѣе уже потому, что конечная цѣль похода—Іерусалимъ, городъ Царя царей, былъ недалеко.

Все крестоносное войско было благочестиво и мужественно настроено, и воины прямо-таки требовали, чтобы рыцари вели ихъ на Іерусалимъ.

Не тутъ-то было! Между рыцарями поднялись распри и мелочные счеты. И все это на почвѣ зависти.

Вы помните, что Бальдуинъ давно уже владѣлъ Эдесскимъ княжествомъ; примѣръ его и Боэмунда, который теперь сталъ хозяиномъ Антіохіи, никому рѣшительно не давалъ покою; и каждый изъ князей, обуреваемый кипучей завистью, забывалъ о главной цѣли крестоваго похода и думалъ только о томъ, какъ бы отнять у болѣе счастливаго союзника завоеванную крѣпость.

Какъ видно, зависть во всѣ времена всецѣло владѣла человѣческимъ сердцемъ. И именно она въ данномъ случаѣ имѣла вліяніе на многія послѣдующія неудачи и бѣды.

Князья не хотѣли уходить изъ Антіохіи, оставивъ ее въ пользу Боэмунда. Раймондъ Тулузскій занялъ цитадель и готовился защищать ее отъ Боэмунда, оправдываясь тѣмъ, что Антіохію надо предоставить власти императора Алексѣя.

Но Алексѣй самъ себѣ повредилъ; до князей дошелъ слухъ о поступкѣ Алексѣя, который, пользуясь смятеніемъ мусульманъ, завоевалъ въ западной Малой Азіи Смирну, Сарды, Лаодикею и другіе города и цѣлыя области, а какъ только узналъ о полчищѣ Кербоги и о стѣсненныхъ обстоятельствахъ крестоносцевъ, такъ и не подумалъ идти на выручку Антіохіи, а преспокойно вернулся домой. Можно ли было теперь снова обращаться съ поклонами къ Византіи? Противъ этого возстали уже не только Боэмундъ, но и всѣ остальные рыцари.

II. Повальная болѣзнь.

А между тѣмъ мѣшкать было нельзя. Воздухъ былъ весь зараженъ, и въ теченіе одного мѣсяца развившаяся заразная болѣзнь унесла до 50,000 человѣкъ съ собою, и самое печальное было то, что при этомъ погибъ епископъ Адемаръ, — единственный, кажется, человѣкъ, который былъ далекъ отъ всякихъ личныхъ интересовъ и свято соблюдалъ основную идею крестоваго похода, скорбя о мелочности и ссорахъ рыцарей.

Но ни смерть цѣлой арміи, ни видъ столькихъ погребеній не образумилъ, не испугалъ предводителей, и они продолжали копаться въ своихъ честолюбивыхъ и личныхъ замыслахъ.

Вражда между князьями развивалась все сильнѣе и сильнѣе, а глядя на нихъ и въ войскахъ стали обостряться отношенія между воинами.

Что только дѣлали рыцари, — суди ихъ Богъ, но крестовый походъ грозилъ окончиться гибелью отъ междоусобицы на порогѣ конечной цѣли.

Прошло лѣто, осень, — объ обѣщанномъ походѣ еще и рѣчи не было, и народъ возмутился.

— Если князья не хотятъ идти въ Іерусалимъ, такъ мы и одни пойдемъ ко Гробу Господнему! — съ гнѣвомъ, открыто стали говорить въ войскѣ. — А если будутъ опять спорить объ Антіохіи, такъ мы своими же руками разрушимъ на тло весь городъ!

Испугался Раймондъ этой угрозы и спѣшно вышелъ изъ Антіохіи на востокъ, къ сильной крѣпости Маарра. Но Боэмундъ не отставалъ, и когда былъ взятъ городъ, князья начали и здѣсь свои обычные споры и нелады.

Тутъ уже воины дошли до отчаянія и выполнили свою угрозу—на-тло разрушили

всю крѣпость,—не доставайся же она никому когда такъ...

Обезсиленный Раймондъ двинулся на югъ, а Боэмундъ вернулся въ Антіохію и отнялъ цитадель у войска Раймонда. Въ гнѣвѣ Раймондъ рѣшилъ начать кровопролитную междоусобную борьбу и отправился въ страну триполлискаго эмира и осадилъ первую встрѣчную крѣпость Ирку.

III. Протестъ войска.

Вся крестоносная армія разбилась на части, и каждая часть хотѣла имѣть свои особыя завоеванія. Эти завоеванія въ сосѣднихъ странахъ раздражали крестоносное ополченіе; 1098 годъ приходилъ къ концу, и волей-неволей надо было ждать снова весны. Раймондъ не хотѣлъ уходить изъ-подъ Ирки, объявивъ, что византійскій императоръ соединится съ ними черезъ восемь мѣсяцевъ. Но воины страстно рвались къ Іерусалиму и открыто негодовали на хитрую политику вождей. А о союзѣ съ Византіей и думать не хотѣли.

Видѣнія, предсказанія растравляли мятущіеся умы, и, наконецъ, внезапно, съ рѣдкимъ воодушевленіемъ воины поднялись, какъ одинъ человѣкъ, сожгли палатки и безпорядочными толпами сами двинулись на югъ по пути къ Іерусалиму это было въ серединѣ мая.

Раймондъ плакалъ отъ ярости, бѣшенства и своего безсилія надъ войсками, но долженъ былъ отправиться слѣдомъ къ конечному пункту крестовыхъ походовъ, чему были рады остальные союзные князья.

IV. Походъ на Іерусалимъ.

Изъ Антіохіи выступить положили въ мартѣ 1099 года. Готтфридъ и Робертъ Фландрскій вышли въ назначенное время, попутно одолѣли нѣсколько крѣпостей и, наконецъ, остановились подъ стѣнами финикійской крѣпости Архаса, которую осаждалъ уже графъ Раймондъ.

Вы помните, что магометане давно раздѣлились на двѣ партіи, которыя враждовали между собою; то были фатимиды и сельджуки. Издавна фатимиды владѣли Сиріей и Іерусалимомъ, но нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ сельджуки вытѣснили ихъ оттуда; это явно обострило отношенія между обѣими магометанскими партіями.

Вотъ крестоносцы и задумали соединиться съ фатимидами,, чтобы окончательно разбить сельджуковъ. Съ годъ назадъ рыцарское посольство (въ 1097 году) явилось съ этимъ предложеніемъ къ каирскому калифу.

Только калифъ на это не согласился. Онъ былъ увѣренъ, что и крестоносцы, и сельджуки одинаково утомлены, и онъ скоро побѣдитъ и тѣхъ, и другихъ.

Съ этой цѣлью онъ и напалъ лѣтомъ 1098 г. на Іерусалимъ и занялъ его. Явное дѣло, ему теперь не зачѣмъ было дружиться съ крестоносцами, и онъ послалъ имъ сказать, что позволяетъ посѣтить Іерусалимъ, но только безоружнымъ воинамъ.

На эти угрозы и предупрежденія крестоносцы и не посмотрѣли, а прямо усиленнымъ маршемъ двинулись на Іерусалимъ.

V. Успѣхи крестоносцевъ.

По численности войско теперь было не большое. Уже отъ 300.000 человѣкъ подъ Антіохіей осталось 50.000, да и того меньше, всего 20.000, потому что бо́льшая часть осталась для защиты завоеванныхъ крѣпостей. Но зато здѣсь не было всевоз-

«Iерусалимъ!»..

можныхъ бродягъ, праздныхъ людей, а оставалось самое ядро рыцарей Креста. Это были все испытанные, закаленные въ бояхъ воины, подчиненные строгой дисциплинѣ.

Войско двигалось вдоль берега мимо богатыхъ, населенныхъ городовъ, которые одинъ за другимъ сдавались на милость побѣдителя—Бейрутъ, Тиръ, Сидонъ и др.—и кромѣ того даже помогали чѣмъ могли крестоносцамъ, особенно продовольствiемъ.

Затѣмъ крестоносцы начинаютъ постепенно отдаляться отъ морского берега въ глубь страны. Богатая, роскошная Финикія просто очаровала ихъ, и войско какъ-то особенно ободрилось, оживилось, не уклонялось ни отъ малѣйшаго распоряженія начальниковъ. Кессарія, Лидда, Рамла сдались безъ бою и признали надъ собой владычество крестоносныхъ рыцарей.

И вдругъ миляхъ въ десяти отъ Іерусалима, въ Рамлѣ, чуть, было, не началось новаго раскола.

Невѣдомо почему, но вожди внезапно стали обсуждать вопросъ, не начать ли имъ осаду Дамаска и Каира вмѣсто того, чтобы идти прямо на Іерусалимъ.

Быть-можетъ, видя передъ собой такъ близко главную цѣль похода, князья внезапно почувствовали небывалую робость и хотѣли только временно отдалить этотъ послѣдній, важный моментъ изъ борьбы съ исламомъ.

Но воины слишкомъ рвались къ Святому городу, и тогда вожди ихъ, боясь новаго возстанія и раздробленія силъ, единогласно рѣшили идти прямо на Іерусалимъ.

VI. Святой городъ.

Въ благоговѣніи подходила измученная, усталая толпа пилигримовъ къ Святому городу. Глубокое религіозное чувство невольно всецѣло охватило крестоносцевъ, и куда дѣвались ихъ прежняя заносчивость, мятежность, ихъ стремленіе къ разгульному образу жизни. Серьезные, сосредоточенные, проникнутые мыслью о величіи Божіемъ, чуждые всего мелочнаго, житейскаго, проходили они по Святой Землѣ, изъ чувства благоговѣнія скинувъ съ себя даже обувь. Ночью наканунѣ прибытія въ Іерусалимъ никто и не подумалъ прилечь отдохнуть... Сколько трудовъ было перенесено, сколько лишеній, сколько странъ пройдено за все это время!.. Но ни у кого не являлось ни раскаянія въ своемъ поступкѣ, ни сожалѣнія о понесенныхъ страданіяхъ; наоборотъ, чувство удовлетворенія, душевнаго спокойствія владѣло всѣми безъ исключенія.

Когда вспыхнула заря, не медлили ни минуты и усиленно двинулись впередъ, опережая другъ друга.

Іерусалимъ издалека не виденъ, онъ закрытъ невысокими холмами, окружающими его...

Молчаливо, спѣшно шагали люди, глазъ не спуская съ горизонта... И когда, наконецъ, издалека ослѣпительно сверкнули на солнцѣ бѣлыя стѣны и башни Святого города, въ сердцѣ котораго возвышалась божественная Голгоѳа,—единодушный энтузіазмъ овладѣлъ всѣми ратниками. Они пали на колѣни, склонивъ головы до земли; они цѣловали эту Святую Землю со слезами умиленія; всадники сошли съ коней и тоже пали ницъ передъ святыней, и, словно рокотъ моря, надъ всей толпой стоялъ немолкаемый гулъ отъ стоновъ, плача, молитвъ и благоговѣйнаго шепота:

— Іерусалимъ!.. Вотъ онъ, наконецъ, Іерусалимъ, Святой городъ!..

VII. Осада Іерусалима.

Египетскій гарнизонъ состоялъ изъ сорокатысячной арміи, да къ тому же за оружіе взялись 20,000 жителей. Помимо этого изъ окрестностей Іерусалима, съ береговъ Іордана, Мертваго моря, отовсюду въ городъ собрались толпы мирныхъ жителей, которые искали защиты за стѣнами Іеру-

Осада Іерусалима.

салима и затѣмъ примкнули къ общему гарнизону.

Расположивъ крестоносцевъ вокругъ города, князья слишкомъ понадѣялись на общій восторженный подъемъ духа крестоносцевъ и атаковали городъ; но попытка эта кончилась неудачей; всѣ ихъ натиски были отбиты, потому что сарацины съ высокихъ стѣнъ осыпали ихъ камнями, обливали кипящимъ масломъ, горячей смолой.

Тогда рѣшили начать правильную осаду города. Необходимо было обзавестись стѣ-

нобитными машинами, но для этого надо было имѣть подъ руками дерево. А мѣстность кругомъ была пустынная, безъ малѣйшей растительности.

Нечего дѣлать, пришлось крестоносцамъ разрушить пригородные дома и церкви, и работа закипѣла. Но тутъ обнаружилось новое непредусмотрѣнное зло. Стояло знойное лѣто, ручьи пересыхали, а тѣ, которые не поддавались этому, были отравлены, а частью засыпаны самими сарацинами. Это лишеніе, голодъ, отсутствіе матеріала навели мрачное впечатлѣніе на крестоносцевъ, но тѣмъ не менѣе ни ропота, ни охлажденія къ дѣлу и тѣни не было; наоборотъ, работали безъ устали на припекѣ съ утра до вечера съ особой сосредоточенностью, съ особымъ усердіемъ.

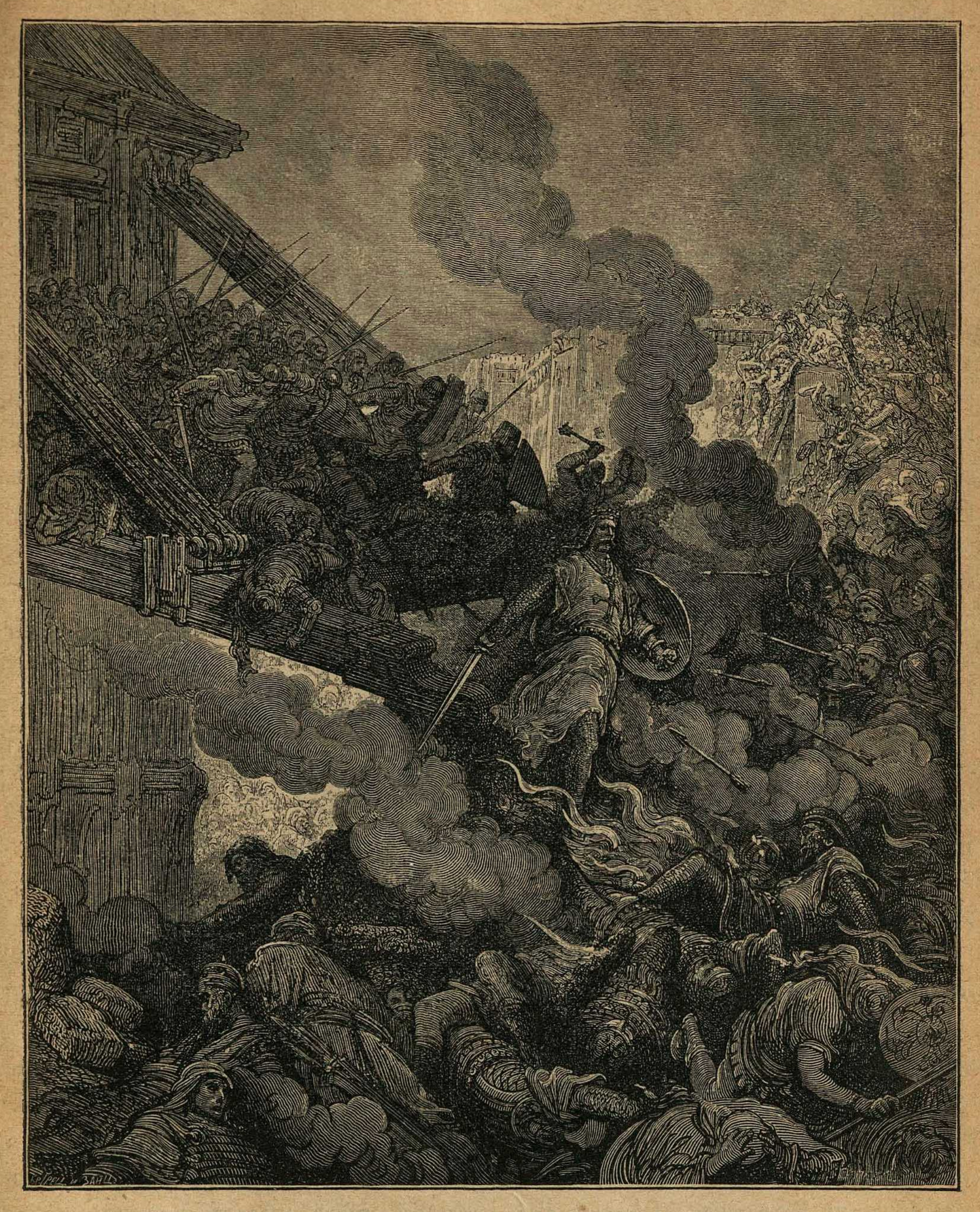
Къ счастью, въ Яффу прибылъ изъ Генуи флотъ, который привезъ съ собою все самое необходимое. Мрачное настроеніе исчезло, удрученный духъ крестоносцевъ разсѣялся самъ собою, и работа закипѣла пуще прежняго. Отправились на развѣдки за деревомъ, и вскорѣ въ лагерь доставили на верблюдахъ цѣлый транспортъ сосновыхъ, кипарисовыхъ и дубовыхъ бревенъ. Рабочія руки только этого ждали, и работа закипѣла. Никто не сидѣлъ безъ работы, напротивъ того, ссорились изъ-за того, кому что дѣлать. Въ нѣсколько дней были готовы тараны, камнеметы, передвижныя башни выше стѣнъ для осады города. Башни состояли изъ трехъ этажей. Внизу находились рабочіе, передвигавшіе башни; во второмъ и третьемъ этажахъ помѣщались воины, которые сбрасывали съ башни на стѣны родъ подъемнаго моста, по которому и устремлялись въ городъ. Заготовлены были и осадныя штурмовыя лѣстницы; а затѣмъ, наканунѣ штурма, крестоносцы послѣ строгаго поста устроили покаянное, очистительное шествіе вокругъ стѣнъ Святого города, чтобы тѣмъ испросить благословеніе Божіе на помощь въ осадѣ города.

Между тѣмъ и осажденные не теряли даромъ времени. И они построили подобные же башни и камнеметы, укрѣпившись именно около тѣхъ стѣнъ, противъ которыхъ расположились лагеремъ Готтфридъ и Робертъ. Но крестоносцы выполнили довольно смѣлый планъ. Наканунѣ битвы, въ одну короткую лѣтнюю ночь они перенесли весь свой лагерь къ незащищенной восточной сторонѣ Іерусалима, разобравъ и вновь воздвигнувъ сооруженныя военныя машины. Это былъ рѣдкій подъемъ духа, рѣдкій энтузіазмъ послѣ столькихъ тяжело пережитыхъ трудовыхъ дней...

VIII. Наступленіе.

Рано на разсвѣтѣ 14 іюня поданъ былъ сигналъ, и быстро, какъ по мановенію волшебнаго жезла, съ трехъ сторонъ подкатили машины, нахлынули силы крестоносцевъ и сдѣлали невѣроятный натискъ на стѣны Іерусалимскія. Бой былъ прямо-таки ужасенъ; но, продолжавшійся весь день, онъ не рѣшилъ участи города. И когда палъ на землю ночной мракъ, и христіане волей-неволей разошлись на отдыхъ, они жалѣли не о безплодно понесенныхъ трудахъ, не о потеряхъ своихъ, а о томъ только, что «Богъ не удостоилъ ихъ поклониться Гробу Господню сегодня»...

На-утро битва закипѣла сызнова. Осажденные ободрились, слыша, что къ нимъ на выручку идетъ египетская армія. Но зато эта же вѣсть удвоила и силы христі-

Готтфридъ врывается въ Іерусалимъ.

анъ, которые яростно нападали съ трехъ сторонъ безостановочно.

До полудня не поддавались стѣны натиску крестоносцевъ, несмотря на весь пылъ ихъ, когда внезапно на вершинѣ Масличной горы показался рыцарь на конѣ. Онъ отчаянно размахивалъ щитомъ и повелительно указывалъ мечемъ на Іерусалимъ.

На минуту взоры всѣхъ обратились на этого рыцаря, и вдругъ съ новымъ порывомъ живыя волны стальныхъ грудей накинулись на стѣны и буквально облѣпили ихъ.

Крестоносцы рвутся, карабкаются, цѣпляются, какъ мухи, по стѣнамъ. Башня Готтфрида, какъ живая, подкатывается къ стѣнамъ и сбрасываетъ подъемный мостъ, несмотря на то, что градъ камней, тучи стрѣлъ осыпаютъ воиновъ-страдальцевъ... Стрѣлы крестоносцевъ съ тлѣющей паклей летятъ на деревянныя машины, на тюки съ сѣномъ, соломой, шерстью...

О, ужасъ!.. Внезапно море огня охватываетъ страшнымъ пожаромъ тюки, деревянныя сооруженія; искры, головни летятъ ослѣпительнымъ каскадомъ, удушливый дымъ разъѣдаетъ и слезитъ глаза, душитъ осажденныхъ, и волей-неволей, окруженные столбами дыма и огненными языками, они отступаютъ передъ крестоносцами, вырываясь на свѣжій воздухъ.

Готтфридъ впереди другихъ рыцарей, сопровождаемый стальною лавой крестоносцевъ, врывается въ городъ, въ страшное море огня и дыма, набрасывается на смятенныхъ магометанъ и по слѣдамъ ихъ вторгается въ Святой городъ и гонитъ передъ собой непріятеля.

Была пятница, третій часъ пополудни,— день и часъ смерти Спасителя на крестѣ.

На улицахъ началось повальное избіеніе магометанъ... Но вдругъ побѣдители словно опомнились... Мечъ опустился, сердце утихло, и съ обнаженными головами, босые, кроткіе, со слезами на глазахъ крестоносцы бросились къ храму Вознесенія, гдѣ передъ Гробомъ Господнимъ повергли́сь ницъ на землю въ искренномъ молитвенномъ экстазѣ...

IX. Избраніе Готтфрида.

Военная добыча раздѣлена была между крестоносцами безъ всякой ссоры и лишнихъ споровъ; заранѣе опредѣлили, что всякій воинъ, занявшій домъ, получалъ его въ полное владѣніе. А чтобы не было недоразумѣній, занявшій домъ прибивалъ крестъ или щитъ на дверяхъ зданія,—и больше ничего. Бѣдные, сироты, вдовы тоже пользовались нѣкоторой частью изъ добычи.

Теперь надо было установить строгое правленіе въ Іерусалимѣ для общественнаго порядка и защиты города на будущее время. Князья-крестоносцы собрались на совѣтъ и рѣшили избрать короля и патріарха. Послѣ долгихъ споровъ выборъ палъ на Готтфрида герцога Лотарингскаго, какъ на самаго благороднаго рыцаря, извѣстнаго строгой жизнью, своей прямотой и честностью. Готтфридъ принялъ избраніе, но отказался отъ королевской короны. Онъ рѣшилъ довольствоваться скромнымъ званіемъ барона и защитника Гроба Господняго. Патріархомъ Іерусалимскимъ былъ избранъ капелланъ герцога Норманнскаго Арнульфъ.

А ужъ по всему Востоку ходила стоустая молва о завоеваніи Іерусалима. Радость обуяла христіанъ, жившихъ въ разныхъ окрестныхъ городахъ и мѣстечкахъ; съ другой стороны, гнѣвъ и отчаяніе охватили мусульманъ, и они только о томъ и думали, какъ бы надломить силу ненавистныхъ имъ крестоносцевъ.

Вскорѣ изъ Египта прибыла египетская армія; къ ней стали присоединяться мусульмане съ береговъ Тигра и изъ Дамаска.

И слышитъ Готтфридъ, что идетъ на нихъ грозовой тучей трехсотъ-тысячное войско сарацинъ. А христіанъ - крестоносцевъ съ трудомъ и двадцать-то тысячъ соберешь.

Но думать много некогда, дѣйствовать надо, и дѣйствовать энергично, потому что черезъ три дня къ Іерусалиму подступитъ несмѣтное войско и желѣзнымъ кольцомъ обложитъ весь городъ.

Передъ битвой Аскалонской.

Надо было, не мѣшкавъ, идти навстрѣчу врагамъ, не дать имъ обложить Святой городъ. И двинулось снова въ походъ крестоносное войско къ городу Рамлѣ. Идутъ, хватаютъ по дорогѣ бѣглецовъ-сарацинъ, допрашиваютъ ихъ:—„Гдѣ находится войско мусульманъ?"—„Въ долинѣ Аскалонской, подъ городомъ Аскалономъ!"—отвѣчаютъ плѣнники. — „А далеко ли до нея идти?"—Оказывается, всего только одинъ часъ пути.

Отдохнули крестоносцы, оправились и

спѣшно, сосредоточенно двинулись дальше. На разсвѣтѣ 14 августа герольды возвѣстили о началѣ сраженія, и тогда патріархъ Арнульфъ обошелъ все войско по рядамъ, уговаривая ихъ постоять за Гробъ Господенъ...

X. Битва Аскалонская.

Аскалонъ стоялъ на высокомъ плоскогорьи; египетская армія стала станомъ на скатахъ песчаныхъ холмовъ. Не ждали, не гадали они о возможной бѣдѣ, когда внезапно появилась передъ ними изъ-за холмовъ крестоносная армія. Неожиданность и увѣренное наступленіе крестоносцевъ смутили мусульманъ. Невольный страхъ и неувѣренность охватили ихъ. А когда стрѣлы и копья христіанъ тучей взвились надъ ними и впились въ средину войска, — египетскіе легіоны въ ужасѣ дрогнули и смутились.

Не ускользнуло это отъ крестоносцевъ; не даютъ они опомниться врагамъ и еще отважнѣе, еще рѣшительнѣе ударяютъ плотно сомкнутымъ строемъ на переднія части войска. И не выдержала этого натиска египетская армія, смутилась, смѣшалась, стала отступать, а вскорѣ обратилась въ поголовное бѣгство.

Крестоносцы гнали и преслѣдовали ихъ до самаго моря, не давая имъ времени опомниться и соединить разбитыя части войска въ одно цѣлое.

Побѣда была полная; богатый лагерь достался крестоносцамъ въ добычу, но главное,—они нашли съѣстные припасы, въ чемъ такъ нуждались до сихъ поръ.

Съ великой радостью и восторженнымъ шумомъ встрѣтили въ Іерусалимѣ вернувшуюся армію. И снова эта вѣсть облетѣла весь Востокъ и заставила его содрогнуться и призадуматься. Сила христіанъ начинала ужасать сарацинъ, а это обезпечивало спокойствіе христіанамъ на первое время отъ нападеній сарацинской арміи.

Между тѣмъ многіе стали уже собираться въ обратный путь, домой, въ Европу, потому что собственно цѣль крестоваго похода была достигнута, — Гробъ Господенъ освобожденъ отъ магометанскаго ига. Прощаніе было горестное: разставались навсегда, потому что не знали, кто останется въ живыхъ, кому придется погибнуть здѣсь, въ Святой Землѣ, кому — во время обратнаго похода въ Европу.

Первый крестовый походъ кончался. Многихъ участниковъ не могли досчитаться теперь ихъ товарищи.

Раймондъ Тулузскій занялъ княжество Лаодикею; Петръ Пустынникъ вернулся во Францію, въ основанный имъ самимъ монастырь, гдѣ и умеръ настоятелемъ монастыря. Братъ Готтфрида, Евстафій, Робертъ Фландрскій и Робертъ Нормандскій вернулись на родину.

Первый крестовый походъ дорого стоилъ крестоносцамъ и всей Европѣ: за три года было потеряно свыше милліона людей и безчисленное количество денегъ и всякаго рода имущества. Но въ исторіи всего міра движеніе крестоносцевъ сдѣлало большіе успѣхи: прежде всего, нравственное чувство было успокоено,—Іерусалимъ, Гробъ Господенъ были освобождены изъ-подъ власти мусульманъ; затѣмъ, Сирія находилась въ рукахъ христіанъ, и для дальнѣйшихъ завоеваній это давало особую силу; наконецъ, Византія снова захватила бо́льшую часть Малой Азіи, и государство это сразу поднялось въ глазахъ всего міра. Сила Византіи могла при-

нести большую помощь всей Европѣ,—она могла давать отпоръ мусульманамъ и, какъ плотина — воду сдерживала нашествіе на Европу мусульманъ. Теперь слѣдовало бы спѣшить и спѣшить упрочить свои завоеванія; но горе-то въ томъ, что скоро вновь начались междуусобныя войны между христіанами Римской Церкви и Церкви Византійской. Они не старались вытѣснить сельджуковъ, а позволяли имъ собираться отдѣльными отрядами, сами въ это время занимаясь мелочными междуусобными распрями.

О, Боже мой! И это всегда такъ: великое дѣло страдаетъ и гибнетъ изъ-за мелочныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ.

И, конечно, императоръ Алексѣй воспользовался тѣмъ, что между князьями шли дальнѣйшія распри. Съ помощью нѣкоторыхъ князей, которые стремились возвратиться на родину, онъ одолѣлъ другую партію князей, подчинивъ ихъ своей власти. Вотъ какими дѣлами занимались въ тяжелое время первыхъ завоеваній христіане въ чужой странѣ, позволяя тѣмъ самымъ туркамъ укрѣплять свои силы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Новыя крестовыя ополченія.

I. Воскресшій духъ.

Святой Гробъ Господенъ освобожденъ!.. Эта вѣсть возбудила общій восторгъ въ Европѣ и снова, съ былою силой подняла упавшій духъ народа. Всюду шелъ одинъ восторженный говоръ о подвигахъ и побѣдахъ крестоносцевъ. И, какъ было это передъ началомъ перваго крестоваго похода, снова единодушно поднялся весь народъ отъ знатныхъ людей до бѣдняка и нищаго, чтобы идти туда же, къ Святому Гробу.

Тѣ, кто приняли крестъ передъ первымъ походомъ и не пошли, кто бѣжалъ изъ войска, подвергались всеобщему гоненію и презрѣнію.

Вновь явились проповѣдники-монахи среди народа. И теперь тѣ болѣе положительные люди, которыхъ не захватилъ въ общій народный водоворотъ энтузіазмъ Клермонтскаго собора, — теперь, говорю, они были впереди другихъ и дѣятельно собирались къ походу въ Святую Землю.

Слава старой Франціи воодушевила Италію и Германію. Ополченіе пошло быстрыми шагами впередъ. Это происходило въ 1101 году. Пилигримовъ собралось къ походу до пятисотъ тысячъ...

Но словно что роковое висѣло надъ новымъ ополченіемъ крестоносцевъ. Три арміи, которыя сформировали они, потерпѣли пораженія одна за другой. И вотъ какъ было это дѣло по порядку.

II. Первая армія.

Свыше ста тысячъ собралось пилигримовъ-ломбардцевъ; всѣ горѣли нетерпѣніемъ достигнуть Святой Земли, чтобы сразиться съ невѣрными, и неудержимо рвались впередъ. Они никого не хотѣли слушать, ничего не хотѣли знать; имъ казался такимъ легкимъ тотъ подвигъ, который они принимали на себя, а это было потому, что они

понятія не имѣли о тѣхъ трудностяхъ и неурядицахъ, которыя имъ предстояло одолѣть на своемъ долгомъ пути. Словомъ, надъ ними вновь повторился тотъ ужасъ, который навлекли на себя передовыя части первыхъ крестоносцевъ.

Что можно было сдѣлать съ ними? Какая сила могла ихъ сдержать? Они шли добровольно и ни о какой дисциплинѣ слышать не хотѣли. Страшной ордой прошли они провинціи Болгаріи и Греціи, разрушая и уничтожая на своемъ пути рѣшительно все и внушая этимъ невѣроятный ужасъ населенію.

Византійскій императоръ хорошо помнилъ эту страшную силу и придумалъ вѣрное средство сдержать этотъ наплывъ гибельнаго ополченія: изъ воротъ Константинополя, по его приказанію, были выпущены на крестоносцевъ стаи обученныхъ львовъ и леопардовъ. Кое-какъ, всѣми неправдами переправились, наконецъ, ломбардцы черезъ Босфоръ и раскинулись лагеремъ подъ стѣнами Никомидіи. Сюда подошли къ нимъ со своими отрядами коннетабли германскаго императора Генриха III Конрадъ, герцогъ Бургонскій, графъ Блуасскій, епископъ Суассонскій во главѣ французовъ.

Подсчитали соединенныя силы крестоносцевъ, и вышло 260.000 человѣкъ. Общими голосами главнымъ вождемъ былъ избранъ Раймондъ графъ Тулузскій, который въ это время находился въ Константинополѣ.

Крестоносцы пылали жаромъ побѣдъ и захватовъ земель; но именно численность ихъ губительно дѣйствовала на всѣхъ воиновъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей, потому что они воображали себя несмѣтнымъ, непобѣдимымъ воинствомъ и потому вели дѣла, что называется, спустя рукава.

Идти путемъ Готтфрида никто не хотѣлъ. Ужъ если стяжать себѣ славу, такъ чтобы никто не смѣлъ потомъ упрекать тѣмъ, что они-де по чужимъ тропамъ шли. Вотъ поэтому-то они и избрали себѣ новый путь, трудный, малоизвѣстный, и пошли.

Говорили, что это была вина византійскаго императора: онъ-де подстроилъ такое общее настроеніе, желая одного—какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ этой буйной арміи.

III. Тяжелый переходъ.

Пустынныя горы, безлюдныя, обнаженныя равнины, глухія долины — вотъ каковъ былъ путь крестоносцевъ.

А турки не дремлютъ. Ловко таятся ихъ развѣдочные сильные отряды по ущельямъ горъ и нѣтъ-нѣтъ да и нападаютъ сзади на крестоносное войско и наносятъ ему тяжелый уронъ. А тутъ еще начались и голодъ, и жажда.

Ѣсть было буквально нечего, кромѣ тощей травы, листьевъ да кореньевъ кустарниковъ. Подступили, наконецъ, къ городу Констамню, вокругъ котораго посѣвы пшеницы были; хотѣли хлѣбовъ напечь, а турки подстерегли ихъ, окружили со всѣхъ сторонъ да и подожгли сухую степную траву. Больше тысячи людей сгорѣло и задохлось въ этомъ огненномъ кольцѣ.

А между тѣмъ со всѣхъ сторонъ стекаются все новыя и новыя силы турокъ: все смѣлѣе и неудержимѣе нападаютъ они на крестоносное войско и тревожатъ его безпрестанно; надо сопротивляться, задерживать нападенія непріятеля.

Въ назначенный день для сраженія священники обошли ряды воиновъ, ободряя и утѣшая ихъ. Графъ Раймондъ Тулузскій тоже всѣми силами старался воодушевить

усталыхъ, еле живыхъ пилигримовъ; но кончилось все крайне несчастливо.

Отдѣльные отряды сражались порознь, въ одиночку, каждый за свой страхъ, а общаго подъема, взаимопомощи въ бѣдѣ другъ другу и въ поминѣ не было. Между тѣмъ турки дѣйствовали соединенными силами, всей массой.

Явное дѣло, одинъ отрядъ отступалъ за другимъ и бѣжалъ искать спасенія въ бѣгствѣ, охваченный какимъ - то паническимъ ужасомъ. Въ ту же ночь потерпѣлъ полное пораженіе графъ Тулузскій и тоже тайкомъ бѣжалъ изъ лагеря къ Синопу.

Узнали о томъ крестоносцы, и ужасъ овладѣлъ несчастными. Графы, князья, рыцари тоже повернули назадъ, а за ними слѣдомъ бросились бѣжать разстроенными рядами и простые рядовые латники. Вихремъ мчались по ихъ слѣдамъ разъяренные непріятели; ни пещеры, ни лѣсная чаща не спасали никого,—всѣ ложились подъ непріятельскимъ оружіемъ. А въ брошенномъ лагерѣ христіанъ происходило что-то ужасное. Женщины, дѣвушки, дѣти, юноши въ ужасѣ кричали и стонали, окруженные непріятелями. Груды золота, серебра, всевозможной утвари и одежды достались мусульманамъ въ добычу. Свыше полутораста тысячъ крестоносцевъ погибло въ этой битвѣ; женщины, дѣти были уведены въ неволю. Графъ Раймондъ вернулся въ Константинополь съ незначительнымъ числомъ уцѣлѣвшихъ крестоносцевъ.

IV. Вторая армія.

Между тѣмъ въ Константинополь прибыла вторая армія Гильома Неверскаго, тысячъ около пятидесяти человѣкъ. Они тотчасъ же отправились на помощь первой арміи къ городу Анкирѣ, но не нашли ея тамъ и отправились въ Иконію.

Турки преслѣдовали ихъ и частыми нападеніями ослабляли силы арміи. Они опережали армію и на пути заваливали колодцы и ручьи, такъ что несчастные крестоносцы цѣлыми отрядами гибли отъ жажды и голода среди непріютныхъ пустынь.

И вотъ такая-то армія,—изголодавшаяся, измученная долгимъ переходомъ, окончательно упавшая духомъ,—встрѣтилась, наконецъ, съ сарацинами, чтобы дать имъ рѣшительную битву.

Явное дѣло, что исходъ битвы можно было безошибочно предугадать заранѣе.

Турки дружно напали на христіанъ со всѣхъ сторонъ и перебили ихъ; только семьсотъ человѣкъ спаслось отъ гибели въ чащѣ лѣса; съ трудомъ собралъ ихъ графъ Неверскій и рѣшилъ искать защиты за стѣнами Антіохіи.

Но дорогой турки снова напали на бѣглецовъ и ограбили совершенно, такъ что когда несчастные достигли Антіохіи, на нихъ были только одни жалкіе лохмотья.

V. Третья армія.

Горькая участь ждала и третью полуторастатысячную крестоносную армію. Она шла подъ начальствомъ Гильома изъ Пуатье, Гуго Вермандуа, герцога Баварскаго и маркграфини австрійской Иды.

Благополучно дошли они до Иконіи, но тутъ снова начались для нихъ страданія отъ голода и жажды; все-таки въ концѣ-концовъ кое-какъ выбрались оттуда и достигли Иракліи, гдѣ еще недавно было разбито войско графа Неверскаго. Здѣсь расположились крестоносцы подъ мусульманскимъ городомъ, на берегу рѣки.

Эта армія прибыла въ іюнѣ того же 1101 года въ Константинополь. Армія была многочисленная; въ ней была введена строгая дисциплина, и потому императоръ византійскій принялъ ее крайне любезно. Съ правильно организованнымъ войскомъ шутки плохи; это не то, что всякій сбродъ, неустроенная толпа первыхъ крестоносцевъ; эту армію не выгонишь попросту изъ столицы. И императоръ любезно и радушно принялъ крестоносныхъ воиновъ и всячески старался угодить имъ. Но крестоносцы всетаки недружелюбно относились къ нему. Злоба на хитрость и коварство византійцевъ, о которыхъ приходилось слышать въ то время много росказней, все росла да ширилась.

— «Надмененъ императоръ, — говорили въ войскѣ; — ему не жаль насъ: онъ и то говоритъ, что когда крестоносцы дерутся съ турками, ему кажется, будто это дерутся собаки»...

Мало того, ходили упорные слухи, что греки устраиваютъ свои дѣла за-одно съ турками, и что императоръ ведетъ тайные переговоры съ турками о томъ, какъ бы предать имъ всѣхъ крестоносцевъ.

Конечно, между людьми началась паника, волненіе. Ждали на каждомъ шагу тайной измѣны; въ обыкновенномъ человѣкѣ видѣли злоумышленника-заговорщика. Боялись идти сухопутнымъ путемъ, боялись и плыть на корабляхъ моремъ.

Съ этихъ поръ третья армія стала распадаться. Многіе тайкомъ бѣжали на родину, думая спастись отъ неизбѣжной опасности, а оставшіеся двинулись въ походъ по пути первыхъ двухъ армій съ недовѣріемъ и сильно упавшимъ духомъ.

Дошли до города Анкиры, но какъ только прослышали о гибели своихъ соотечественниковъ, такъ круто повернули на югъ, въ Ираклію.

А турки ужъ слѣдили за ними; турки окружаютъ ихъ тайкомъ со всѣхъ сторонъ кольцомъ, которое стягивается вокругъ христіанскаго войска все туже и туже. До крестоносцевъ доходятъ смутные слухи о томъ, и безотчетный страхъ охватываетъ ихъ; отчаяніе овладѣваетъ всѣми, и послѣдніе остатки силъ и мужества оставляютъ воиновъ.

Вотъ почему, когда въ половинѣ августа сарацины внезапно преградили крестоносцамъ дорогу въ Ираклію, послѣдніе даже и подумать не смѣли вступать съ ними въ бой. Дикій ужасъ овладѣлъ ими, и они бросились бѣжать въ разныя стороны.

Сарацины гнали и избивали ихъ, захватывали въ плѣнъ. Весь обозъ достался побѣдителямъ въ добычу. Архіепископъ Тимо и маркграфиня Ида попались въ плѣнъ; Гуго умеръ во время своего бѣгства, а Вильгельмъ Неверскій, Вильгельмъ Аквитанскій, Вельфъ Наварскій съ нѣсколькими лицами изъ своей свиты, израненные, изможденные, въ жалкихъ рубищахъ, достигли Антіохіи, гдѣ ихъ съ участіемъ принялъ рыцарь Танкредъ.

Такъ погибло это новое ополченіе западныхъ христіанъ, которое по подъему духа, по единодушію въ началѣ похода было нисколько не меньше воодушевленія перваго крестоваго похода.

Сила христіанъ была огромная, воодушевленіе приподнятое, но недоставало сильнаго волей, разумнаго предводителя, души этого предпріятія, недоставало трезваго взгляда на дѣло; наоборотъ, самоувѣренность, надменность и презрѣніе къ врагамъ,

Возвращеніе рыцаря на родину.

увѣренность въ несомнѣнной удачѣ владѣли сердцами всѣхъ участниковъ этого похода. Люди шли не какъ на великое дѣло, а какъ на прогулку, не желая представить себѣ даже тѣхъ затрудненій, которыя могутъ встрѣтиться имъ на ихъ пути. Они забыли, что ничто не дается даромъ, а все одолѣвается упорной борьбой и трудомъ. Вспоминали побѣды первыхъ крестоносцевъ, но забывали, что̀ приходилось выносить тѣмъ на своихъ плечахъ, пока изъ трехсотъ тысячъ человѣкъ достигло Іеру-

салима 30.000 воиновъ, т. е. одна десятая часть ихъ!

Конечно, не мало вины пало на совѣсть Танкреда и Бальдуина, которые и не подумали поддержать своихъ единовѣрцевъ во время ихъ труднаго положенія.

Неудача этого похода помимо всего создала и еще бо̀льшія осложненія. Западъ какъ-то сразу охладѣлъ къ крестоноснымъ возстаніямъ; мрачныя мысли о гибели столькихъ людей одолѣвали всѣхъ, и много-много времени потребовалось на то, чтобы улеглось это недовѣріе къ дѣлу, чтобы христіанство въ третій разъ такъ же единодушно поднялось, охваченное одною общею живою идеей освобожденія христіанства изъ-подъ тяжкаго мусульманскаго ига.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Іерусалимское государство.

I. Границы государства.

Все государство состояло изъ самаго города Іерусалима, двухъ десятковъ незначительныхъ городковъ и многихъ селеній. Укрѣпленія, вродѣ крѣпостей, частью принадлежали христіанамъ, но частью магометанамъ. Но Готтфридъ неустанно заботился о расширеніи новаго государства, хотя и трудно было сдѣлать это; вѣдь и всего-то у него было подъ командой триста рыцарей, а кругомъ стерегли ихъ цѣлыя полчища сарацинъ.

Спасало крестоносцевъ счастливое мнѣніе о нихъ, какъ о непобѣдимомъ войскѣ. Это убѣжденіе сложилось оттого, что ужъ очень храбро показали себя крестоносцы побѣдами надъ громадами Кербоги Моссульскаго и взятіемъ Іерусалима.

Теперь надо было привязать пилигримовъ къ землѣ, чтобы упрочить положеніе новаго государства. И вотъ Готтфридъ объявилъ такой законъ: кто проживетъ одинъ годъ на отдѣленномъ ему участкѣ, тотъ становится владѣтелемъ его на всю жизнь. Но только покидать нельзя надолго свою землю; а кто пропадетъ и въ теченіе цѣлаго года не явится на свою землю, у того право владѣнія его землей отнимается.

Танкредъ понемногу помогалъ расширять границы Іерусалимскаго государства, покоривъ Тиверіаду и нѣсколько укрѣпленныхъ крѣпостей въ Галилеѣ. Многіе покоренные эмиры турецкіе уже платили дани и подати іерусалимскому государю, признавая надъ собою его владычество.

Нерѣдко эмиры являлись привѣтствовать Готтфрида, который принималъ ихъ крайне просто, въ палаткѣ, сидя на коврѣ.

II. Законы.

Однако, пока-что, а во всемъ новомъ государствѣ царилъ сплошной безпорядокъ. Никто ничего знать не хотѣлъ, каждый жилъ по-своему и дѣлалъ то, что ему вздумается.

Глубоко скорбѣлъ объ этомъ Готтфридъ: мечтой его было привести въ порядокъ всѣ дѣла, установить строгій порядокъ, дисцип-

Эмиры привѣтствуютъ Готтфрида.

лину въ войскѣ, чтобы всѣмъ жилось спокойно и хорошо.

Конечно, понятно, почему шли всюду такія неурядицы: въ составъ людей, сопровождавшихъ крестоносцевъ, входили лица разныхъ званій, разныхъ профессій; большею частью это были люди безъ опредѣленныхъ занятій, искатели приключеній: дома къ работѣ они приспособиться за всю жизнь никакъ не могли, мечтали о легкой наживѣ, съ тѣмъ и въ походъ отправились.

О какомъ же порядкѣ можно было думать съ такими людьми? Когда они добились своего, увидѣли, что здѣсь, въ завоеванной странѣ, богатства неисчислимыя, и жить можно въ полномъ довольствѣ, они, конечно, никого и слушать не хотѣли. Нужна была сила закона, и Готтфридъ исполнилъ, наконецъ, свою мечту.

III. Новые законы.

Ему одному справиться съ этимъ дѣломъ было не подъ силу. Но въ декабрѣ 1099 года въ Іерусалимъ прибыли Боэмундъ, Бальдуинъ и епископъ Дагобертъ, уполномоченный папой Урбаномъ II. Пришли они какъ бы поклониться Гробу Господнему; на самомъ дѣлѣ у нихъ былъ задуманъ планъ, чтобы ослабить силу герцога Готтфрида Бульонскаго. Для этого прежде всего они предложили патріарху Іерусалимскому Арнульфу уступить свое мѣсто хитрому, ловкому епископу Дагоберту; послѣдній долженъ былъ постепенно забирать въ свои руки власть отъ Готтфрида; этого желалъ Боэмундъ, а Дагобертъ вполнѣ зависѣлъ отъ него и былъ всѣмъ обязанъ ему.

Готтфридъ собралъ на совѣщаніе всѣхъ князей, и тогда было составлено законоположеніе для новаго Іерусалимскаго государства. Князья опредѣлили, какъ государь долженъ править, судить и наказывать виновныхъ въ дурныхъ дѣлахъ, въ какой мѣрѣ должны подчиняться государю подданные. Законы эти названы «Іерусалимскими Ассизами». Они были составлены собственно для воиновъ, а люди низшаго званія — какъ землепашцы, пастухи, прислуга—даже людьми не считались; ихъ цѣнили только какъ вещи, а лошади, напримѣръ, стоили даже вдвое дороже людей.

IV. Тяжелое время.

1100 годъ начался, повидимому, счастливо для крестоносцевъ; но лѣтомъ умеръ Готтфридъ, въ Іерусалимѣ, и смерть его нарушила общее спокойствіе и устанавливавшійся постепенно порядокъ.

Послѣ смерти этого безукоризненнаго рыцаря народъ и воины оцѣнили его дѣйствительно по достоинству.

Готтфридъ былъ удивительно богато одаренной натурой, разумный, предпріимчивый полководецъ, отважный воинъ, мудрый правитель и добрый, сердечный человѣкъ.

Еще при жизни Готтфрида патріархъ Дагобертъ не разъ настаивалъ на томъ, что не Готтфриду, а ему слѣдовало бы стать во главѣ Іерусалимскаго королевства, какъ королевства духовнаго. Послѣ смерти Готтфрида онъ снова предложилъ избрать его, но рыцари не согласились на это и сейчасъ же увѣдомили брата Готтфрида, Бальдуина, и тотъ выступилъ въ походъ съ двумястами рыцарей и семьюстами оруженосцевъ. Въ короткое время онъ легко разбилъ отдѣльные отряды турокъ въ окрестностяхъ, принудилъ Дагоберта отказаться отъ своихъ правъ и 25 декабря короновался въ Виѳлеемѣ первымъ королемъ Іерусалима.

Бальдуинъ зналъ, что жить и править въ Іерусалимѣ—это значитъ вести постоянную войну съ магометанами. Силу ихъ надо было сокрушить окончательно, чтобы христіане могли спокойно устроиться въ своемъ городѣ и его окрестностяхъ.

Танкредъ былъ въ ссорѣ съ Бальдуиномъ, но теперь помирился съ нимъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ былъ отозванъ управлять Антіохіей.

Магометане собирались значительными отрядами, и Бальдуинъ часто бывалъ при-

нужденъ водить небольшое войско въ походы противъ нихъ.

Такъ, осадилъ онъ городъ Аскалонъ, опустошилъ на много верстъ его окрестности, потомъ двинулся на Хевронъ и проникъ, наконецъ, въ Аравію. Войско было утомлено и разстроено; тогда Бальдуинъ увелъ его на отдыхъ въ Святой городъ. Немного спустя, онъ снова выступилъ въ походъ противъ собравшихся аравитянъ и разбилъ ихъ, забравъ при этомъ богатую добычу.

Ему легко удавалось разбивать отдѣльные отряды мусульманъ, несмотря на то, что воиновъ у него было совсѣмъ немного. Хорошо еще, что каждую недѣлю подходили къ нимъ небольшія подкрѣпленія изъ западныхъ христіанъ,— и Бальдуинъ предлагалъ вступать въ ряды его войскъ, обѣщая за ихъ ратную службу третью часть военной добычи и одну улицу въ каждомъ завоеванномъ городѣ въ полную ихъ собственность.

Наконецъ, войско Бальдуина усилилось настолько значительно, что онъ смѣло осадилъ хорошо укрѣпленный, многолюдный городъ Арсуръ, который открылъ имъ ворота и за пощаду согласился выплачивать дань.

Бальдуинъ отправился дальше, въ Кессарію, и здѣсь началась страшная рѣзня мусульманъ; громадная добыча досталась крестоносцамъ послѣ этой побѣды.

Мусульмане города Аскалона хотѣли, было, вернуть себѣ городъ Рамлу, но Бальдуинъ спѣшно пошелъ на защиту его. Передъ боемъ онъ сказалъ воинамъ между прочимъ:

— Бѣгствомъ никто не спасется: Франція далеко отсюда, а здѣсь, на Востокѣ, побѣжденнымъ убѣжища нѣтъ!..

Этимъ онъ сильно ободрилъ рыцарей и латниковъ. Войско у него состояло изъ трехсотъ конныхъ воиновъ и тысячи пѣхотинцевъ, а войско магометанъ было вдесятеро многочисленнѣе, и, несмотря на это, благодаря рѣдкому подъему духа, побѣдителями остались крестоносцы...

V. Бальдуинъ разбитъ.

Но военное счастье не долго сопутствовало ему и вдругъ перешло на сторону непріятелей. Египетское войско, вышедшее изъ Аскалона и разбитое въ Малой Азіи, незадолго передъ этимъ вернулось въ Палестину. Хотѣли сарацины еще разъ помѣряться силами съ христіанами.

Услышалъ о томъ Бальдуинъ, понадѣялся на свою удачу, не собралъ всѣхъ своихъ опытныхъ воиновъ и спѣшно выступилъ противъ сарацинъ только съ вновь прибывшими изъ Европы рыцарями.

Озлобленные сарацины на этотъ разъ дѣйствовали очертя голову, положительно презирая опасность и смерть. Это удесятерило ихъ силу, и они разбили короля; самъ Бальдуинъ едва спасся отъ смерти, скрывшись въ травѣ. Мусульмане выслѣдили его, но никакъ не могли найти и кончили тѣмъ, что подожгли траву; Бальдуинъ, терпя страшныя мученія, не выдалъ себя и ночью тайкомъ пробрался въ Рамлу.

Потайнымъ ходомъ подъ землей бѣжалъ оттуда Бальдуинъ на другую ночь и пробрался въ Арсуръ.

Быстро собираетъ онъ тамъ небольшой отрядъ опытныхъ воиновъ, закаленныхъ въ бояхъ, и, какъ Божья гроза, налетаетъ на магометанъ. Нѣсколько отчаянныхъ, невѣроятныхъ по усиліямъ и храбрости стычекъ,—и магометане снова разсѣяны.

VI. Боэмундъ въ плѣну.

Въ годъ смерти Готтфрида тяжелая участь постигла и антіохійскаго правителя Боэмунда. Вернулся онъ изъ Іерусалима въ Антіохію и сталъ готовиться въ походъ противъ сильнѣйшаго эмира Сѣверной Сиріи Ридвана Галебскаго.

Это предпріятіе удалось Боэмунду; онъ на голову разбилъ эмирово войско; но, нѣсколько времени спустя, самъ былъ побѣжденъ другимъ эмиромъ, Ибнъ-Данигишмендъ Себастскимъ, который даже захватилъ его въ плѣнъ. Это случилось въ 1100 году. Антіохія осталась безъ правителя, и на мѣсто Боэмунда призвали управлять государствомъ его племянника, Танкреда.

Вы помните, что послѣ пораженія третьей арміи въ Антіохію бѣжали искать защиты Вильгельмъ Неверскій, Вильгельмъ Аквитанскій и Вельфъ Баварскій; еще они явились въ одномъ рубищѣ, ограбленные турками. Явился туда и Раймундъ Тулузскій. Съ этихъ поръ снова возгорѣлась въ Антіохіи междоусобная война между начальниками, а терпѣли-то отъ этой вражды ни въ чемъ неповинныя христіанскія колоніи.

Раймунда поддерживалъ византійскій императоръ Алексѣй, отчего онъ дѣйствовалъ смѣло и увѣренно; но Танкредъ, продолжая замыслы своего дяди Боэмунда, ни за что не хотѣлъ давать потачки ни грекамъ, ни Раймунду.

Алексѣй просилъ эмира Ибнъ-Данигишменда выдать ему своего опаснаго противника, Боэмунда; тогда бы плохо пришлось Антіохіи отъ притязаній византійцевъ; но Танкредъ и приверженцы Боэмунда предупредили Алексѣя и выкупили на свободу Боэмунда, который вскорѣ послѣ того вернулся въ Антіохію.

Боэмундъ на междоусобія князей не обратилъ вниманія. Ему хотѣлось главнымъ образомъ сломить своего важнаго противника Ридвана Галебскаго.

Между Сѣверной Сиріей и Мессопотаміей былъ важный для плановъ христіанъ городъ Гарранъ. Его Боэмундъ и задумалъ захватить въ свои руки; тогда бы Ридванъ и сирійцы были отрѣзаны отъ своихъ единовѣрцевъ, которые находились внутри Малой Азіи. Но христіане на этотъ разъ снова были разбиты магометанами; многіе князья попались въ плѣнъ, такъ что Боэмундъ и Танкредъ вернулись въ Антіохію почти одни.

А турки оживились. Они со всѣхъ сторонъ стали тѣснить христіанъ; стали тѣснить ихъ и греки, и Раймундъ Тулузскій.

Тогда Боэмундъ понялъ, что онъ одинъ со своими рыцарями и латниками не справится съ силами магометанъ, и спѣшно отплылъ въ Италію собирать новое ополченіе.

VII. Новая армія Боэмунда.

Торжественная встрѣча ждала всюду въ Европѣ Боэмунда. Слава объ его подвигахъ давно уже гремѣла повсюду. И стоило ему только сообщить о своемъ планѣ, какъ народъ съ воодушевленіемъ откликнулся на его призывъ. Города, черезъ которые проѣзжалъ Боэмундъ, устраивали ему торжественныя встрѣчи; толпы народа на улицахъ и площадяхъ привѣтствовали его восторженными кликами.

А Боэмундъ къ тому же еще разжигалъ общую восторженость своими новыми планами о полномъ завоеваніи Святой Земли и Малой Азіи, о соединеніи церквей, о

будущихъ христіанскихъ колоніяхъ въ Землѣ Обѣтованной.

Папа Пасхалисъ II всенародно торжественно благословилъ планы Боэмунда и новое крестоносное ополченіе, и отовсюду толпами стали стекаться подъ его знамена рыцари, латники и простой народъ.

Боэмундъ самъ являлся вербовщикомъ воиновъ; его вдохновенный, энергичный призывъ къ войнѣ очаровывалъ всѣхъ; гордый, самоувѣренный видъ внушалъ къ нему всеобщее полное довѣріе. Обаяніе одного его имени, вѣра въ него заставляли людей становиться въ ряды его войска, которое должно было стать непобѣдимымъ и дать въ будущемъ свободную, удобную жизнь народу.

До 34,000 человѣкъ собралось вокругъ него къ осени 1107 года, и князь Боэмундъ сталъ собираться къ отплытію въ Малую Азію.

VIII. Планы Боэмунда.

Но Боэмундъ говорилъ одно, а думалъ совершенно иное; рѣзко перемѣнился онъ за послѣднее время и теперь сталъ совершенно неузнаваемъ.

Куда исчезли его осторожность, его умѣніе сразу опредѣлять, съ какой стороны ударить на врага, какъ найти вѣрный и нужный путь къ завоеванію.

Если бы всю эту свѣжую силу, вдохновенно настроенную имъ, всѣхъ этихъ безотчетно преданныхъ ему воиновъ креста онъ повелъ на подкрѣпленіе Антіохіи за ея надежныя стѣны, — онъ прочно, незыблемо поставилъ бы свое Сирійское государство, и оно послужило бы вѣрнымъ оплотомъ христіанскаго владычества въ Палестинѣ на будущее время.

Нѣтъ, новые и безумные планы охватили всецѣло Боэмунда. Одна непримиримая злоба противъ коварства и дерзости Византіи обратила на себя все его вниманіе, всѣ его силы. Онъ рѣшилъ идти во что бы то ни стало прямо на грековъ, одолѣть ихъ и сломить разъ навсегда въ самой основѣ Византійскую имперію.

Что побуждало его къ тому? Родовая ненависть къ грекамъ или желаніе стать византійскимъ императоромъ? Кто знаетъ. Одно достовѣрно, что это была его крупная и непоправимая ошибка, которая тяжело отразилась на всемъ дальнѣйшемъ владычествѣ христіанъ на Востокѣ и на немъ самомъ.

Въ пылу гнѣва онъ даже не хотѣлъ обдумать общаго положенія дѣлъ,—справится ли онъ одновременно съ двумя непріятелями и, наконецъ, насколько сильна и могущественна Византійская имперія.

IX. Сила Византіи.—Смерть Боэмунда.

Да, Византія была теперь другая. Она выросла и окрѣпла быстро, такъ что никто даже не могъ и предполагать ея дѣйствительнаго могущества. У императора Алексѣя былъ сильный флотъ и хорошо обученныя войска; у него и его начальниковъ выработался опытъ, которому научили ихъ сами же крестоносцы за время своихъ войнъ съ сарацинами.

Все это почувствовалъ на себѣ Боэмундъ только впослѣдствіи, когда дѣло было начато, и начато неудачно.

Войско Боэмунда было разбито и разсѣяно греками съ первыхъ же столкновеній, и ему пришлось заключить унизительный миръ съ греками, уступивъ имъ многія завоеванныя крестоносцами земли. Да-

же Антіохія по этому договору послѣ его смерти должна была перейти къ грекамъ.

Войско разошлось: кто вернулся на родину, кто отправился въ Іерусалимъ, кто поступилъ на службу къ византійскому императору. Боэмундъ вернулся въ Италію, чтобы снова собрать войско, но теперь ему это не удалось. Народъ охладѣлъ къ недавнему своему кумиру. Въ мартѣ 1111 года Боэмундъ умеръ.

X. Бѣдствія.—Смерть Бальдуина.

Бальдуинъ, король Іерусалимскій, между тѣмъ постепенно расширялъ свои владѣнія; ему важны были приморскіе городки, потому что, благодаря имъ, у него могло быть удобное сообщеніе моремъ съ Западомъ, откуда получалась помощь. Завоевалъ Бальдуинъ Акру, затѣмъ Вивлъ, Сарепту и Бейрутъ. А когда на помощь прибыли изъ Европы норвежцы,—Бальдуинъ съ ихъ помощью взялъ приступомъ Сидонъ.

Христіане торжествовали побѣду надъ магометанскими городами, но внезапное несчастье омрачило ихъ радость: умеръ рыцарь Танкредъ, храбрость, отвага котораго одухотворяли войско. Умеръ подъ стѣнами Триполли и Раймундъ Тулузскій, который велъ осаду этого города.

Такъ одинъ за другимъ уходили въ вѣчность старые друзья Готтфрида Бульонскаго, его соратники крестоноснаго ополченія.

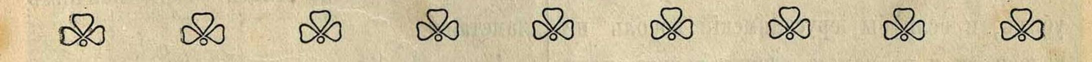
Іерусалимское королевство за время 1113—1115 г. перенесло не мало горя. Ураганами налетали на окрестности Святого города мусульманскія полчища, разоряли, вытаптывали посѣвы, жгли селенія, забирали въ плѣнъ беззащитныхъ жителей. Вслѣдъ за тѣмъ налетѣла саранча, истребившая остатки посѣвовъ,—и повсемѣстно наступилъ жестокій голодъ. Кромѣ того начались частыя землетрясенія...

Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, народомъ овладѣлъ паническій ужасъ; люди впали въ отчаяніе и видѣли въ этомъ предзнаменованіе недалекаго конца міра.

Сирія была спокойна, и Бальдуинъ задумалъ идти войной на Египетъ. Походъ этотъ кончился блестящей побѣдой, но самъ Бальдуинъ, къ великой скорби всего войска, умеръ на возвратномъ пути, процарствовавъ 13 лѣтъ, въ теченіе которыхъ война не прекращалась и шла, не ослабѣвая, изъ года въ годъ.

Въ самомъ началѣ Бальдуинъ своимъ честолюбіемъ и гордостью возстановилъ противъ себя всѣхъ товарищей; но, ставъ королемъ, онъ совершенно измѣнился; онъ сталъ необычайно добръ, великодушенъ со своими, щедръ и правдивъ. И не было у Іерусалима болѣе надежнаго защитника, болѣе неусыпнаго охранителя, кромѣ него, потому что Бальдуинъ во всю свою жизнь не хотѣлъ знать отдыха и покоя, покамѣстъ воля Неба не дала ему этого отдыха и покоя, отнявъ у него жизнь.

Смерть Бальдуина.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Іерусалимскіе короли.

I. Осада Антіохіи.

Умирая, Бальдуинъ назначилъ быть преемникомъ своей власти графа Эдесскаго Бальдуина Бургскаго. Многіе рыцари не хотѣли допустить этого, но одинъ изъ приближенныхъ къ Бальдуину, графъ Іосцелинъ Куртнейскій, собралъ бо́льшее число голосовъ за Бальдуина, и послѣдній былъ объявленъ іерусалимскимъ королемъ. Въ награду за это Бальдуинъ II передалъ графство Эдесское Іосцелину.

Но въ то время Антіохія терпѣла много: изъ Сиріи, Персіи, Мессопотаміи поднялась на нее мусульманская сила подъ предводительствомъ эмира Эль-Гази. Боэмунда не было, Танкредъ уже умеръ; сынъ Боэмунда былъ несовершеннолѣтенъ, и княжествомъ управлялъ за него Рожеръ Сицилійскій.

Быстро шлетъ Рожеръ въ Іерусалимъ гонцовъ просить помощи у короля іерусалимскаго. Но враги не ждутъ и крѣпкимъ кольцомъ стягиваются вокругъ Антіохіи. Рожеръ видитъ, что дѣло плохо, что времени дальше терять нельзя, и вышелъ въ битву дать отпоръ масульманамъ.

Но битва была неудачна; Рожеръ былъ убитъ, и если бы іерусалимскій король не подоспѣлъ и не нанесъ рѣшительнаго удара мусульманамъ, послѣдніе прочно утвердились бы въ антіохійскихъ владѣніяхъ.

Теперь снова начались бѣдствія христіанскихъ колоній въ Палестинѣ. Магометане не оставляли своей завѣтной мысли—изгнать крестоносцевъ изъ Палестины разъ навсегда и возстановить прежнее свое могущество на Востокѣ. Дѣятельно безпрестанно то тамъ, то тутъ поднимались новыя ополченія сарацинъ и нападали на христіанскія владѣнія.

Былого единодушія, былой цѣльности крестоноснаго войска уже не было, да теперь и интересы его разбились согласно интересамъ крестоносныхъ князей. А послѣдніе спѣшили устроиться прочно во вновь завоеванныхъ областяхъ, и каждый дѣйствовалъ противъ магометанъ самъ по себѣ, за свой страхъ.

Такъ, послѣ неудачныхъ битвъ графъ Эдесскій Іосцелинъ и приближенные рыцари были взяты въ плѣнъ и заточены въ одну изъ мессопотамскихъ крѣпостей. Явившійся на помощь къ нимъ іерусалимскій король подвергся той же участи. Вѣрные досихъ поръ крестоносцамъ армяне помогли, было, имъ: они завладѣли магометанской крѣпостью и освободили Іосцелина; но сами зато снова подверглись осадѣ полчищъ маметанъ.

Іосцелинъ бѣжалъ ночью тайкомъ и бросился по разнымъ христіанскихъ городамъ собирать ополченія, чтобы помочь осажденнымъ армянамъ. Спѣшитъ онъ къ крѣпости

Поклоненіе Кресту.

и видитъ, что уже она снова взята магометанами, что его войско и армяне вырѣзаны, а іерусалимскій король переведенъ въ крѣпость Гарранъ въ заточеніе.

II. Побѣда христіанъ.

Важныя прибрежныя крѣпости Сиріи, Тиръ и Аскалонъ, находились еще во власти магометанъ. А послѣдніе теперь спѣшатъ воспользоваться плѣномъ іерусалимскаго короля и осаждаютъ еще и Яффу. Удастся имъ овладѣть ею, — и они закроютъ христіанамъ доступъ въ Палестину съ моря. А если такъ, то не будетъ у христіанъ подвоза съ моря подкрѣпленій и продовольствія. Раздѣлились они на двѣ арміи и обложили Яффу со стороны моря и суши.

На мѣстѣ короля Бальдуина въ Іерусалимѣ оставался замѣстителемъ его графъ Сидонскій Евстафій д'Агренъ.

Онъ спѣшно собралъ трехтысячное войско крестоносцевъ и двинулся къ морю на магометанъ.

Посреди воиновъ несли Крестъ Господенъ и св. копье, которымъ нѣкогда было прободено тѣло Спасителя. Войско было крайне воодушевлено и шло охотно и бодро, горя нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ. А сила и единодушіе войска много значатъ для искуснаго предводителя.

И точно, вся египетская огромная армія была съ одного энергичнаго удара разбита и разсѣяна, и флотъ мусульманскій въ ужасѣ отошелъ отъ береговъ, снявъ осаду.

III. Новыя силы.

Тиръ и Аскалонъ осаждать было опасно: силъ у христіанъ было слишкомъ мало для такого предпріятія. Но въ это время какъ-разъ, къ счастью, въ самую трудную минуту подходитъ моремъ свѣжая подмога— венеціанскій флотъ подъ командой самого дожа, который спѣшно ведетъ свою армію къ Іерусалиму.

Мало до сихъ поръ участія принимали венеціанцы въ крестовыхъ походахъ; не вѣрили они, что дѣлу завоеванія Святой Земли будетъ удача. Но когда прослышали они о чудесахъ храбрости христіанъ и о паническомъ страхѣ мусульманъ передъ рыцарями Креста,—рѣшили и они попытать счастья во вновь завоеванной странѣ. Не благочестивыя мысли одушевляли ихъ, нѣтъ, а просто расчетъ, надежда извлечь выгоду изъ этого предпріятія.

Прибылъ дожъ въ Іерусалимъ; приняли его тамъ всѣ съ восторгомъ, составили совѣтъ военный и на немъ бросили жребій, какой городъ осаждать раньше—Тиръ или Аскалонъ, и вышло, что надо прежде всего приниматься за осаду Тира.

IV. Взятіе Тира.

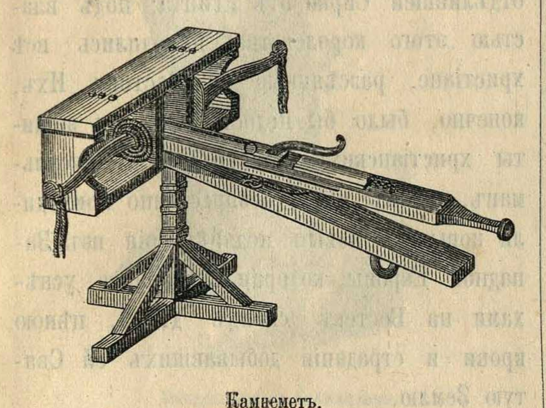
До сихъ поръ еще Тиръ былъ великолѣпенъ и богатъ. Но зато и защищенъ онъ былъ отъ внѣшнихъ враговъ надежно. Со стороны моря защищали его волны морскія да неприступныя скалы; со стороны суши возвышались надежныя тройныя стѣны съ башнями и бойницами; защищали ихъ турки и египтяне; но самое ужасное и роковое было то, что между ними царила глубокая вражда.

Дожъ обложилъ городъ со стороны моря; съ другихъ сторонъ размѣстились графъ д'Агренъ, замѣститель Бальдуина, патріархъ іерусалимскій и графъ Трипполійскій Понтій.

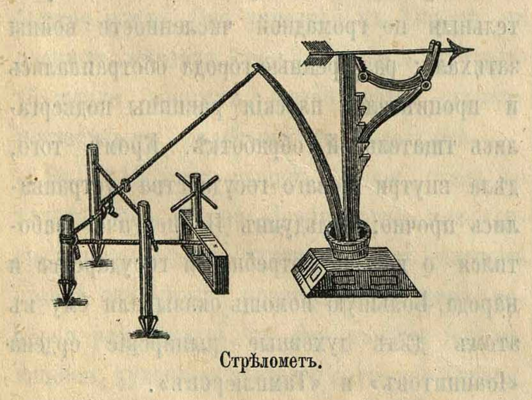
Подкатили христіане стѣнобитныя и камнеметныя машины къ стѣнамъ тирскимъ

и повели серьезную осаду города изо дня въ день.

День идетъ за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ; подвигаются осадныя работы впередъ, да ужъ очень медленно. А работы осаждающимъ по горло. День и ночь они отдыха себѣ не имѣютъ, работаютъ смѣнами. А между тѣмъ венеціанцы стоятъ себѣ со своими кораблями на морѣ и спокойно дожидаются, что-то будетъ дальше.

Камнеметъ.

Стрѣлометъ.

Ропщутъ крестоносцы на нихъ, враждебно смотрятъ на ихъ выжидательную политику. И снова готовится вспыхнуть рознь между христіанами, которая гибельно отразится на нихъ же. Не стѣсняясь никого, вслухъ выражаютъ крестоносцы свое неудовольствіе на венеціанцевъ: «Вотъ, мы работаемъ изо дня въ день, а они поглядываютъ только. А вотъ возьмемъ городъ, и они съ нами дѣлить добычу будутъ!»...

Понялъ это и дожъ. Собираетъ онъ свою армію и высаживается съ нею на берегъ.

Онъ готовъ хоть сейчасъ идти на приступъ,—заявляетъ онъ. И это заявленіе, эта рѣшимость сразу воодушевляютъ остальныхъ христіанъ. Осадныя работы возникаютъ съ новой силой, съ новымъ упорствомъ, тѣмъ болѣе, что крестоносцы узнаютъ случайно, что за стѣнами Тира наступилъ голодъ...

Шелъ уже шестой мѣсяцъ осады города, и, наконецъ, объявленъ былъ общій приступъ на Тиръ; измученный, полуголодный гарнизонъ не выдержалъ этого натиска и сдался...

Общій восторгъ охватилъ жителей Іерусалима при извѣстіи объ этой новой побѣдѣ. Всюду служили благодарственныя молебствія, торжественно звонили въ колокола, украшали храмы и дома гирляндами цвѣтовъ и пестрыми тканями и прославляли подвиги христіанскихъ воиновъ.

V. Бальдуинъ II на свободѣ.

Съ горечью въ сердцѣ переживалъ Бальдуинъ II общую радость въ своемъ заточеніи; неизъяснимо тяжело было ему отказаться отъ участія въ общемъ восторгѣ. И особенно это было ему тяжело послѣ своихъ неудачъ и плѣна. Самолюбіе его жестоко страдало, да и обидно было сидѣть сложа руки, когда всякій лишній человѣкъ въ войскѣ былъ на счету.

Слыша о разладѣ среди мусульманъ, онъ повелъ переговоры о выкупѣ его изъ неволи. Послѣ долгихъ переговоровъ эмиръ Тимурташъ отпустилъ его на свободу, но взялъ съ него клятвенное обѣщаніе упла-

тить крупную сумму деньгами и сдать четыре крѣпости антіохійскія вблизи Галеба.

Вернулся король Бальдуинъ II въ Іерусалимъ и отправился на выручку Антіохіи, которую въ то время опустошали и тѣснили мусульмане. Въ 1125 году въ Антіохію прибылъ сынъ Боэмунда Великаго, юный, восемнадцатилѣтній Боэмундъ, храбрый, гордый, краснорѣчивый человѣкъ. Бальдуинъ тотчасъ передалъ ему Антіохію и затѣмъ женилъ его на своей дочери Элизѣ.

VI. Враги христіанъ.

Главными враждебными лицами христіанъ въ то время были калифъ Багдада, эмиръ Моссульскій, эмиръ Алеппскій и Дамасскій.

Каирскій калифъ былъ уже теперь нестрашенъ для христіанъ; онъ владѣлъ только Аскалономъ на Сирійскомъ побережьи, остальные пункты были отбиты христіанами; кромѣ того долгими войнами калифатъ былъ ослабленъ, и понятно, что большой угрозы для христіанъ представлять уже не могъ. Мелкія племена—курды, туркмены, ассасимы, гашишимы—были разсѣяны по Мессопотаміи и Сиріи. Главное, что помогало во многомъ христіанамъ, это—то, что среди мусульманъ раздоры не утихали, а этимъ мусульмане значительно ослабляли свою силу. Между тѣмъ христіане пользовались славой непобѣдимыхъ воиновъ, внушавшихъ невообразимый ужасъ мусульманамъ. И если бы только и они не поддавались личнымъ ссорамъ и распрямъ,—они могли бы въ то время прочно и надолго утвердить въ Палестинѣ свое могущество.

На сѣверѣ господствовалъ графъ Эдесскій по берегамъ Евфрата; на сѣверѣ Сиріи утвердилось самое важное латинское княжество. Антіохійское; въ центрѣ, между Ливаномъ и Финикійскимъ моремъ, господствовалъ графъ Триппелійскій, а на югѣ лежало королевство Іерусалимское, которое доходило до города Аскалона и до пустыни, отдѣлявшей Сирію отъ Египта; подъ властью этого королевства находились всѣ христіане, разсѣянные по Востоку. Ихъ, конечно, было бы недостаточно для защиты христіанскихъ владѣній отъ мусульманъ, но къ нимъ безпрестанно приходили новыя и новыя подкрѣпленія изъ Западной Европы, которая слѣдила за успѣхами на Востокѣ своихъ дѣтей, цѣною крови и страданій добывавшихъ ей Святую Землю.

VII. Рыцарскіе духовные ордена.—«Іоанниты».

Христіане господствовали въ Святой Землѣ, и это теперь ясно чувствовалось всѣми. Народонаселеніе увеличивалось; губительныя по громадной численности войны затихали; раззоренные города обстраивались и процвѣтали; плоскія равнины подвергались тщательной обработкѣ. Кромѣ того, дѣла внутри новаго государства устраивались прочно; Бальдуинъ II энергично заботился о каждой потребности государства и народа. Большую помощь оказывали ему въ этомъ дѣлѣ духовные рыцарскіе ордена «Іоаннитовъ» и «Тампліеровъ».

Еще въ 1070 году одинъ богатый человѣкъ, Маурусъ, основалъ въ Іерусалимѣ духовное общество; потомъ члены его основали монастыри мужской и женскій, а также больницу для бѣдныхъ больныхъ пилигримовъ.

У госпиталя были свой домъ и часовня во имя св. Іоанна Милостиваго. Въ 1099 г.

Монахъ ордена Іоаннитовъ.

Тампліеры.
Въ походномъ одѣяніи. Въ домашнемъ одѣяніи.

это учрежденіе своимъ самоотверженіемъ, своей помощью больнымъ и бѣднымъ заслужило глубокое уваженіе Готтфрида, Бальдуина и папы. Вскорѣ въ общество стали поступать богатѣйшіе вклады, и общество быстро росло. Оно учредило въ Европѣ въ разныхъ мѣстахъ свои отдѣленія, которыя убѣждали многихъ людей идти служить несчастнымъ больнымъ въ Палестинѣ.

Въ 1118 году рыцарь Дюпюи сталъ во главѣ этого ордена «Іоаннитовъ» или «госпиталитовъ»; онъ устроилъ изъ членовъ ордена замкнутую монашескую общину, которая раздѣлялась на три класса: сражающіеся, духовные братья и служащіе братья. Отличительнымъ внѣшнимъ знакомъ Іоаннитовъ была черная мантія съ бѣлымъ крестомъ.

VIII. Орденъ Тампліеровъ.

Въ 1118 году два рыцаря, Гуго Пайенскій и Готтфридъ Сентъ-Омерскій, задумали основать религіозный военный союзъ рыцарей - крестоносцевъ для защиты пилигримовъ и беззащитныхъ мѣстныхъ христіанъ отъ грабителей и разбойниковъ, а также для оказыванія помощи бѣднымъ и несчастнымъ въ это тяжелое и тревожное время. Къ нимъ примкнули еще семь рыцарей-французовъ, и новый рыцарскій религіозный орденъ былъ основанъ.

Для участниковъ этого ордена были обязательны обѣты бѣдности, послушанія, кротости, безбрачія и борьбы за пилигримовъ и Святую Землю.

Средствами поддерживалъ ихъ Бальдуинъ, а помѣщеніе имъ онъ назначилъ во дворцѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда возвышался храмъ Соломона. По мѣсту жительства рыцари получили наименованіе Тампліеровъ (milites templi—войско храма), или храмовниковъ.

Прошло лѣтъ десять, но общество рыцарей не увеличивалось; тогда нѣсколько рыцарей отправились во Францію, чтобы

огласить уставъ своего ордена и поднять новыя вооруженія для укрѣпленія Востока.

Во Франціи мысль этого ордена встрѣтили сочувственно; тогда Гуго Пайенскій объѣхалъ всю Францію, Англію и Италію; всюду и богатые, знатные люди, и бѣдняки или спѣшили вступить въ число орденовъ, или ввѣряли ордену богатыя помѣстья и цѣнные вклады. Въ 1129 г. рыцари ордена Тампліеровъ вернулись въ Палестину съ богатѣйшими дарами, съ великолѣпнымъ отрядомъ рыцарей и латниковъ.

Съ тѣхъ поръ орденъ состоялъ изъ испытанныхъ, благороднѣйшихъ рыцарей. Внѣшнимъ отличительнымъ знакомъ Тампліера была бѣлая мантія съ краснымъ крестомъ.

Глава ордена, магистръ Тампліеровъ, занялъ высокое положеніе среди высшаго класса Іерусалимскаго королевства.

Оба ордена Іоаннитовъ и Тампліеровъ явились для Іерусалимскаго государства надежною живою крѣпостью. Силы ихъ увеличивались непрерывно, значеніе ихъ все возрастало. Они оказывали не только матеріальную помощь, но способствовали развитію нравственности, укрѣпленію вѣры среди людей, пользовавшихся ихъ услугами.

IX. Преемникъ Бальдуина II.

Въ 1131 году Бальдуинъ II скончался. У него не было сыновей, а дочерей своихъ онъ выдалъ замужъ за князей отдѣльныхъ государствъ крестоносцевъ. Онъ думалъ этимъ тѣснѣе и дружнѣе соединить отдѣльныя государства, чтобы сдѣлать изъ нихъ сильное, единодушное воинство для отпора сарацинамъ.

Старшую свою дочь, Мелизенду, онъ выдалъ замужъ за графа Фулько II Анжуйскаго, который прибылъ въ Палестину принять участіе въ борьбѣ крестоносцевъ съ магометанами.

Графъ Фулько пользовался общимъ уваженіемъ, какъ храбрый и благочестивый рыцарь; въ теченіе года онъ содержалъ на свои средства сотню латниковъ и этимъ неоднократно оказывалъ значительную помощь христіанамъ.

Умирая, Бальдуинъ II оставилъ Іерусалимское королевство ему и своей дочери. Фулько было за сорокъ лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ. Но, несмотря на свою храбрость, онъ на дѣлѣ оказался неискусным правителемъ.

Въ началѣ царствованія онъ былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ въ Антіохіи. Сынъ Боэмунда I, Боэмундъ II погибъ въ битвѣ съ Іосцелиномъ Куртнейскимъ, графомъ Эдесскимъ; въ Антіохіи начались смуты и раздоры. Вдова Боэмунда II, Элиза, задумала овладѣть правленіемъ, и Фулько пришлось идти и смирить ее.

Антіохія сиротствовала, не имѣя правителя, и Фулько вызвалъ графа Раймунда Пуату, сына Вильгельма Аквитанскаго. И когда онъ явился въ Антіохію, Фулько выдалъ замужъ за него дочь Боэмунда II, Констанцу, и Раймундъ Пуату сталъ неограниченнымъ правителемъ Антіохіи.

Но въ это время у него у самого, въ Іерусалимскомъ королевствѣ, возникли волненія среди князей, и онъ поспѣшилъ къ себѣ для возстановленія порядка.

Еще около 1130 года, намѣстникъ Галеба Моссульскаго князя Имадеддина Ценги прошелъ опустошительнымъ походомъ Антіохійскую область и разграбилъ богатую

Нападеніе князя Ценги на Фулько.

Лаодикею. Въ 1137 году самъ Имадеддинъ Ценги двинулся на западъ и обложилъ Триполійскій замокъ Бари́нъ.

Фулько спѣшно пошелъ на помощь, но дорогой Ценги напалъ на него въ глухой гористой мѣстности и разбилъ его войско.

Съ небольшимъ отрядомъ Фулько пробрался въ Баринъ и заперся въ немъ, но Ценги шелъ неотступно слѣдомъ за нимъ.

X. На выручку Фулько.

Вѣсть о несчастьи съ Фулько сразу подняла въ Іерусалимѣ, Эдессѣ и Антіохіи цѣлый рядъ ополченій. И это единодушіе смутило Ценги. Онъ предложилъ Фулько удалиться со всѣми людьми изъ крѣпости и позволилъ даже разрушить стѣны ея.

Всѣ небольшія сирійскія государства не въ силахъ были сражаться съ княземъ Мосульскимъ. Надо было сначала тѣснѣе соединиться между собою. Іерусалимъ и Антіохія стояли противъ Ценги рука-объ-руку. Къ нимъ присоединился и визирь Анаръ мусульманскаго Дамаска, ища помощи у христіанъ отъ притязаній Ценги.

Этотъ союзъ устрашилъ Ценги, и онъ отошелъ къ сѣверу. И за все время, пока живы были эти три человѣка — Фулько, Раймундъ и Анаръ,—Ценги не совершилъ никакихъ завоеваній въ Сиріи.

Поэтому средина XII вѣка была спокойнымъ временемъ для крестоносцевъ. Границы ихъ завоеваній были надежно укрѣплены крѣпостями; поля были воздѣланы и давали богатѣйшіе урожаи. Торговля стала развиваться широко, и бѣдствовавшіе еще недавно рыцари стали позволять себѣ даже роскошь.

Въ правленіе Фулько былъ составленъ болѣе обширный сводъ законовъ Іерусалимскаго королевства.

XI. Опасные враги.

Во время царствованія Фулько крестоноснымъ государствамъ грозила большая опасность—не только со стороны Ценги, но и со стороны страшнаго противника, византійскаго императора Іоанна, сына Алексѣя.

Въ послѣдніе годы Алексѣй оставилъ войны съ крестоносцами и обратился противъ малоазіатскихъ сельджуковъ. Это дѣло продолжалъ и его сынъ, Іоаннъ. Одновременно велъ онъ удачныя войны съ печенѣгами, венграми, сербами. Императоръ былъ справедливъ, отваженъ; войско было устроено хорошо.

Да на грѣхъ завели антіохійцы мелочныя ссоры съ греками. Императоръ Іоаннъ отправился въ Сирію и осадилъ Антіохію; Фулько былъ какъ-разъ осажденъ въ Бари́нѣ и потому не могъ придти на помощь. Раймундъ сдался и призналъ себя вассаломъ Іоанна. Іоаннъ занялъ, было, Антіохію, но возстаніе народа противъ него заставило его удалиться.

Однако, онъ всетаки не давалъ антіохійцамъ покою, и только смерть его въ 1143 году успокоила эту распрю.

Въ томъ же году умеръ и Фулько. Положеніе крестоносцевъ на Востокѣ было въ общемъ тяжелое. Ихъ часто тѣснили враги и сельджуки и свои, христіане.

Безпрестанно воюя, Фулько не могъ вполнѣ хорошо устроить внутреннія дѣла; хуже всего было то, что послѣ смерти его остались два малолѣтнихъ сына—Бальдуинъ 18 лѣтъ и Амальрихъ 7 лѣтъ.

Бальдуинъ II, умирая, оставилъ Фулько Іерусалимское королевство могуществен-

Византійскій императоръ Алексѣй.

нымъ, внушающимъ страхъ мусульманамъ. Но послѣ Фулько дѣла были сильно расшатаны, и мусульмане имѣли уже нѣсколько случаевъ убѣдиться въ упадкѣ духа крестоносцевъ.

XII. Юный король.

До совершеннолѣтія Бальдуина III правительницей королевства была объявлена мать его, Мелизенда.

Юный король вскорѣ предпринялъ походъ на богатую столицу Басору, къ югу отъ Дамаска. Когда услышалъ о томъ эмиръ Басоры,—онъ самъ явился къ королю и предложилъ предать ему столицу. Страшно было довѣриться этому человѣку, но пылкое желаніе видѣть богатую страну и городъ, о которыхъ много говору ходило, легкость побѣды и увѣренность въ томъ, что магометане по прежнему страшатся одного вида крестоносцевъ, — заставило рыцарей принять предложеніе эмира Басоры. Тронулись въ путь, но вскорѣ непріятельское войско заградило имъ дорогу. Отстранили его христіане, но и сами потерпѣли при этомъ. Дальше путь лежалъ по пустынной, безъ всякой растительности равнинѣ, подъ жгучими лучами солнца. Жажда томила крестоносцевъ, а тутъ еще безпрестанно неожиданно нападаютъ на нихъ летучіе отряды магометанъ и тревожатъ ихъ.

Одно и поддерживаетъ ихъ, это мысль о богатомъ, великолѣпномъ городѣ, который достанется имъ только путемъ труднаго перехода, зато безъ всякаго кровопролитія...

Но не тутъ-то было. Подходя уже къ городу, они встрѣтили посольство отъ жены эмира. Она вооружила сильный гарнизонъ и объявила крестоносцамъ, что сама будетъ защищать городъ. Но мало этого, она идетъ на нихъ сейчасъ, и будетъ преслѣдовать ихъ, пока не истребитъ все войско до единаго человѣка.

Рыцари, латники поражены ужасомъ; они умоляютъ своего юнаго короля скакать назадъ, спасаться отъ опасности; пусть броситъ онъ войско и спасетъ только себя и святой Крестъ. Но юный король наотрѣзъ отказался отъ этого предложенія. Что бы ни было, а онъ останется съ войскомъ и умретъ или спасется съ нимъ,—это его послѣдняя воля.

Тяжелое было это отступленіе. Мусульмане подожгли степь, по которой должны были проходить крестоносцы, осыпали ихъ тучами стрѣлъ, но воины шли молча, сосредоточенно, безъ ропота, подбирая по пути раненыхъ и убитыхъ...

Съ восторгомъ встрѣтили въ Іерусалимѣ короля и его войско, которыхъ уже давно считали погибшими...

Между тѣмъ страшная, тяжелая гроза надвигалась на христіанъ.

XIII. Гроза.—Гибель Эдессы.

Неутомимый воинъ, князь Моссульскій Ценги задумалъ нанести рѣшительный ударъ христіанамъ.

Могущество его было велико,—отъ Моссула до Дамаска земли и жители находились подъ его властью.

Въ это время въ Эдессѣ умеръ правитель ея, старикъ Іосцелинъ, и со смертью его христіанскія владѣнія въ Мессопотаміи потеряли главнаго своего защитника.

Ужъ давно мечталъ Ценги о покореніи Эдессы и теперь внезапно подступилъ подъ ея стѣны.

Слабовольный, изнѣженный юноша Іосцелинъ, сынъ старика Іосцелина, былъ въ отлучкѣ со своими латниками и не думалъ о защитѣ своего графства; на защиту города вышли всѣ жители его,—крестьяне, духовенство, монахи, женщины, дѣти.

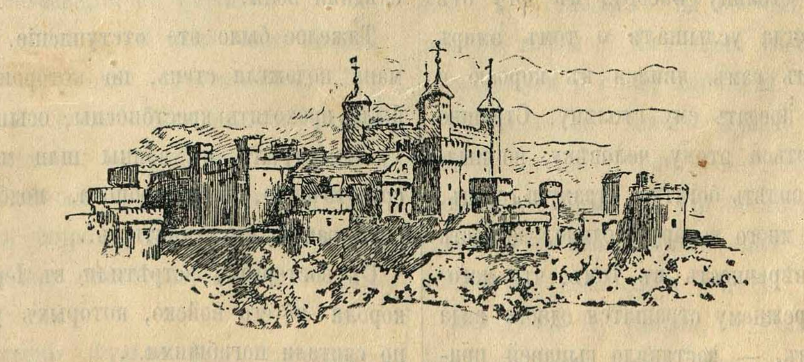
Ценги между тѣмъ привлекъ къ себѣ въ свое войско курдовъ, арабовъ и туркменовъ и повелъ правильную осаду; стѣны дрожали отъ стѣнобитныхъ машинъ, подъ башнями дѣлали подкопы. Послѣ почти мѣсячной осады Ценги взялъ Эдессу и избилъ почти всѣхъ жителей, которые отчаянно защищались, все дожидаясь помощи отъ своего правителя Іосцелина; оставшихся въ живыхъ Ценги продалъ въ рабство.

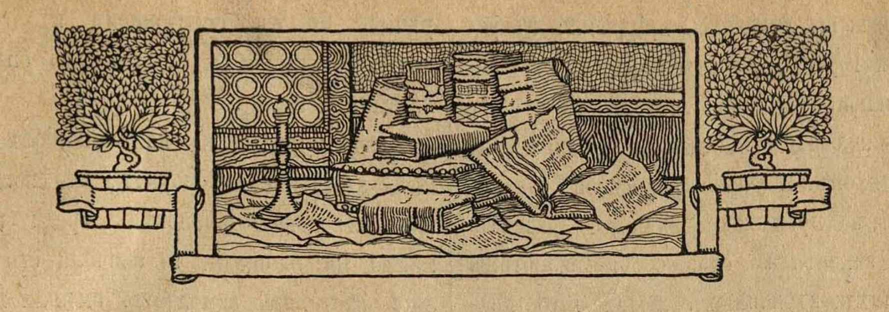
Мусульманскій міръ оживился, было, но вскорѣ послѣ того Ценги былъ убитъ своими же рабами за непомѣрную жестокость.

Прошло нѣсколько времени, и Іосцелинъ пошелъ на Эдессу взять ее себѣ обратно. Жители-христіане помогли ему ночью пробраться въ крѣпость, и онъ снова овладѣлъ ею.

Но внезапно узналъ Іосцелинъ, что сынъ Ценги, Нурединъ уже собирается на него; спѣшно шлетъ онъ пословъ къ христіанскимъ князьямъ, умоляя о помощи ему... Никто, однако, и не подумалъ явиться къ нему, а между тѣмъ Нурединъ уже обложилъ Эдессу.

Видятъ христіане, что защищаться они долго не могутъ и что надо спасаться бѣгствомъ. Ночью тайкомъ вышли они изъ воротъ, но мусульмане услышали ихъ, напали на нихъ и гнали передъ собой, избивая ихъ немилосердно. Не больше тысячи людей спаслось въ крѣпости Самосаты.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Второй Крестовый походъ.

I. Наканунѣ „Возрожденія“.

Уже сорокъ пять лѣтъ прошло со времени освобожденія Іерусалима; много воды утекло за эти годы, много народу умерло, много подросло новаго, а общее настроеніе и взгляды на крестовые походы мало измѣнились.

Измѣнились они вотъ въ чемъ.

Въ 1095 году, при папѣ Урбанѣ II, Римская Церковь занимала высокое положеніе, такъ какъ государственныя власти были побѣждены властью духовной. Этому способствовали проявляемыя со стороны духовенства энергія, сила воли, дальновидность и непреклонное стремленіе во что бы то ни стало добиться своей цѣли—овладѣть всѣмъ христіанскимъ міромъ.

Но прошло почти полвѣка, и все круто измѣнилось. Въ папы избирались за это время люди слабовольные, недальновидные; вслѣдствіе разныхъ интригъ они смѣнялись часто, и въ концѣ-концовъ это значительно поколебало достоинство папы. Отдѣльныя же государства между тѣмъ крѣпли, развивались, и каждое настоятельно стремилось создать свое положеніе на крѣпкомъ фундаментѣ.

Со времени перваго похода жизнь народовъ приняла новое направленіе. Въ XI вѣкѣ преобладали мистическіе и аскетическіе взгляды, т.-е. люди вѣрили въ одно, что земная жизнь есть только средство достичь загробной жизни, поэтому страданія, лишенія въ этой жизни и проповѣдывались духовенствомъ ради будущей жизни; изнурять себя, мучить себя считалось единственно только угоднымъ Богу...

Послѣ завоеванія Іерусалима взгляды эти рѣзко измѣнились; христіане Запада ознакомились съ развитіемъ грековъ, съ могуществомъ Востока, и это все произвело въ нихъ крутой переворотъ. Люди какъ бы очнулись отъ сна; они увидѣли, что въ то время, какъ они всячески изнуряли себя и пренебрегали жизнью и ея радостями,— другіе народы безнаказанно жили полной жизнью, беря отъ нея всѣ радости; и имъ захотѣлось жить, захотѣлось воспользоваться дарами жизни. И тогда началось возрожденіе заглохшей, было, жизни; раздались веселыя пѣсни, музыка; короли и рыцари наслаждались пиршествами, празднествами, турнирами. До той поры умъ человѣка былъ направленъ на изученіе богословскихъ

вопросовъ; все старались пріурочить къ религіи, которая одна давала отвѣты на запросы жизни. Но теперь человѣческому уму дана была свобода мыслить, и это не считалось грѣхомъ. Изученіе философіи, законодательствъ прежнихъ временъ, развитіе наукъ захватили своимъ водоворотомъ умнѣйшихъ, вдумчивыхъ людей того времени.

Но духовная, религіозная мысль, которая владѣла умами полвѣка назадъ, не потухла нисколько. Она стала только болѣе обдуманной и избрала себѣ иной путь для достиженія цѣли.

Руководительство папы духомъ народа уступило мѣсто черному духовенству—монашеству, такъ какъ въ тѣ времена развитіе наукъ сосредоточивалось среди монаховъ: за монастырской стѣной свободнѣе было заниматься отвлеченными предметами въ тишинѣ и уединеніи.

II. Св. Бернардъ Клервосскій.

Св. Бернардъ происходилъ изъ богатаго, знатнаго рода. Рано поступилъ онъ въ монастырь Ситю, но оттуда вскорѣ былъ переведенъ въ монастырь Клерво аббатомъ. Св. Бернардъ отрицалъ господство духовенства надъ народомъ, управленіе подданными и воинами силой и угрозами; онъ хотѣлъ дѣйствовать не силой, но словомъ убѣжденія. И, благодаря своему ораторскому дару, ему удавалось силою слова переламывать взгляды и убѣжденія людей, которые соглашались бросить все и принять монашество съ цѣлью служить народу, помогая ему въ нуждѣ и образовывая его.

Много занимался св. Бернардъ вначалѣ и съ большой выдержкой образовалъ свой умъ. Онъ обладалъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и въ свое время въ спорахъ почти всегда побѣждалъ самыхъ сильныхъ противниковъ.

Церковь имѣла въ немъ наиболѣе сильнаго защитника. Говорятъ, что когда онъ начиналъ свою проповѣдь среди народа, прямо на площади, то сначала его старались заставить замолчать, смѣялись надъ нимъ. Но мало-по-малу сильная, живая, вдохновенная рѣчь его охватывала всю толпу, и многіе склонялись на его убѣжденія, отказывались отъ прежней своей жизни и шли за нимъ, какъ за своимъ учителемъ.

III. Тревога на Западѣ.

Депутація сирійскахъ паломниковъ прибыла въ Европу и принесла съ собою печальныя вѣсти. И снова взволновались западные христіане, какъ только прослышали о тяжеломъ положеніи Іерусалимскаго королевства и о паденіи Эдессы и всего Месопотамскаго графства.

Въ это время въ Англіи и Германіи шли междоусобныя войны, и вниманіе обѣихъ странъ было больше сосредоточено въ центрѣ государствъ. Зато Франція въ то время была спокойна. Король Людовикъ VII облекъ безграничнымъ довѣріемъ умнаго, образованнаго и даровитаго приближеннаго, аббата Сугерія, который внесъ порядокъ во внутреннее управленіе страной и поднялъ народное благосостояніе.

Очень естественно, что французы откликнулись охотнѣе всѣхъ на призывъ далекихъ братьевъ-крестоносцевъ, имѣя возможность глубже вникнуть въ ихъ тяжелое положеніе, а самое главное потому, что въ Палестинѣ крестоносныя королевства стали за послѣднее время преимущественно

Бернардъ Клервосскій благословляетъ Людовика VII.

французскими колоніями; отъ этого понятно, что западныхъ французовъ естественно влекло идти на помощь къ своимъ. Къ этому дѣятельно побуждалъ народъ и самъ молодой король Людовикъ VII.

IV. Рѣшеніе короля.

Людовикъ VII въ то время былъ въ ссорѣ съ папой Евгеніемъ III. И вдругъ онъ случайно узнаетъ, что ссоритъ ихъ не кто иной, какъ его вассалъ, графъ Шампань-

скій Теобальдъ. Не разобравъ даже дѣла, король вышелъ изъ себя и напалъ на владѣнія своего вассала. Онъ опустошилъ всю Шампань, избивая на своемъ пути беззащитныхъ жителей, а спасшихся въ церкви тысячу слишкомъ человѣкъ сжегъ вмѣстѣ съ церковью.

Ужасъ охватилъ всю Францію послѣ такого поступка короля. Св. Бернардъ отважился написать королю суровый упрекъ по поводу его преступленій.

Первый пылъ прошелъ, король одумался, и совѣсть стала мучить его, не давая покоя. Въ это-то время у него и возникла мысль предпринять крестовый походъ, чтобы сложить съ себя тягость своего преступленія. Къ тому же, его младшій братъ, Филиппъ, принялъ на себя обѣтъ идти въ Святую Землю, но умеръ, не исполнивъ обѣта, и Людовикъ считалъ себя обязаннымъ исполнить этотъ обѣтъ за брата.

Въ 1145 году Людовикъ на Рождествѣ созвалъ своихъ вассаловъ и духовныхъ лицъ въ Буржѣ, спрашивая совѣта относительно крестоваго похода. Мнѣнія были разныя. Людовикъ рвался въ походъ; умный, дальновидный аббатъ Сугерій совѣтовалъ раньше обдумать все дѣло и, главное, не торопиться. Св. Бернардъ Клервосскій сказалъ, что онъ не беретъ на себя отвѣтственности совѣтовать крестовый походъ, и предложилъ обратиться за благословеніемъ къ папѣ Евгенію III.

Папа зналъ о трудномъ положеніи французовъ на Востокѣ и охотно далъ согласіе на крестовый походъ, проповѣдовать который поручилъ Бернарду Клервосскому; самъ отправилъ воззваніе къ французскому народу, гдѣ заклиналъ его идти на защиту Гроба Господня, обѣщая, что принявшій крестъ получитъ отпущеніе грѣховъ не только самъ, но и вся семья его, и что ему будетъ дана свобода отъ налоговъ и проч.

Въ слѣдующемъ году на Пасху снова былъ назначенъ съѣздъ для окончательнаго рѣшенія въ Бургундіи, въ г. Везелѣ. Народу съѣхалось и сошлось великое множество. На открытомъ лугу была выстроена особая эстрада, на которую поднялись Бернардъ и король. На груди короля былъ уже крестъ. Св. Бернардъ сообщилъ собравшемуся народу посланіе папы и самъ началъ рѣчь о необходимости крестоваго похода.

— Горе, горе тому, кто не обагритъ меча своего кровью въ защиту Христа!... — воскликнулъ онъ въ концѣ своей рѣчи, и голосъ его былъ покрытъ гуломъ голосовъ:

— Богу это угодно!.. Богъ того хочетъ!..

Толпа тѣснилась къ эстрадѣ, и св. Бернардъ едва успѣвалъ раздавать кресты будущимъ воинамъ. Повторялось почти то, что было нѣкогда въ Клермонѣ, послѣ рѣчи папы Урбана II.

Послѣ этого св. Бернардъ объѣздилъ всю Францію, и всюду по его вдохновенному слову люди оставляли дома и имущества и слѣдовали за нимъ. „Замки и города стоятъ пустыми“,— писалъ св. Бернардъ папѣ въ письмѣ о результатѣ своей проповѣди. И не только мужчины, но и женщины стремились въ походъ, и многія изъ нихъ были изъ знатныхъ, богатыхъ фамилій.

V. Мятежъ на Рейнѣ.

Воодушевленіе крестоносцевъ перешло и на рейнскія земли; но тутъ оно обратилось въ гнусное преслѣдованіе и избіеніе вообще много пострадавшаго за свою жизнь еврей-

скаго народа. Архіепископъ Майнцскій умолялъ св. Бернарда пріѣхать къ нимъ, усмирить мятежъ. И только проповѣди Бернарда и самый видъ его могли сразу подавить мятежъ. Этотъ успѣхъ далъ мысль Бернарду привлечь къ участію въ крестовыхъ походахъ и нѣмцевъ.

И дѣйствительно, св. Бернарду удалось добиться согласія на то отъ короля Конрада III, хотя и съ большимъ трудомъ. Король долго отказывался отъ своего участія, ссылаясь на возникшія недавно въ Германской имперіи смуты, которыя надо было немедленно разобрать и подавить.

Но на сеймѣ въ городѣ Шпейерѣ онъ тоже не могъ устоять передъ силой краснорѣчія Бернарда Клервосскаго. Во время торжественнаго богослуженія св. Бернардъ внезапно прервалъ службу и началъ трогательную, возбужденную рѣчь о крестовыхъ походахъ. Онъ живо изобразилъ картину страшнаго суда; онъ изобразилъ фигуру Христа, несущаго крестъ за грѣхи человѣка, и тутъ же обрушился горькими упреками на Конрада III, обвиняя его въ неблагодарности, въ холодности къ слову Спасителя, для Котораго онъ не хочетъ сдѣлать даже малѣйшаго.

Этимъ онъ тронулъ Конрада и всѣхъ присутствовавшихъ владѣтельныхъ князей.

VI. Дальнѣйшая проповѣдь.

Все устраивалось такъ, какъ св. Бернардъ и не ожидалъ на самомъ дѣлѣ. Но теперь онъ не хотѣлъ уже удовольствоваться только этимъ и рѣшилъ побудить къ крестовому походу еще бóльшее число людей. Онъ посѣтилъ всѣ города на Рейнѣ, вездѣ поднимая народъ на святое дѣло; затѣмъ однимъ своимъ «посланіемъ» онъ поднялъ воодушевленіе въ Баваріи, въ Богеміи и Моравіи.

Совершалось нѣчто громадное, выходило то, чего никто и въ виду не имѣлъ. Почти все Западное христіанство поднималось противъ восточныхъ народовъ. Аббатъ Клервосскій творилъ прямо-таки чудеса: передъ словомъ и взоромъ его сердца смирялись и подчинялись его волѣ, какъ по волшебству.

Около Конрада III собралось свыше 70.000 ополченцевъ, и подобное же войско поднялось вмѣстѣ съ Людовикомъ VII. Папа Евгеній III прислалъ отъ себя особаго посла крестоваго похода, кардинала-епископа Дитвина, къ королю Конраду III, а къ Людовику—кардинала-пресвитера Гвидо.

Папа мечталъ о крестовомъ походѣ, какъ о средствѣ къ соединенію Западной Церкви съ Восточной.

VII. Тяжелыя предчувствія.

Аббатъ Клервосскій дѣйствовалъ, конечно, отъ чистаго сердца, поднимая крестоносцевъ. Но въ слѣпомъ увлеченіи идеей онъ впалъ въ ошибку. Участіе въ крестовомъ походѣ нѣмцевъ должно было повредить французскому ополченію. Конрадъ былъ нераспорядителенъ и слабъ, у него изъ года въ годъ шли внутреннія междоусобныя войны, которыхъ онъ не могъ потушить окончательно, потому что надменные вассалы его ясно чувствовали слабую руку Конрада и не думали въ полной мѣрѣ подчиниться ему.

Затѣмъ, нѣмецкія войска только отчасти состояли изъ образцоваго рыцарства; но бóльшая часть ихъ была набрана изъ всякаго сброда.

Кромѣ всего этого, французы дружили съ итальянскими норманнами, которые были въ

вѣковой ссорѣ съ греками. А нѣмцы дружили съ императоромъ византійскимъ Мануиломъ, женатымъ на родственницѣ императора Конрада. Все это грозило въ дальнѣйшемъ не малыми ссорами и пререканіями, и многіе дальновидные люди видѣли это отлично. И такъ оно и вышло въ концѣ-концовъ.

VIII. Въ походъ!..

Французское ополченіе собиралось въ Мецѣ, нѣмецкое—въ Регенсбургѣ. Задолго до срока всѣ дороги въ этихъ городахъ были буквально запружены народомъ. Сборъ воиновъ и передвиженіе ихъ совершались въ полномъ порядкѣ на много искуснѣе и осмотрительнѣе, чѣмъ прежде.

Но пока что, а денежныя средства были скудны. Добровольныхъ пожертвованій было далеко не достаточно. Людовикъ VII прибѣгнулъ къ займамъ, къ налогамъ. Ремесленники, земледѣльцы—всѣ были обложены новыми поборами, и это возбудило во всѣхъ глубокій ропотъ, потому что жить трудящемуся люду было и такъ тяжело. Больше всѣхъ во второмъ крестовомъ походѣ поплатились духовенство и евреи.

Когда настало время выступать въ походъ, Людовикъ VII отправился въ Сенъ-Дени получить орифламу—хоругвь, и папа Евгеній III самъ передалъ королю знаки паломничества: посохъ и котомку.

Во Франціи, за отсутствіемъ короля, правленіе оставлено было на попеченіе аббата Сугерія, въ Германіи—аббату Корбейскому.

Стотысячная армія французовъ выступила изъ Меца и пошла черезъ Германію къ Константинополю, гдѣ должны были съ ними соединиться ополченія нѣмцевъ.

Путь былъ выбранъ Карла Великаго и Готтфрида Бульонскаго, потому что онъ считался теперь традиціоннымъ путемъ для передвиженія крестоносныхъ ополченій.

Нѣмцы выступили въ крестовый походъ первыми, лѣтомъ 1147 года; нѣсколько недѣль спустя, тронулись въ путь и французы Людовика VII. Византійцы заранѣе уговорились съ нѣмцами, чтобы тѣ не тревожили и не опустошали ихъ владѣній, за что они обязались помогать имъ продовольствіемъ; но съ французами съ первыхъ шаговъ императоръ Мануилъ не поладилъ. Онъ потребовалъ отъ нихъ обѣщанія передать ему всѣ прежнія области Византіи, которыя будутъ завоеваны въ будущемъ французами. Конечно, послѣдніе возстали противъ этого, и отношенія между ними и греками сразу обострились.

На Востокѣ же въ то время въ средѣ крестоносцевъ происходило вотъ что. За три года передъ тѣмъ византійцы одержали рядъ побѣдъ надъ магометанами. Если бы крестоносцы въ то время поддержали ихъ, — магометане были бы въ концѣ-концовъ разбиты совершенно.

Но тутъ-то и началась невообразимая путаница въ отношеніяхъ христіанъ къ сельджукамъ и между собою.

Антіохія въ то время задумала, по завѣтной давнишней мысли Боэмунда I, сломить Византію, для чего заключила миръ съ сарацинами, желая обратить всѣ свои силы противъ гордой Византіи. Но тогда и Византія заключила перемиріе на двѣнадцать лѣтъ съ сарацинами, чтобы дать отпоръ антіохійцамъ.

Выходило что-то ужасное. Людовикъ и Конрадъ шли воевать съ магометанами, а Византія и Антіохія заключали съ ними перемиріе, чтобы начать войну между собою.

Конечно, отъ этого должны были произойти страшныя бѣдствія.

IX. Нѣмцы-крестоносцы.

Бѣдствія начались очень скоро. Конрадъ съ своими крестоносцами сначала шелъ мирно, согласно уговору съ императоромъ Мануиломъ. За это чиновники императора оказывали имъ всяческую помощь продовольствіемъ и указаніемъ пути.

Но мало-по-малу слухи о междоусобицахъ стали доходить до новыхъ крестоносцевъ, да и воспоминанія прежней коварной и хитрой политики Византіи подливали масла въ огонь; и когда воины вступили въ богатѣйшія области Ѳракіи, они забыли всякіе договоры, стали позволять себѣ грабежи и насилія надъ греками.

Императоръ Мануилъ выслалъ противъ нихъ войска; произошло нѣсколько стычекъ, а подъ Адріанополемъ — даже кровопролитная война, и тогда крестоносцы окончательно возстали противъ византійцевъ и подступили къ воротамъ Константинополя. Императоръ Мануилъ съ ужасомъ смотрѣлъ на буйство нѣмцевъ и одного страшился болѣе всего,—какъ бы къ нимъ не присоединились французы.

Угрозами, лестью и военной силой Мануилъ сурово стѣснилъ Конрада до того, что тотъ самъ испугался дальнѣйшихъ событій и поспѣшилъ переправиться на азіатскіе берега.

Безпутное начало нѣмцевъ привело ихъ къ неминуемой гибели. Вообще все войско было сплочено далеко не дружно, тѣмъ болѣе, что самъ Конрадъ уже горько раскаивался въ томъ, что послушался св. Бернарда и предпринялъ этотъ походъ.

Онъ мечталъ только объ одномъ—кончить какъ можно скорѣе этотъ походъ такъ или иначе и вернуться домой. Понятно, что при подобномъ образѣ мыслей и постоянномъ колебаніи и неувѣренности ожидать успѣховъ было трудно. Онъ задумалъ отправиться черезъ Малую Азію и напасть на сарацинъ только со своими рыцарями, а народъ отправить по безопасному пути въ Сирію.

Но не тутъ-то было. Народъ возмутился, все ополченіе разбилось на двѣ партіи; 15.000 крестоносцевъ отдѣлились и пошли дѣйствительно въ Сирію. А весь обозъ остался на Конрадѣ и его войскѣ. Обѣимъ партіямъ было плохо, но дѣлать уже было нечего.

X. Пораженіе Конрада.

Конрадъ двинулся по дорогѣ Готтфрида Бульонскаго во Фригію. Съ трудомъ, путаясь въ дорогѣ, дошли воины до Дорилеума. Внезапно навстрѣчу имъ показались конные сельджуки. Сгоряча, не разсудивъ всего дѣла, рыцари помчались за ними, гнались долго и только и сдѣлали, что страшно утомили своихъ коней. Сельджуки только того и ждали, напали на нихъ, смяли ихъ и бросились на толпы пилигримовъ...

Сдержать ихъ было невозможно, и Конрадъ рѣшилъ отступить къ морю и ждать подкрѣпленія отъ французовъ.

Это отступленіе совершалось подъ градомъ стрѣлъ непріятеля, который плотнымъ кольцомъ наступалъ на христіанъ. И христіане не выдержали этого натиска и обратились въ безпорядочное бѣгство.

Конрадъ и оставшіеся рыцари дрались отчаянно, прикрывая собою отступленіе; но сдѣлать было ничего невозможно. Даже когда сарацины скрылись, болѣе 30.000 че-

ловѣкъ погибло отъ голода, болѣзней и жажды.

Уцѣлѣвшіе вернулись частью въ Константинополь, частью на родину, потому что священный пылъ къ крестовому походу изсякъ у нихъ совершенно.

XI. Крестоносцы Людовика VII.

Между тѣмъ французское войско достигло Константинополя, и это крайне растревожило императора Мануила. Дѣло въ томъ, что большинство крестоносцевъ терпѣть не могло Византіи и требовало сначала взять Константинополь, а затѣмъ уже идти дальше. По мнѣнію ихъ, только этимъ можно было обезопасить сирійскихъ христіанъ.

Мануилу пришлось пустить въ ходъ всю свою хитрость и изобрѣтательность. И вотъ усиленно начинаетъ онъ распускать разные слухи о мнимыхъ побѣдахъ нѣмцевъ, о добычѣ, захваченной ими. Ожиданія его оправдались: эти вѣсти до того охватили всѣхъ крестоносцевъ, что они настоятельно начали требовать выступленія въ походъ.

Въ серединѣ октября войско перешло проливъ Босфоръ; но вскорѣ хитрость византійскаго императора обнаружилась,— Людовикъ нашелъ остатки разбитой нѣмецкой арміи и встрѣтилъ Конрада, который былъ въ отчаянномъ положеніи. Оба короля со слезами обнялись и заключили дружественный союзъ вести дальше борьбу совмѣстными усиліями.

XII. Неудачи.

Но и соединенныя силы нѣмцевъ и французовъ привели крестоносное войско къ печальнымъ результатамъ.

Ошибка была сдѣлана по винѣ нѣмцевъ. Если бы французы двинулись по ихъ пути прямо на непріятеля,— они свѣжими силами и бодрымъ духомъ разбили бы его; но нѣмцы, напуганные недавнимъ пораженіемъ, убѣдили идти въ Сирію окольными путями,—по западу и югу Малой Азіи. Тяжелый путь, постоянное уклоненіе отъ стычекъ съ непріятелемъ разбивали послѣднія силы у нѣмцевъ и удручающе дѣйствовали на всѣхъ воиновъ. Около Рождества императоръ Конрадъ серьезно захворалъ и вернулся со своими латниками въ Константинополь, а Людовикъ между тѣмъ продолжалъ свой походъ.

Сначала—долгій, утомительный путь; потомъ—нѣсколько блестящихъ сраженій съ мусульманами съ перемѣннымъ счастьемъ. Наконецъ, измученные, обнищавшіе, наголодавшіеся, достигли они византійскаго города Атталіи, на Пампилійскомъ побережьи (см. карту). Отсюда идти уже сухопутьемъ и ожидать новыхъ стычекъ съ сельджуками они не отваживались; по ихъ просьбамъ греки прислали небольшой флотъ, чтобы переправить войско въ Сирію моремъ. Но на флотѣ могли размѣститься только начальники и знатные рыцари. Крестоносцы были покинуты на произволъ судьбы одни въ чуждой странѣ, гдѣ всѣ до единаго были въ скоромъ времени перебиты.

XIII. Сирійскіе крестоносцы.

Положеніе сирійскихъ крестоносцевъ въ это время тоже значительно ухудшилось. Въ 1146 году страшный для христіанъ Имаддединъ Ценги умеръ. Старшій сынъ его, Зейфеддинъ-Гази, владычествовалъ въ Моссулѣ и восточной Месопотаміи, а младшій, Нуреддинъ, утвердился въ Галебѣ и сирійскихъ областяхъ. Онъ отнялъ богатую, прекрасную Эдессу у Іосцелина, разрушилъ

Людовикъ VII во время битвы.

ее до основанія, а жителей частью перебилъ, а частью продалъ въ рабство.

Вы помните, что іерусалимскій король Фулько, Раймундъ Антіохійскій и визирь Дамаска Анаръ *) заключили между собой союзъ противъ Ценги и его сыновей.

*) См. стр. 70.

Союзъ этотъ былъ одинаково важенъ для христіанъ и для мусульманъ, потому что и тѣмъ, и другимъ равно угрожала сила Ценги.

Въ это же время эмиръ двухъ городовъ, Босры и Сархада, поссорился съ властителемъ Дамаска Анаромъ и предложилъ

Іерусалиму сдать эти два города съ тѣмъ, чтобы христіане поддержали его противъ Анара.

Держа слово, данное Анару, надо было бы отказаться отъ этой измѣны; но христіанами овладѣла жадность какая-то, и они двинулись на Босру и Сархаду. Анаръ обратился къ сыну Ценги, Нуреддину, за помощью и въ то же время и самъ далъ рѣшительный отпоръ христіанамъ.

19 марта 1148 года прибылъ въ Сирію изъ Атталіи со своими рыцарями Людовикъ, а въ половинѣ апрѣля—Конрадъ.

Планъ былъ такой, чтобы возстановить Эдесское княжество, но іерусалимскій король, Бальдуинъ III, предложилъ имъ лучше идти на Дамаскъ, противъ Анара.

Собрали 50.000 войска и тронулись въ походъ; сначала въ битвѣ передъ Дамаскомъ христіане одержали побѣду, но уже на слѣдующій день перевѣсъ остался на сторонѣ Анара. А въ это время пришло извѣстіе, что Нуреддинъ спѣшитъ уже на защиту Дамаска.

Властолюбіе сыновей Ценги пугало одинаково и Анара, и христіанъ. И это извѣстіе сразу кончило страшную войну. Іерусалимцы, французы, нѣмцы смотрѣли какъ-то вяло и недовѣрчиво на всѣ свои подвиги, и поэтому рѣшено было отступить отъ Дамаска и вернуться во-свояси; 28 іюля Конрадъ и Людовикъ начали отступленіе.

Негодуя, раскаиваясь въ своихъ поступкахъ, съ горечью отбылъ изъ Святой Земли Конрадъ въ 1148 году, 8 сентября, въ Германію; Людовикъ пробылъ въ Святой Землѣ до Пасхи 1149 года и въ томъ же году вернулся во Францію.

XIV. Конецъ второго похода.

Второй крестовый походъ не оказалъ помощи сирійскимъ христіанамъ, которой они ожидали. Эдесса была потеряна навсегда; Антіохія упала очень низко за пятидесятилѣтнее свое существованіе; въ Іерусалимскомъ королевствѣ тоже не чувствовалось какой-либо основательной устойчивости и прочности. Всѣмъ имъ угрожало одновременно съ нѣсколькихъ сторонъ оружіе магометанъ. А помощи отъ Запада теперь вскорѣ ждать было трудно. Неудачи Людовика и Конрада надолго охладили пылъ западныхъ христіанъ къ новымъ крестоноснымъ ополченіямъ.

Современники обвиняли Бернарда, папу Евгенія, именуя ихъ ложными пророками, предвозвѣстителями пришествія антихриста, которые только смущали людей, порождая между ними разстройство и горе.

Бернардъ былъ виноватъ тѣмъ, что, не обращая вниманія на условія жизни того времени, на состояніе политики, онъ слишкомъ отдался самому дѣлу своей проповѣди, увлекаясь своимъ краснорѣчіемъ и умѣніемъ овладѣвать душой цѣлой толпы. Онъ заставилъ сойтись вмѣстѣ на одномъ дѣлѣ французовъ, нѣмцевъ, грековъ и сирійскихъ христіанъ, не представляя себѣ, что можетъ произойти изъ насильнаго соединенія враждующихъ партій воедино.

Теперь Антіохія, Іерусалимъ, священные ордена тщетно умоляли о помощи,—Западъ упорно молчалъ въ отвѣтъ на это. Большую вину въ неудачахъ приписывали также и грекамъ, которые во-время не помогли крестоносцамъ да еще кромѣ того вели интриги противъ своихъ духовныхъ

братьевъ, вступая въ тайныя сношенія съ магометанами.

Французское оружіе было посрамлено; св. Бернардъ, слыша порицанія себѣ, мучился неудачнымъ исходомъ крестоваго похода французовъ. Положеніе Франціи среди европейскихъ державъ было угнетенное. Страдая за это и желая поправить все дѣло, вдругъ совершенно неожиданно семидесятилѣтній аббатъ Сугерій задумалъ новый походъ въ Святую Землю,—онъ, который нѣсколько лѣтъ назадъ былъ болѣе всѣхъ противъ того. И когда на соборѣ въ Шартрѣ предложеніе его было встрѣчено отказомъ, онъ самъ энергично взялся организовать крестоносное войско на свои средства. Это происходило въ 1150 году, а черезъ годъ Сугерій умеръ, и дѣло новаго крестоваго похода разстроилось.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Іерусалимское королевство.

Бѣдствія Антіохіи.

Уѣхали Людовикъ и Конрадъ изъ Святой Земли, и со всѣхъ сторонъ стали мусульмане жестоко тѣснить крестоносцевъ. Сынъ Ценги, Нуреддинъ, энергично расширялъ свою власть. Ворвавшись въ Антіохійское государство, онъ занялъ нѣсколько за́мковъ, но, отбитый Раймундомъ, отправился на югъ, чтобы напасть на іерусалимцевъ, около Босры. Однако, тѣ соединились снова съ Анаромъ, отбили его, и тогда Нуреддинъ повернулъ назадъ, чтобы начать свои завоеванія въ сѣверной Сиріи. Онъ разбилъ Раймунда и прошелъ съ войскомъ истребительнымъ походомъ все Антіохійское государство; Антіохія спаслась только надежной обороной со стороны патріарха Аймериха и вдовствующей королевы Констанцы.

Но кромѣ Нуреддина Антіохіи угрожала еще новая сила магометанъ подъ начальствомъ султана Мазуда Иконійскаго.

Молодой король Бальдуинъ III съ сильнымъ войскомъ напалъ на Нуреддина и Мазуда и кое-какъ заключилъ съ ними миръ. Но черезъ годъ, когда магометане снова ворвались въ христіанскія владѣнія, Бальдуинъ уже не отважился выйти противъ нихъ, потому что не надѣялся на свои силы.

Византія предложила ему защитить остатки Эдесскаго княжества и прислала даже людей на помощь. Но въ нѣсколько мѣсяцевъ Нуреддинъ разбилъ грековъ и не оставилъ на сѣверо-востокѣ отъ Антіохіи ни одного клочка земли во владѣніи христіанъ. Эти года (1149—1150) были самыми бѣдственными для христіанъ. Но хуже всего было то, что Бальдуинъ III оказался неспособнымъ стать передовымъ и главнымъ борцомъ всего христіанскаго Востока.

II. Внутренніе безпорядки.

Бальдуинъ не могъ водворить покой и внутри самого королевства. Король враждовалъ съ своей матерью, Мелизендой, которая не хотѣла передавать свою власть сыну. Ссора эта кончилась тѣмъ, что сынъ

и мать по взаимному соглашенію раздѣлили всю іерусалимскую область на четыре части: двѣ взялъ король, двѣ — его мать. Но отъ этого разладъ только еще больше усилился, и Бальдуинъ былъ принужденъ оружіемъ заставить мать отказаться отъ своей власти.

Въ Антіохіи дѣла шли не лучше. Констанца вышла замужъ во второй разъ за рыцаря Райнальда, который началъ вражду съ патріархомъ Аймерихомъ и выгналъ его отъ себя. Рыцарь Райнальдъ былъ замѣчательно красивъ собой, отваженъ, но вспыльчивъ и невоздержанъ. За все время своей жини онъ совершилъ цѣлый рядъ дерзкихъ; несправедливыхъ нападокъ на магометанъ и каждый разъ только все сильнѣе и сильнѣе раздражалъ непріятелей противъ христіанъ вообще.

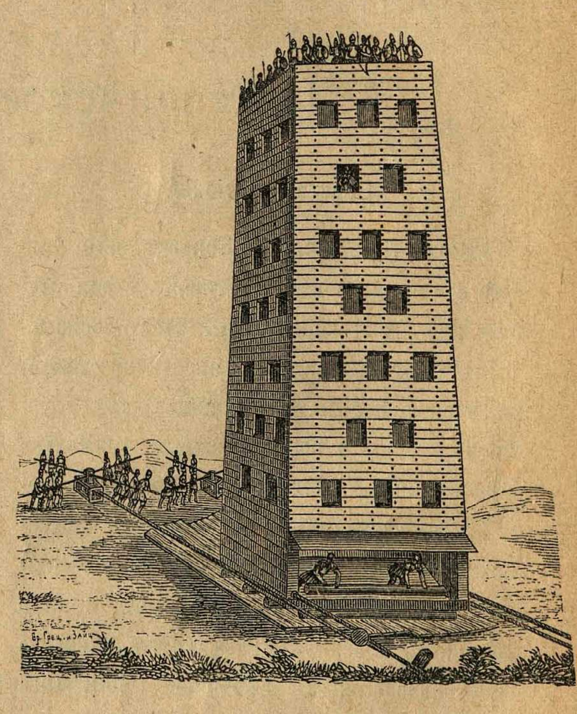
Въ народѣ, въ духовенствѣ нравственность падала; ордена Іоаннитовъ и Тампліеровъ ссорились изъ-за первенства, унижая себя передъ народомъ этими мелочными спорами.

Только иногда былая отвага, сила и мужество крестоносцевъ еще пробуждались въ нихъ, и они перѣдко совершали чудеса храбрости. Такъ, они разбили эмира Тимурташа, сына страшнаго Эль-Гази; правда, побѣда эта не принесла большой выгоды,—она только воодушевила короля на новые подвиги. Онъ задумалъ подчинить себѣ городъ Аскалонъ. Давно уже неоднократно пробовали христіане овладѣть этимъ городомъ и все тщетно. Аскалонъ служилъ нѣкоторой оградой египтянамъ отъ Сиріи, и, какъ казалось это тогда христіанамъ, взять его было крайне интересно.

III. Взятіе Аскалона.

Аскалонъ былъ сильный, богатый городъ; онъ лежалъ на берегу моря за толстыми, крѣпкими стѣнами съ высокими башнями. Его поддерживалъ оружіемъ, продовольствіемъ и средствами Египетъ.

Въ концѣ 1152 года крестоносцы подошли къ его стѣнамъ, а со стороны моря къ городу подступило до пятнадцати военныхъ кораблей.

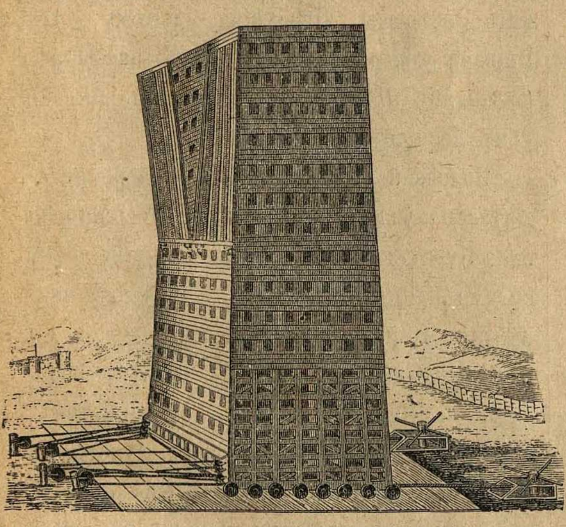

Осадная башня.

Пять мѣсяцевъ осаждали крестоносцы Аскалонъ, и послѣдній былъ истощенъ и едва держался; подошедшій на помощь имъ египетскій флотъ оживилъ немного осажденныхъ; но крестоносцы, видя это, сами удвоили силы. У нихъ была построена удивительная башня, которая представляла изъ себя цѣлый передвижной гарнизонъ. Эта башня наносила непріятелю

большой вредъ, и осажденные задумали сжечь ее... Но противный вѣтеръ нанесъ страшное пламя на ихъ же стѣны, которыя не выдержали такого огня, полопались и мѣстами обрушились.

Еще нѣсколько времени послѣ этого случая магометане оказывали сопротивленіе христіанамъ, но потомъ случилось нѣчто необыкновенное: какая-то страшная тоска, уныніе, потеря всякой надежды овладѣли внезапно осажденными аскалонцами, и они сами явились въ лагерь христіанъ съ предложеніемъ сдать городъ и уйти отсюда навсегда. Король, бароны, прелаты были

Подвижная башня съ подъемными мостами.

страшно поражены этимъ неожиданнымъ предложеніемъ и рѣшили только, что это просто какое-то чудо. Аскалонъ былъ взятъ, и вѣсть о томъ была отправлена къ западнымъ христіанамъ, въ Европу, для побужденія ихъ къ новымъ ополченіямъ.

Но завоеваніе Аскалона принесло мало пользы христіанамъ, зато стоило большихъ денегъ, много времени и силы.

До той поры Іерусалимское королевство защищалось отъ Нуреддина дамасскимъ эмиратомъ. Умнаго Анара уже не было, а новый эмиръ былъ настолько слабъ и ничтоженъ, что Нуреддинъ легко, почти безъ боя овладѣлъ Дамаскомъ, гдѣ и поселился самъ. Этого желалъ и весь народъ, потому что, помня нарушеніе слова христіанами и завоеваніе ими Аскалона, они уже не могли быть теперь спокойными за себя.

Христіане тотчасъ же отправили пословъ къ Нуреддину и заключили перемиріе съ нимъ. Но никакого спокойнаго состоянія это перемиріе не дало ни той, ни другой сторонѣ. И тѣ, и другіе крайне легко смотрѣли на условія перемирія и дѣлали нападенія, когда это было имъ выгодно, а затѣмъ снова заключали перемиріе между собою.

Вотъ въ такихъ-то мелкихъ стычкахъ съ сарацинами, въ разборѣ ссоръ и споровъ князей, въ устройствѣ внутреннихъ дѣлъ, незначительныхъ завоеваніяхъ прошла жизнь Бальдуина III, который умеръ 32-хъ лѣтъ, 10 февраля 1162 года.

IV. Король Амальрихъ.

Послѣ бездѣтнаго Бальдуина III королевство Іерусалимское перешло къ его брату, Амальриху. Это былъ храбрый, отважный человѣкъ, къ тому же обладавшій большой физической силой; но ни мудрости, ни дальновидности правителя у него не было, и нравственные взгляды его направлялись только въ ту сторону, гдѣ можно было получить богатѣйшую добычу и удовольствія. Пріобрѣсти несмѣтныя сокровища, жить безпечно въ полное свое удоволь-

ствіе,—вотъ главныя цѣли, къ которымъ стремился Амальрихъ всю жизнь, а этого мало для управленія народомъ и для служенія ему. Христіане этимъ образомъ жизни и стремленій сами себѣ рыли подъ ногами глубочайшую пропасть, изъ которой выхода, конечно, не могло быть легкаго.

Вообще владычество христіанъ въ Палестинѣ замѣтно опускалось все ниже и ниже, размѣнивалось на мелочи. И только неустройство и междоусобія магометанъ отсрочивали паденіе этого владычества на нѣкоторое время.

V. Упадокъ Египетскаго государства.

Въ то время государство Фатимидовъ, Египетъ, пришло къ упадку. Каирскіе калифы жили сытой, привольной жизнью, нисколько не интересуясь жизнью народа и внѣшней политикой. Вся власть находилась въ рукахъ военачальниковъ—визирей. Но они тоже не могли упрочить государство, дать ему спокойную жизнь, потому что больше занимались самообороной. Дѣло въ томъ, что на должность визирей было много охотниковъ, и каждый всѣми силами добивался этого мѣста; избранные визири въ скоромъ времени послѣ утвержденія бывали свергаемы своими соперниками, новыми визирями.

Въ то время былъ визиремъ нѣкто Шаверъ. Когда соперникъ его власти сталъ тѣснить его, — онъ обратился за помощью къ Нуреддину въ Дамаскъ.

Услыхали это крестоносцы и поняли, что ежели Нуреддинъ страшенъ въ Дамаскѣ, то изъ Египта онъ будетъ до тѣхъ поръ угрожать имъ, пока не одолѣетъ ихъ окончательно.

Сельджуки Нуреддина были опасны одинаково крестоносцамъ и египтянамъ. Такимъ образомъ, нужно было озаботиться соединиться вмѣстѣ противъ взаимнаго непріятеля.

VI. Неудача Амальриха.

Но Амальрихъ объ этомъ и не думалъ. Онъ понялъ одно только, что Шаверъ свергнутъ другимъ визиремъ, и если онъ поможетъ теперь Шаверу утвердиться снова, то получитъ въ награду большія деньги. Амальрихъ и двинулся на нильскіе берега, но въ это же время двинулъ и Нуреддинъ свое войско на Египетъ подъ начальствомъ вождя Ширку. Ширку утвердилъ Шавера снова визиремъ и остался въ Египтѣ охранять интересы Нуреддина, потому что Шаверъ теперь долженъ былъ оказывать подчиненіе Нуреддину. Амальрихъ ни съ чѣмъ вернулся въ Іерусалимъ.

Положеніе христіанъ было теперь положительно ужасное: съ двухъ сторонъ крѣпла сила Нуреддина. Они должны были бы всѣми силами противустать этому, но снова прозѣвали этотъ важный моментъ.

Счастье еще, что Шаверъ сразу не поладилъ съ Ширку и мечталъ только о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ силы Нуреддина. И тайно послалъ онъ къ Амальриху, прося его оказать ему помощь въ сверженіи ига Нуреддина.

Въ 1164 г. Амальрихъ съ Шаверомъ изгнали изъ Египта Ширку, но Нуреддинъ и не думалъ уступать христіанамъ такъ легко и просто.

Онъ двинулся на Антіохію, къ городу Гериму, разбилъ войско князя Боэмунда III (сына Раймунда и Констанцы), взялъ въ плѣнъ его самого и Раймунда Триполисскаго и захватилъ пограничныя крѣпости Антіохіи и Іерусалима—Геримъ и Баніасъ.

Спѣшно вернулся изъ Египта Амальрихъ, выручилъ изъ плѣна князей, но при этомъ потерялъ много крѣпостей и замковъ.

VII. Дѣла въ Египтѣ.

А Ширку видѣлъ, что настало время подчинить одной власти Нуреддина Египетъ и завоевать всю нильскую долину, потому что Фатимидскій калифатъ едва держался. Провѣдалъ о томъ Амальрихъ,—спѣшитъ и онъ въ Египетъ, гдѣ Шаверъ ждетъ, не дождется его союза и помощи. Союзныя силы египтянъ и христіанъ одержали побѣду надъ воинами Ширку; союзъ слабыхъ снова выдержалъ противъ сильнаго непріятеля, какъ то было во времена Фулька и Анара. Христіанамъ бы и надо было крѣпко держаться этого союза, тѣмъ болѣе, что они получали отъ Шавера ежегодно до 100.000 золотыхъ въ награду за эту помощь.

Но жадности Амальриха конца и краю не было. Успѣхъ возбудилъ въ немъ и его приближенныхъ только заносчивость и самоувѣренность. И онъ снова надумалъ идти войной на стѣсненнаго Шавера. Мало того, орденъ Іоаннитовъ тоже нуждался въ деньгахъ и думалъ о томъ, какъ бы поправить свои дѣла новой войной. Тщетно лучшіе люди того времени всѣми силами сдерживали короля и рыцарей отъ этого неблаговиднаго поступка, — они слышать ничего не хотѣли и окончательно рѣшили идти въ преступный разбойничій походъ противъ Шавера...

Да, да, преступный и разбойничій. Данное слово, обѣщаніе не смѣетъ нарушить ни одно честное, благородное сердце, кому бы оно ни принадлежало—христіанину или магометанину.

Этимъ необдуманнымъ поступкомъ христіане навлекли на себя ужасную бѣду.

Словно предчувствуя ее, они обратились къ грекамъ за помощью, но не дождались ихъ и въ концѣ 1168 года вторглись въ египетскія владѣнія. Шаверъ хотѣлъ откупиться, послалъ громадную сумму денегъ Амальриху; тотъ деньги взялъ, а наступленіе свое продолжалъ по-прежнему.

Тогда въ отчаяніи Шаверъ снова бросился за помощью къ Нуреддину, и тотъ выслалъ Ширку въ Египетъ. Амальрихъ съ позоромъ бѣжалъ прочь, а Ширку утвердился въ Каирѣ, казнилъ Шавера и самъ былъ объявленъ великимъ визиремъ, но, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, умеръ, а визирство перешло къ его племяннику, даровитому юношѣ Сала-Эддину или, какъ его принято называть, Саладину.

VIII. Саладинъ.

Саладинъ происходилъ изъ воинственнаго, даровитаго рода, но въ первые годы своей юности и возмужалости онъ не выказывалъ своей даровитой натуры. Его отецъ Эйюбъ, его дядя Ширку считались искусными политиками и опытными, отважными вождями-рубаками, а Саладинъ интересовался или дурной жизнью, или уединеніемъ, въ которомъ онъ занимался чтеніемъ и науками. Война не влекла его къ себѣ, и ему никакой охоты не было подвергать опасностямъ свою жизнь; онъ и то противъ желанія сопровождалъ Ширку въ Египетъ; на душѣ, по его словамъ, у него было тяжело, словно его вели на жестокую казнь. Постепенно поборолъ онъ въ себѣ излишнюю изнѣженность и сантиментальность, и тогда богато одаренная натура его развернулась во всю свою ширь и мощь. У него широко развиты были неопреодолимая энергія, сила воли въ соединеніи съ военными талантами.

Сала-Эддинъ.

Но вдобавокъ къ этому надъ Саладиномъ господствовала особая геніальность въ умѣніи опережать событія, въ умѣніи овладѣвать умомъ и душой окружающихъ людей и самоувѣренно направлять ихъ въ любую сторону по одному своему желанію. Подданные считали его крайне добрымъ, щедрымъ и, главное, справедливымъ, а слѣдовательно, и снисходительнымъ государемъ. Онъ не былъ мелочнымъ, а если наказывалъ жестоко, то по справедливости и за дѣйствительно крупную вину. Не желалъ

онъ угрожающаго, тщеславнаго блеска величія, потому что каждую минуту сознавалъ свою силу и власть и умѣлъ владѣть собою, какъ всѣми окружающими. Мысли его были направлены на уничтоженіе господства христіанъ въ Сиріи, на захватъ Египта и главныхъ пунктовъ Малой Азіи; а въ мечтахъ его грандіознымъ апоѳеозомъ сверкало полное подчиненіе его власти всѣхъ государствъ далекаго, гордаго Запада.

Прежде всего Саладинъ задался мыслью подчинить Египетъ исключительно Нуреддину. Египтяне единодушно возстали, было, но Саладинъ быстро усмирилъ мятежъ, причемъ проявилъ небывалую строгость. Въ 1171 г. умеръ калифъ, потомство его было истреблено, и надъ Египтомъ, уничтоживъ Фатимидскій калифатъ, сталъ господствовать неограниченно и безконтрольно Саладинъ, только для виду прикрываясь верховной властью Нуреддина.

IX. Смятеніе среди іерусалимцевъ.

Поздно сознали іерусалимцы, какой промахъ сдѣлалъ король Амальрихъ, самъ вырвавъ помощь изъ рукъ Шавера и давъ жестокую плеть въ руки непримиримыхъ непріятелей.

Нечего дѣлать, приходилось прямо-таки вымаливать защиты у западныхъ государствъ. Но трудно было добиться въ то время чего-либо опредѣленнаго. Въ европейскихъ государствахъ короли и владѣтельные князья не ладили и открыто ссорились между собою и съ папской властью; Фридрихъ I германскій ссорился съ папой, англійскій король — съ французскимъ. У всѣхъ были нужды и дѣла тутъ вотъ, подъ-рукой, и они не находили возможнымъ думать о чемъ-либо внѣ ихъ государствъ.

Амальрихъ получилъ, было, поддержку отъ Византіи, такъ какъ греческій флотъ въ 200 судовъ прибылъ къ нему для начала войны съ Египтомъ. Но первыя неудачи отбили всякую охоту у христіанъ выступать противъ Саладина; съ другой стороны, они не рѣшались отказаться отъ помощи грековъ. И тогда они повели это дѣло кое-какъ, спустя рукава, лишь бы отдѣлаться отъ грековъ, а въ это время Саладинъ надежно приготовлялся къ оборонѣ. Крестоносцы попытались, было, осадить Даміетту, но ничего не сдѣлали и ни съ чѣмъ вернулись къ себѣ домой. Греческій флотъ частью былъ пораженъ, частью разбитъ бурями во время отступленія.

X. Мечтанія Саладина.

Недолго устояли бы крестоносцы передъ непріятелемъ, который угрожалъ имъ съ двухъ сторонъ, но христіанамъ помогло то, что Саладинъ самъ не хотѣлъ пока полнаго уничтоженія христіанъ, которые были нужны ему вотъ для какой цѣли. Саладину было непріятно свое подчиненіе Нуреддину; ему нежелательно было вмѣшательство послѣдняго въ дѣла Египта. Поэтому ему выгоднѣе было, чтобы покамѣстъ между нимъ и Нуреддиномъ существовали въ видѣ плотины христіане. Занятый ими, Нуреддинъ не могъ такъ легко и сразу пойти на Египетъ.

Вотъ почему Саладинъ только для виду захватилъ нѣсколько христіанскихъ крѣпостей, но самихъ ихъ пока не трогалъ. У Нуреддина тоже были трудныя дѣла на другихъ границахъ. Все это дало возможность крестоносцамъ удержать за собою былыя завоеванія еще на нѣсколько лѣтъ.

Тщетно ѣздилъ между тѣмъ король Амаль-

рихъ въ Византію: тамъ ему оказывали высокое почтеніе, радушный пріемъ, но упорно молчали въ отвѣтъ на его просьбу о помощи. Пріѣзжалъ со своими рыцарями и латниками изъ Европы могучій король Генрихъ Левъ. Но въ виду небольшого числа его воиновъ сами крестоносцы и тампліеры убѣдили его не раздражать сильнаго врага. И Генрихъ Левъ въ томъ же году уѣхалъ обратно.

11-го іюля 1173 года Амальрихъ умеръ, оставивъ въ тревожномъ, неупроченномъ состояніи свое королевство. Весь магометанскій міръ между тѣмъ былъ охваченъ лихорадочнымъ возбужденіемъ, потому что Нуреддинъ дѣятельно поднималъ возстаніе въ Сиріи и Месопотаміи, собираясь во что бы то ни стало ограничить своего опаснаго вассала, Саладина, который сталъ уже совсѣмъ независимымъ правителемъ Египта. Но онъ не успѣлъ докончить своего дѣла,— смерть постигла его 15-го мая 1174 года. Онъ былъ страшной грозой христіанъ, это вѣрно, но со смертью его послѣднимъ стало вдвое хуже, такъ какъ Нуреддинъ только уступилъ свое мѣсто болѣе сильному своему противнику.

XI. Король Бальдуинъ IV.

Послѣ Амальриха остались сынъ Бальдуинъ IV и двѣ дочери—Сибилла и Изабелла. Но Бальдуину IV было всего только 13 лѣтъ, и самъ онъ безъ надежнаго руководителя управлять королевствомъ не могъ; къ тому же онъ хворалъ жестокой болѣзнью, которая приковывала его къ дому, не давая ему возможности жить среди войскового лагеря, какъ поступали его предшественники. А это много значило въ смыслѣ вліянія на настроеніе войска. Управленіе королевствомъ принялъ на себя его опекунъ, графъ Раймундъ Триполисскій.

Время было смутное, тяжелое, и бороться христіанамъ приходилось болѣе чѣмъ когда-либо за свою жизнь, потому что передъ ними стоялъ слишкомъ опасный противникъ — Саладинъ. Но у христіанъ, какъ на грѣхъ, дѣла теперь были хуже, чѣмъ когда бы то ни было.

XII. Возвышеніе Египта.

Саладинъ велъ дѣло умно и разсчетливо. Не мало приходилось ему бороться, когда противъ него въ Египтѣ возгорѣлось возстаніе. Не меньше того пришлось ему отстаивать свою власть и независимость и послѣ смерти Нуреддина.

Въ то время государство Нуреддина въ Сиріи и Месопотаміи распалось на части, и тамъ тоже начиналась междоусобная вражда. Сынъ его, Сойфеддинъ, владѣлъ Дамаскомъ и Галебомъ, племянникъ его овладѣлъ Моссуломъ; другой племянникъ, Ценги, стремился тоже овладѣть Моссуломъ. Военачальники въ Дамаскѣ и Галебѣ открыто враждовали другъ съ другомъ, и одна партія даже призывала къ себѣ на помощь Саладина.

Въ 1174 году Саладинъ легко подчинилъ своей власти всѣ эти отдѣльныя части, а когда сынъ Нуреддина вышелъ противъ него, онъ разбилъ и его силы; миръ, заключенный при этомъ, передалъ Саладину власть надъ всей магометанской Сиріей. Теперь Саладинъ считалъ себя независимымъ правителемъ отъ Сойфеддина и принялъ титулъ султана. Покорилъ онъ безусловно и многія мелкія племена, связавъ ихъ формальнымъ мирнымъ договоромъ.

XIII. Тревога крестоносцевъ.

Съ большой тревогой слѣдили христіане за возвышеніемъ могущества Египта.

Правитель-опекунъ, Раймундъ, хотѣлъ воспользоваться войной Саладина съ Галебомъ и Моссуломъ, которыми владѣли наслѣдники Нуреддина, но Саладинъ во-время остановилъ движеніе крестоносцевъ и договоромъ обязалъ ихъ разъ навсегда въ дѣла Галеба и Моссула не вмѣшиваться да еще взялъ съ нихъ большую дань золотомъ.

Вообще крестоносное войско находилось въ какомъ-то тревожномъ, неопредѣленномъ положеніи. Если они дѣлали иногда удачныя разбойничьи вторженія въ область Дамаска, то вскорѣ платились за это очень дорого.

Пріѣхалъ какъ-то союзникъ крестоносцевъ, знатный маркграфъ Вильгельмъ Монфератскій; крестоносцы надѣялись на его помощь и, чтобы упрочить его положеніе, предложили ему обвѣнчаться съ старшей сестрой Бальдуина IV, Сибиллой. Но маркграфъ вскорѣ умеръ, оставивъ послѣ себя вдову и ребенка, Бальдуина.

Вызвали крестоносцы графа Филиппа Фландрскаго, который явился съ значительнымъ рыцарствомъ; ему предложили стать правителемъ государства и идти на Египетъ, тѣмъ болѣе, что въ это время прибылъ греческій флотъ, который былъ обѣщанъ еще Амальриху. Но изъ этого ничего не вышло. Филиппъ, не поладивъ со многими рыцарями, изъ упрямства отправилъ обратно въ Византію флотъ, а самъ ограничился небольшими разбойничьими нападеніями на окрестныя области. Въ концѣ-концовъ онъ вернулся въ Европу, поссорившись со всѣми князьями.

А между тѣмъ нападеніе въ это время на Египетъ могло принести огромную пользу крестоносцамъ, такъ какъ все могущество Саладина основывалось собственно на прочности владѣнія землями Нила.

XIV. Проблескъ.

Внимательно слѣдилъ Саладинъ за крестоносцами, за состояніемъ ихъ войсковой силы, за прибывающею помощью и, наконецъ, смѣло вторгся въ Святую Землю съ юга. Это происходило зимой 1177 года. Магометане подошли къ Аскалону, да, по самоувѣренности, не сплошнымъ строемъ, а разрозненными отрядами.

Отчаяніе рыцарей креста въ послѣднюю минуту сдѣлало свое дѣло; непреодолимой силой устремились они на Саладиновы полчища и обратили ихъ въ бѣгство, а преслѣдуя ихъ, устроили страшную рѣзню, такъ что даже самъ Саладинъ едва спасся отъ гибели.

Послѣ этой побѣды южныя границы можно было считать защищенными, но зато сѣверъ былъ открытъ совершенно. Поэтому крестоносцы возвели на сѣверѣ, въ верхнемъ теченіи Іордана, у «гроба Іакова», крѣпость и сосредоточили тамъ главныя свои силы.

Однако, несмотря на это, Саладинъ перехитрилъ ихъ; онъ выслалъ впередъ небольшое войско, и христіане, упоенные недавней побѣдой, небрежно повели дѣло обороны, думая, что это все войско страшнаго врага и есть. Но въ самый неожиданный моментъ, когда меньше всего думали объ этомъ, самъ Саладинъ съ огромнымъ войскомъ напалъ на христіанъ, разбилъ и разогналъ и овладѣлъ вновь выстроенной крѣпостью.

Битва при Аскалонѣ.

Къ счастью для крестоносцевъ, что Саладину нельзя было обращать всего своего вниманія на христіанъ. Въ его планы завоеваній входили христіанская и магометанская Сирія, Месопотамія, Малая Азія и Армянская Киликія. Чтобы устроить сначала эти дѣла, Саладинъ рѣшилъ дать перемиріе христіанамъ, не увлекаясь первыми успѣхами.

Бальдуинъ IV, боясь быть отстраненнымъ отъ престола, выдалъ сестру Сибиллу за графа Гвидо Лузиньянскаго. Хоть и храбрый рыцарь былъ Гвидо, но въ наслѣдники королевскаго престола не годился, не имѣя

на то ни дарованій, ни богатства, ни вѣскаго значенія среди рыцарей.

Этимъ поступкомъ Бальдуинъ IV только возстановилъ многихъ рыцарей, болѣе достойныхъ, противъ себя, Гвидо и сестры. Вообще все государственное дѣло шло по наклонной плоскости, и іерусалимцы давно уже подчинились бы преобладающей силѣ, но, какъ сказано выше, вниманіе Саладина было обращено на Сѣверную Сирію и Месопотамію; а также и то спасло христіанъ отъ гибели, что въ Галебѣ умеръ сынъ Нуреддина, и, какъ всегда въ такихъ обстоятельствахъ, начались мелкія междоусобицы.

Осенью 1182 года Саладинъ двинулся къ Галебу, и по пути всѣ крѣпости сдавались ему; сдался побѣдителю въ концѣ-концовъ и долго жданный Галебъ.

Теперь Саладинъ сталъ властителемъ почти всей Сиріи, Месопотаміи и Египта.

XV. Новые подвиги Саладина.

Въ слѣдующемъ году (1183), осенью, Саладинъ съ большимъ войскомъ вторгся въ христіанскую область, но отступилъ вскорѣ передъ крестоносцами, подкрѣпленными новыми силами,—пилигримами-европейцами.

И все-таки даже въ такое опасное время христіане не находили въ себѣ мужества и самопожертвованія, чтобы побороть свои себялюбивые, мелочные споры и ссоры и сплотиться, наконецъ, воедино.

Какое тамъ!.. Вражда между многими мелкими партіями развивалась день ото дня все сильнѣе и сильнѣе. Особенно всѣ возставали противъ графа Гвидо Лузиньянскаго, даже сама его супруга, Сибилла.

Король Бальдуинъ IV медленно умиралъ, и тогда Сибилла неотступно стала убѣждать его отстранить отъ престола графа Гвидо и короновать іерусалимскимъ королемъ ея сына, Бальдуина.

Король согласился, и Бальдуинъ V былъ коронованъ въ томъ же году. А такъ какъ ему было только 6 лѣтъ, то опекуномъ-правителемъ его былъ снова назначенъ Раймундъ Триполисскій.

Раймундъ послѣ смерти короля Бальдуина IV прежде всего поспѣшилъ заключить миръ съ Саладиномъ. И Саладинъ охотно согласился на это. У него къ тому было много причинъ. Сильный Моссулъ еще не сдавался ему; единовременно вести борьбу рѣшительную съ нимъ и христіанами было бы безразсудно; къ тому же теперь крестоносцы были не опасны Саладину, и онъ какъ бы далъ имъ временную отсрочку, за которую христіане были обязаны заплатить ему 60.000 червонцевъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Паденіе Іерусалимскаго королевства.

I. Христіанскія владѣнія на Востокѣ.

На сѣверѣ этихъ владѣній Антіохія вела совершенно обособленную жизнь. Бурный потокъ великихъ событій послѣднихъ лѣтъ почти не коснулся ея. И если она печально влачила свое состояніе, то это происходило не отъ тяжелыхъ внѣшнихъ обсто-

ятельствъ, но отъ своихъ собственныхъ внутреннихъ безпорядковъ, отъ лѣни и распущенности, чему способствовало и ничтожество ея правителей. Затѣмъ, Арменія тоже была обособлена отъ крестоносныхъ силъ; она въ то время враждовала съ Антіохіей, но все это были простыя, мелочныя ссоры и недоразумѣнія, которыя какъ быстро возникали, такъ и улаживались. Собственно Арменія въ то время понемногу собирала свои силы и незамѣтно выростала на-ряду съ терявшей прежнее высокое значеніе и падавшей все ниже и ниже Антіохіей.

Болѣе всего за послѣднее время приняли на себя горя и разрушенія Триполисъ и Іерусалимъ. На нихъ преимущественно обрушивались силы магометанъ, и отъ нихъ болѣе всего требовалось военной силы и продовольствія, потому что частые набѣги непріятелей значительно опустошали ихъ поля.

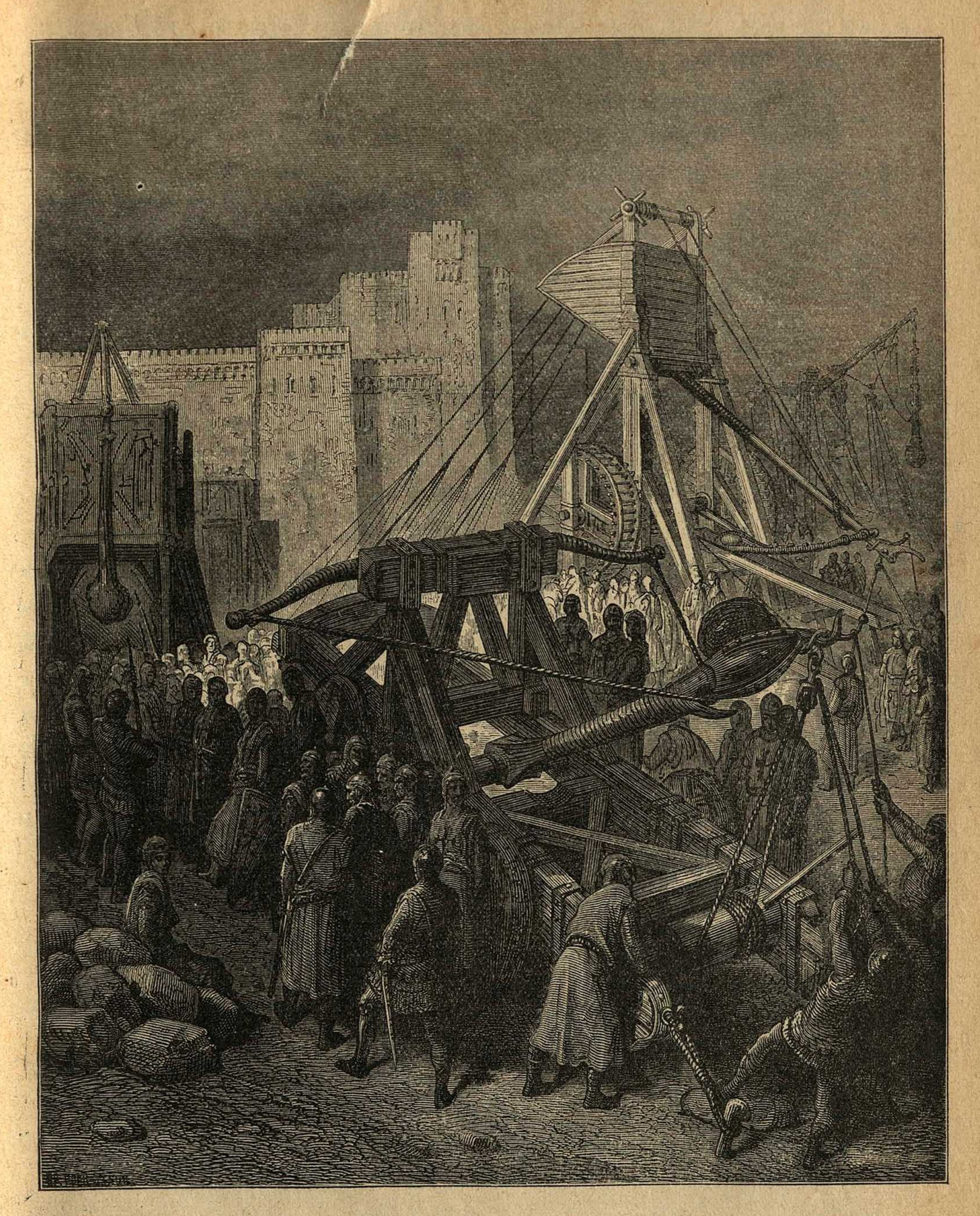
II. Хозяйственное положеніе крестоносныхъ колоній.

Крестоносныя государства за все время тяжелыхъ испытаній, однако, крайней нужды или лишеній не терпѣли, благодаря чудному климату, плодородной землѣ и большому числу земледѣльцевъ. Населеніе освѣжалось время-отъ-времени наѣздами рыцарей, купцовъ, пилигримовъ, воиновъ изъ западныхъ государствъ; благочестивые люди Запада не переставали жертвовать нѣкоторыя суммы денегъ крестоносцамъ.

Не падали и промышленность, и торговля, хотя послѣдняя обогащала болѣе отдѣльныхъ лицъ, купцовъ, но не самое государство, которое пользовалось только пошлинами, да и то въ мирное время. Государство не имѣло въ себѣ прочности; этому мѣшали частыя войны, постоянная дума о самооборонѣ; этому помогали также и недальновидность, и неумѣлость правителей въ дѣлѣ веденія государственной жизни. Много способствовало неустойчивости и то, что за все время не образовалось цѣльнаго народа, своей національности; пришлецы изъ разныхъ европейскихъ государствъ такъ и оставались гостями: французы оставались французами и держались своего образа жизни и привычекъ, нѣмцы — нѣмцами, итальянцы — самими собою, и т. д.

Цѣльность, единство сохранялись только въ войскахъ; тамъ еще былъ общій интересъ, тамъ добивались болѣе или менѣе общаго интереса, и войско представляло изъ себя всю надежду и крѣпость государственнаго устройства. Если бы всѣ классы общества заботились объ одной цѣли, помогая другъ другу, и все время неуклонно вели рѣшительную, строгую военную политику, силу крестоносныхъ государствъ невозможно было бы свергнуть мусульманамъ, тѣмъ болѣе, что вся Святая Земля за послѣднее время была покрыта цѣлой сѣтью христіанскихъ городковъ, замковъ и крѣпостей, и былые успѣхи крестоносныхъ ополченій такъ недавно еще внушали къ нимъ большое уваженіе.

Но однихъ успѣховъ было мало. Успѣхами своими сами крестоносцы положительно не умѣли пользоваться,—торжествовали только побѣду, довольствовались добычей и внѣшнимъ успѣхомъ, а затѣмъ съ безпечностью отдавались радостямъ жизни. Вліяло на это именно какое-то сознаніе, что они здѣсь только гости, что они здѣсь временно, что это не ихъ земля. То-есть, опять-таки въ нихъ не было

Осадныя и стѣнобитныя орудія крестоносцевъ.

чувства національности и привязанности къ мѣсту своего поселенія.

Помогали общему разрушенію государственнаго строя и частыя ссоры и распри среди князей; помогали и алчные, заботившіеся только о самихъ себѣ князья, забывавшіе народъ,—ту силу, которая своей мощной грудью завоевывала имъ ихъ благосостояніе и которой они отказывали въ устройствѣ внутренняго распорядка.

Христіанскія государства, обособленныя другъ отъ друга, были невелики объемомъ, границы ихъ были нанесены на-спѣхъ и почти не укрѣплены. Обороняться отъ враговъ при такихъ условіяхъ болѣе чѣмъ трудно. Политика же послѣднихъ лѣтъ — трусливая, неувѣренная и малодушная — дурно дѣйствовала на самаго послѣдняго крестоноснаго воина. Въ рядахъ этихъ неизвѣстныхъ, забытыхъ мучениковъ своеволія рыцарей прочно вселялось чувство неувѣренности. Все чаще и чаще встрѣчались такіе прискорбные случаи: начальники крѣпостей покидали свои посты изъ страха передъ непріятелемъ и переходили на его сторону, нисколько не заботясь объ оставленномъ, смущенномъ гарнизонѣ.

Это колебаніе производило и другія погрѣшности даже во время проявленія храбрости: рыцарскіе небольшіе отряды въ отчаяніи, пренебрегая жизнью, бросались на многочисленнаго непріятеля, думая теперь наскоро исправить долголѣтнюю ошибку, и гибли, конечно, потому, что непріятель встрѣчалъ ихъ стойко и спокойно.

Разбойничьи набѣги на непріятельскія владѣнія и на караваны купцовъ временно давали богатую добычу, но зато, нѣсколько спустя, приходилось дорого расплачиваться за это.

III. Перевороты въ государствѣ.

Къ довершенію всего внутренній раздоръ въ Іерусалимскомъ государствѣ раздѣлилъ и ослабилъ его еще больше.

Въ 1186 году умеръ маленькій король Бальдуинъ V, и при помощи своихъ приверженцевъ графъ Гвидо и Сибилла короновались въ Іерусалимѣ.

Многіе рыцари были возмущены этимъ, а графъ Раймундъ вышелъ изъ себя, потому что, какъ предполагаютъ, за послѣднее время онъ самъ разсчитывалъ возложить на себя іерусалимскую корону.

Въ досадѣ на то, что заманчивые, блестящіе планы его совершенно неожиданно рухнули, онъ перешелъ на сторону Саладина и впустилъ его отряды въ Тиверіаду, гдѣ была его резиденція. Тщетно другіе рыцари старались помирить короля съ его вассаломъ, — всѣ старанія ихъ въ этомъ направленіи были безуспѣшны.

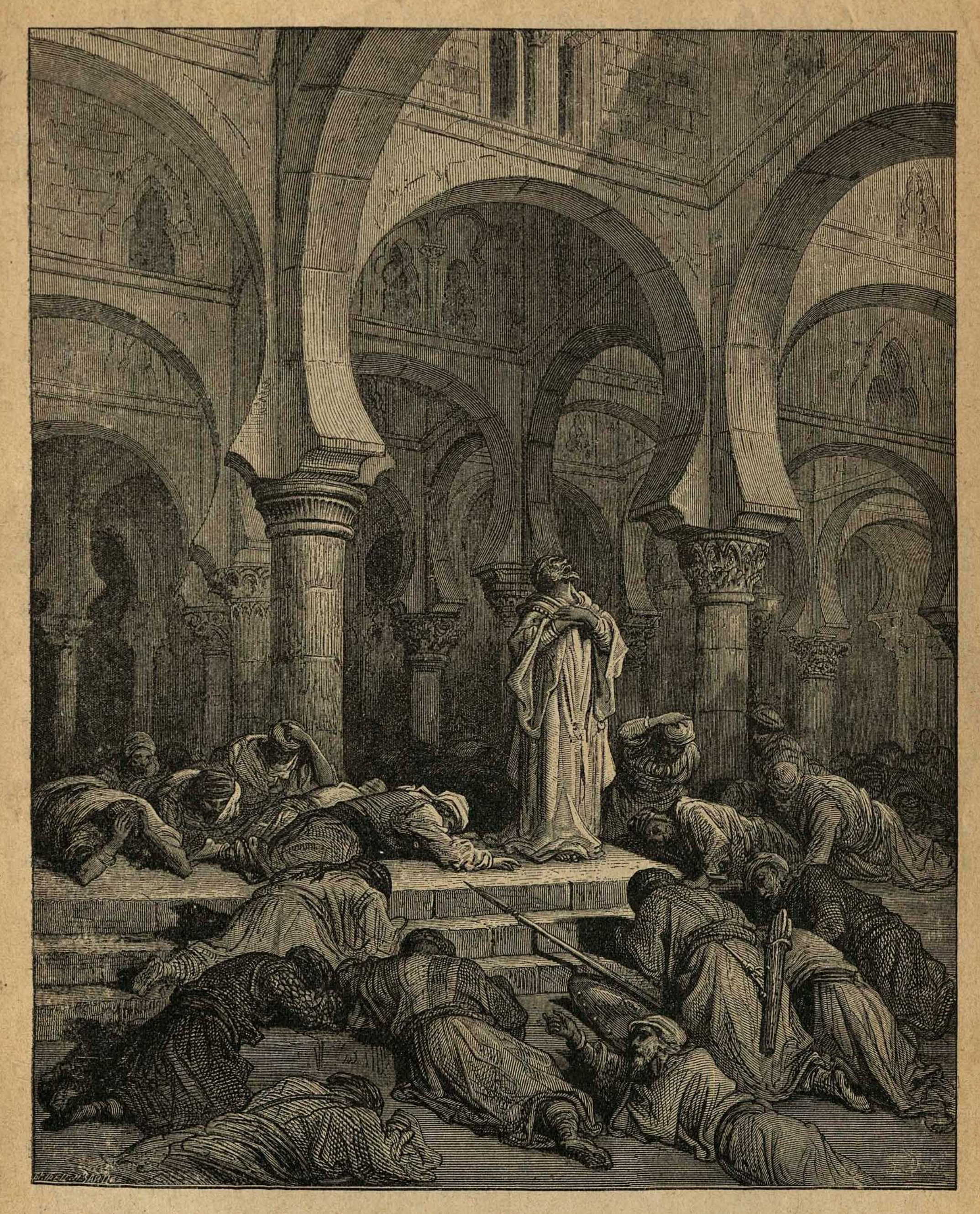
IV. Рѣшеніе Саладина.

Саладинъ между тѣмъ направлялся въ Месопотамію. Дѣла его, казалось, были въ опасномъ положеніи: ему грозилъ союзъ всѣхъ государей Востока, если онъ не остановится, наконецъ, въ расширеніи своихъ владѣній. Объ этомъ ему открыто заявляли многіе эмиры. Но Саладинъ не испугался этихъ угрозъ и твердо шелъ къ намѣченной цѣли.

Рѣдкое военное счастье сопутствовало ему до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ, и, наконецъ, онъ хотя съ великимъ трудомъ, но одолѣлъ и покорилъ упорный, крѣпкій Моссулъ и такимъ образомъ овладѣлъ всѣми областями, которыми нѣкогда владѣли Ценги и Нуреддинъ.

Самое трудное,—борьба со своими,—было закончено. Теперь оставалось покончить съ крестоносцами разъ навсегда, потому что покорные магометане съ надеждой смотрѣли на него поневолѣ какъ на человѣка, обязаннаго совершить этотъ подвигъ и избавить мусульманскій міръ отъ западныхъ пришельцевъ во славу Аллаха.

Король Гвидо пользовался перемиріемъ, которое заключилъ съ Саладиномъ еще Раймундъ, и рѣшительное наступленіе послѣд-

Призывъ Магомета.

няго должно было быть въ виду этого отсрочено на нѣкоторое время.

Но одинъ изъ необузданныхъ рыцарей-вассаловъ короля, неистовый Райнальдъ, напалъ на караванъ султана, съ которымъ слѣдовала сестра Саладина, разбилъ всю стражу и разграбилъ весь караванъ.

Саладинъ въ бѣшенствѣ поклялся жестоко отплатить за это нарушеніе перемирія, и тогда раздался по всей Месопотаміи, Егип-

ту и Сиріи призывъ Саладина къ «священной войнѣ»...

И стали отовсюду стекаться войска и отдѣльные отряды мусульманъ, воодушевленные военными успѣхами Саладина и ожиданіемъ конечной гибели восточныхъ христіанъ.

Для послѣднихъ приближалась страшная, рѣшительная минута...

V. Примиреніе.

Дошла вѣсть до Іерусалима о дѣятельномъ вооруженіи магометанъ къ священной войнѣ, и всѣ стали уговаривать короля Гвидо помириться съ Раймундомъ, чтобы личной ссорой не дробить и безъ того разрозненныя христіанскія силы.

Король Гвидо согласился заключить миръ съ графомъ Раймундомъ и для предварительныхъ переговоровъ послалъ къ нему блестящее посольство, во главѣ котораго находились магистры обоихъ орденовъ — тампліеровъ и іоаннитовъ.

Но мусульмане не хотѣли выпускать изъ рукъ графа Раймунда. Семитысячный отрядъ подъ командой сына Саладина, Альмелика Алафдаля, попросилъ у Раймунда разрѣшить ему войти въ христіанскія области. Ему надо было сдѣлать развѣдки и прослѣдить за отношеніями между графомъ и королемъ Гвидо.

Раймундъ видѣлъ, что это грозитъ гибелью его единовѣрцамъ, но въ то же время опасался сразу порвать отношенія съ Саладиномъ. Поэтому онъ разрѣшилъ Алафдалю родъ рекогносцировки въ христіанскія области.

Когда мусульмане проходили между Акkономъ и Тиверіадой, посольство короля Гвидо узнало о томъ и стало призывать къ рѣшительному бою христіанъ.

1-го мая незначительный христіанскій отрядъ въ 150 конныхъ рыцарей и 500 пѣшихъ латниковъ отважился вступить въ бой съ семитысячнымъ отрядомъ сарацинъ.

Схватка была ужасная и кончилась истребленіемъ всего отряда крестоносцевъ.

Погибъ мученической смертью и маршалъ ордена тампліеровъ Яковъ де-Мейлльи. Въ полномъ отчаяніи, видя гибель всего войска, онъ натянулъ поводья и остановилъ на открытомъ мѣстѣ своего бѣлаго коня. Онъ рѣшился умереть на мѣстѣ и своимъ поступкомъ привлекъ на себя общее вниманіе, такъ какъ сарацины приняли его за святого Георгія и осыпали его тучей стрѣлъ. Этимъ де-Мейлльи далъ возможность магистру ордена съ тремя рыцарями спастись въ общей суматохѣ, но самъ зато погибъ мученической смертью, весь исколотый непріятельскими стрѣлами.

Это страшное избіеніе потрясло графа Раймунда, который созналъ свою вину въ гибели братьевъ-крестоносцевъ. Онъ поспѣшилъ порвать все съ Саладиномъ и перешелъ на сторону короля Іерусалимскаго, мучимый угрызеніями совѣсти.

По совѣту Раймунда все государство стало возбужденно вооружаться и тѣснѣе сплачиваться воедино. Боэмундъ Антіохійскій прислалъ своего сына, Раймунда, съ рыцарскимъ отрядомъ на помощь, и постепенно подъ знаменемъ Іерусалима собралось до 25.000 человѣкъ.

Одно горе было, — общее настроеніе оставляло желать много лучшаго. Одни рвались въ жестокій бой, видя, что все равно гибели не избѣжать; другіе всѣми си-

Смерть Якова де-Мейлльи.

лами совѣтовали уклониться отъ рѣшительной битвы, мучимые мрачнымъ предчувствіемъ.

Дѣйствовало дурно на воиновъ также малодушіе и ничтожество главы высшаго духовенства, патріарха Гераклія, недостойная жизнь котораго не была тайной ни для кого. Благословить войско на битву онъ самъ не почелъ нужнымъ явиться, а послалъ двухъ епископовъ вмѣсто себя.

Патріархъ Іерусалимскій.

Глухо волновался народъ, мало хорошаго ждалъ онъ себѣ впереди отъ исхода этого столкновенія...

VI. Нападеніе на Тиверіаду.

Между тѣмъ Саладинъ въ началѣ іюля выступилъ на Тиверіаду. И у него на военномъ совѣтѣ предлагали отсрочить рѣшительную развязку, но Саладинъ положилъ твердо поставить на своемъ—уничтожить христіанъ. Этимъ онъ думалъ исполнить возлагаемыя на него надежды и загладить передъ лицомъ народа свое насиліе надъ родомъ Нуреддина.

Саладинъ легко взялъ Тиверіаду и съ нетерпѣніемъ ожидалъ христіанъ, которые должны были выступить на защиту своихъ земель. Быть-можетъ, отчаяніе, строгое единеніе, желаніе въ память погибшихъ братьевъ удержать ихъ завоеванія въ цѣлости, религіозное чувство дали бы возможность христіанамъ сломить силу Саладина.

Но не было среди нихъ воодушевляющаго начала, а наоборотъ, на военномъ совѣтѣ, когда поставленъ былъ вопросъ—идти или не идти на освобожденіе Тиверіады—одни, съ королемъ Гвидо во главѣ, говорили за наступленіе, другіе, вмѣстѣ съ Раймундомъ,—противъ.

А утромъ 4-го іюля король вдругъ неожиданно отдалъ приказъ къ выступленію.

Нерѣшительность, малодушіе, отсутствіе подъема духа все росли и росли въ войскѣ; теперь уже многіе и сами видѣли, что далеко не подъ силу имъ такой противникъ, какъ Саладинъ.

VII. Рѣшительный бой.

Противники сошлись около полудня вблизи селенія Лубіа, лежащаго на западъ отъ Тиверіады въ нѣсколькихъ часахъ ходьбы.

Какъ «движущіяся горы или волны бушующаго моря», бросились стройные ряды крестоносцевъ на многотысячную орду Саладина. Стальныя груди ихъ, какъ всегда, въ первыя мгновенія невольно смутили передовыя части сарацинъ. Въ прежнія времена рыцари умѣли воодушевлять крестоносцевъ, умѣли вселять увѣренность въ силу и могущество своего оружія, такъ что энергія не упадала въ нихъ, и они все время держали въ своихъ рукахъ наступленіе.

Но теперь было не то. Правда, мусульмане отступили нѣсколько передъ крестоноснымъ валомъ; но когда, оправясь, они возобновили битву,—уступить пришлось уже христіанамъ.

Тщетно нѣсколько часовъ подъ-рядъ бились христіане съ мусульманами и прекратили битву, не побѣдивъ, не покорясь.

Но уже въ этомъ заключалось главное

рѣшеніе боя. Если до начала сраженія было еще колебаніе, неувѣренность въ своихъ силахъ, то теперь въ сердцѣ каждаго былъ полный упадокъ духа и надежды. Никогда бы раньше ихъ отчаянныя нападенія не могли удержать мусульманъ на мѣстѣ. Теперь выходило иное. Не привыкли крестоносцы къ такому упорному, продолжительному бою, къ необходимой выдержкѣ въ испытаніи.

А тутъ еще, по несчастному совѣту Раймунда, войско отошло на холмъ, недалеко отъ мѣста схватки, и остановилось на ночной роздыхъ.

Саладинъ не преслѣдовалъ отступленія, но это отступленіе послѣ неудачи гибельно повліяло на крестоносцевъ, и въ ту тревожную ночь многіе рыцари и латники перебѣжали на сторону непріятеля.

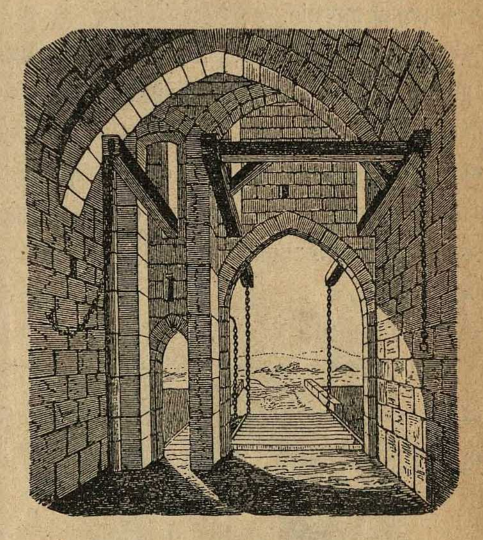
На-утро Саладинъ тщательно выстроилъ свои войска. Онъ все еще боялся крестоносцевъ,—боялся именно ихъ отчаянія. Но это отчаяніе, энергія крестоносцевъ вновь разбились о стойкость и выдержанность Саладиноваго скопища. И когда гордые, непобѣдимые рыцари отступили и на этотъ разъ,—все войско погибло окончательно.

Саладинъ окружилъ крестоносцевъ со всѣхъ сторонъ и въ нѣсколько часовъ часть войска была разбита, а другая захвачена въ плѣнъ.

Короля Гвидо и другихъ знатныхъ плѣнниковъ Саладинъ призвалъ къ себѣ и даже утѣшалъ ихъ въ неудачахъ. Но многіе были при этомъ безжалостно казнены по приказанію султана, какъ, напримѣръ, Райнальдъ за то, что во время перемирія онъ осмѣлился поднять оружіе на мусульманскій караванъ да еще оскорбить сестру султана.

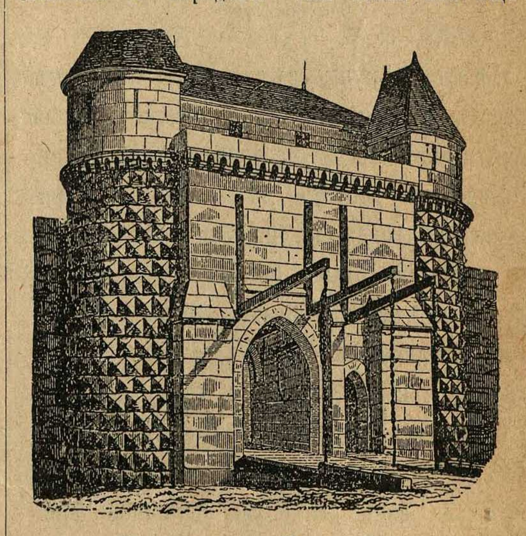
VIII. Дальнѣйшія побѣды Саладина.

Однако Саладинъ понималъ, что владычество крестоносцевъ на Востокѣ еще далеко не подорвано. Правда, на открытомъ мѣстѣ

Городскія ворота. Внутренній видъ.

сила ихъ была незначительна въ сравненіи съ его громадами, но за крѣпкими и надежными стѣнами своихъ многочисленныхъ замковъ и городовъ они были все еще

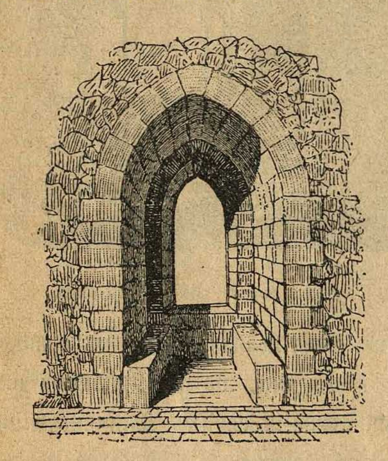
Городскія ворота. Наружный видъ.

довольно сильны, и, кто знаетъ, быть-можетъ, Западъ, внезапно воодушевившись

вѣстью о погромѣ на Востокѣ, всей тяжестью обрушится на мусульманъ.

Надо было не терять времени и кончать начатое дѣло, пользуясь ужасомъ, который внушало теперь повсемѣстно на Востокѣ Саладиново оружіе.

Султану помогло то, что въ Іерусалимскомъ королевствѣ въ то время не было никого, кто бы могъ въ эти тяжелыя минуты сосредоточить въ своихъ рукахъ послѣднія силы и возстать на освобожденіе несчастныхъ плѣнниковъ.

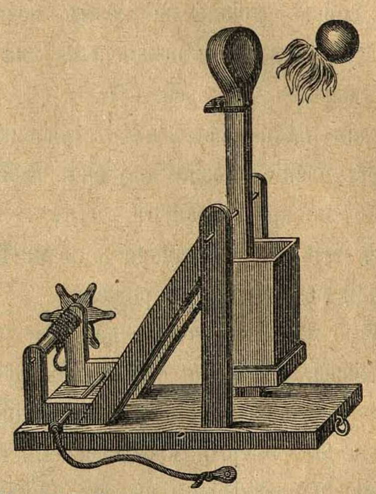
Окно въ башнѣ.

Графъ Раймундъ въ смущеніи отступилъ передъ Саладиномъ къ Триполису; здѣсь онъ вскорѣ послѣ погрома умеръ. Оставшіеся въ живыхъ вельможи, рыцари, крестьяне, горожане, оробѣвшіе, смущенные, въ отчаяніи готовы были сдаться на милость побѣдителя. Мелкіе отряды еще коегдѣ боролись съ мусульманами, но большинство и не думало о томъ, что еще на ихъ сторонѣ находится большая сила, что вскорѣ Западъ можетъ дать имъ новыя и новыя силы для болѣе успѣшной борьбы съ мусульманами.

Саладинъ между тѣмъ быстро шелъ побѣднымъ путемъ; города, мѣстечки трусливо и покорно сдавались страшному побѣдителю, и въ нѣсколько недѣль пали Тиверіада, Анконъ, Бейрутъ, Сидонъ, Іоппе, Аскалонъ, мелкіе города въ центрѣ страны и многіе сильные зáмки гордыхъ бароновъ.

Оставалось овладѣть еще только нѣсколькими самыми крѣпкими зáмками, Тиромъ и Іерусалимомъ.

Саладинъ обошелъ Тиръ и ударилъ на конечную цѣль своихъ военныхъ замысловъ— Іерусалимъ.

Метательный снарядъ для греческаго огня.

Ему не хотѣлось подвергать его разрушенію, и онъ предложилъ выгодныя условія сдачи города, но встрѣтилъ рѣшительный отказъ со стороны крестоносцевъ.

Тогда 19-го сентября Саладинъ обложилъ городъ, гдѣ находилась только небольшая часть правильно обученнаго войска, зато было огромное стеченіе простого трудящагося народа.

Послѣ нѣсколькихъ упорныхъ атакъ мусульманамъ удалось пробить угловую стѣну на сѣверо-востокѣ. Видя неизбѣжность паденія Іерусалима и чувствуя свое безсиліе, христіане вступили въ переговоры, и сдача совершилась на болѣе тяжелыхъ условіяхъ.

Каждый мужчина за свободный выходъ изъ города долженъ былъ заплатить 10 червонцевъ, женщина—5 червонцевъ, дѣти старше семи лѣтъ—2, а меньше семи лѣтъ—1 червонецъ.

2-го октября 1187 года ворота Іерусалима были отперты, войска султана заняли городъ, и іерусалимцы стали покидать святой городъ.

Мусульмане съ побѣдоноснымъ видомъ сбивали кресты съ церквей, раскалывали колокола, христіанскіе храмы обращали въ мечети. Весь мусульманскій міръ воскресъ духомъ, ободрился, чувствуя свою мощь и силу.

Саладинъ былъ на высотѣ своего величія, но, какъ умный человѣкъ, онъ держался крайне просто и былъ доступенъ всѣмъ и каждому и щедрой рукой награждалъ своихъ соратниковъ. Всюду совершался какой-то сплошной, торжественный праздникъ, не омрачаемый ничѣмъ.

XI. Общее положеніе дѣлъ.

Завоеваніе Іерусалима было высшимъ успѣхомъ Саладина. Послѣ этого завоеванія магометанъ шли уже съ перемѣннымъ военнымъ счастьемъ.

Когда въ 1187 году Саладинъ напалъ на Тиръ, крестоносцы оказали настолько мужественное сопротивленіе, что мусульмане смутились и взбунтовались; Саладину пришлось отступить.

На другой годъ въ областяхъ графства Триполисскаго и княжества Антіохійскаго снова начался рядъ завоеваній Саладиномъ христіанскихъ замковъ и городовъ, но мелкихъ, незначительныхъ, а важныхъ пунктовъ Сѣверной Сиріи—Триполиса, Антіохіи—султанъ еще окончательно одолѣть не могъ.

Между тѣмъ Западъ уже выслалъ помощь христіанамъ; на Востокъ направлялся богатый сицилійскій флотъ, и адмиралъ его, Маргеритъ, послалъ грозную грамоту Саладину, гдѣ почти требовалъ прекратить стѣсненія христіанъ. Иначе, — угрожалъ онъ,—на мусульманъ двинутся съ Запада такія силы, которыхъ они никогда еще и не видывали.

Король Гвидо былъ отпущенъ Саладиномъ на волю и теперь постепенно собиралъ вокругъ себя отдѣльные отряды, готовясь начать новыя оспариванія у мусульманъ ихъ завоеваній. Прежде всего въ 1189 году, лѣтомъ онъ двинулся въ походъ на городъ Акконъ, со сдачи котораго нѣкогда началось разрушеніе Іерусалимскаго государства.

Понемногу созрѣвала новая сила, подготовлялась новая борьба, которая въ будущемъ должна была рѣшить, кому господствовать на сирійскихъ берегахъ—Западу или Востоку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Третій Крестовый походъ.

I. Настроеніе на Западѣ.

Еще король Амальрихъ, а затѣмъ Балдуинъ IV видѣли, насколько серьезная опасность растетъ въ средѣ мусульманъ противъ христіанъ Востока, и посылали посольства на Западъ просить о помощи средствами и людьми.

Общее настроеніе въ западныхъ европейскихъ государствахъ не оставляло желать ничего лучшаго; вездѣ посольства встрѣчали полное участіе, но крупной помощи въ видѣ большого ополченія или крупныхъ вкладовъ для нуждъ Востока не находилось.

Какъ мы уже говорили выше, силы западныхъ народовъ были заняты своими дѣлами. Германскіе императоры враждовали съ папами, короли Франціи не ладили съ англійскими королями.

Но теперь дѣло приняло иной оборотъ извѣстія о побѣдахъ Саладина, о паденіи христіанскаго могущества на Востокѣ возбудили во всѣхъ глубокое горе и яростную ненависть противъ мусульманъ.

Папа Григорій VIII, несмотря на то, что рознь духовенства съ императоромъ Фридрихомъ I привела къ рѣшенію отлучить послѣдняго отъ церкви, оставилъ всѣ политическія соображенія, рѣшивъ направить всѣ свои силы на устройство дѣлъ въ Святой Землѣ.

Полетѣли во всѣ концы посланія къ государямъ и ко всѣмъ христіанамъ, призывающія къ единодушному возстанію противъ могущественнаго роста азіатскихъ народовъ въ ущербъ народамъ Запада. Для возбужденія духа въ народѣ власти прибѣгали вновь и къ вліянію религіознаго чувства народа, и къ обѣщанію за готовность идти въ новый крестовый походъ улучшить матеріальное положеніе народа, выхлопотать прощеніе долговъ, повинностей, принять на себя заботу о семьяхъ. Духовенству предписывалось отрѣшиться отъ блестящей, богатой жизни, вести строгій образъ жизни, отдавая свои доходы на военныя издержки, и тѣмъ показывать примѣръ мирянамъ. На семь лѣтъ былъ объявленъ всеобщій міръ.

Папа Григорій VIII, начавъ это дѣло, вскорѣ умеръ, но дѣло его проповѣди продолжалъ съ той же энергіей его преемникъ, папа Климентъ III.

Развиваясь постепенно, единодушное возстаніе приняло огромные размѣры, напоминая собою ополченія перваго крестоваго похода.

Въ Италіи государи и города тоже оставили всякія междоусобія и дѣятельно готовились къ походу, такъ что нѣсколько эскадръ вскорѣ вышли къ сирійскимъ берегамъ. Воодушевились на священный походъ многія тысячи и на сѣверѣ Европы, въ Даніи и Швеціи. Въ то же время три самыя могущественныя государства дѣятельно готовились къ вооруженію крестоваго ополченія—Германія, Франція и Англія, и впереди всѣхъ вышло ополченіе нѣмецкое.

Сборъ подаяній на крестовый походъ.

II. Нѣмецкое ополченіе.

Фридриху I, Барбароссѣ (Барбаросса — рыжебородый), второму нѣмецкому королю, первому императору изъ рода Гогенштауфеновъ было много лѣтъ, когда начались новыя проповѣди объ организаціи третьяго Крестоваго похода. Какъ человѣкъ, Фрид-

рихъ былъ великодушенъ, честенъ и благороденъ. Доброе, справедливое отношеніе къ людямъ всѣхъ званій, щедрость и милосердіе заставляли народъ и всѣхъ близкихъ къ нему людей глубоко уважать и любить императора. Но, несмотря на все это, несмотря на силу и могущество своего оружія, Фридрихъ все-таки не сразу рѣшился на крестовый походъ, понимая, какая тяжелая забота предстоитъ ему на Востокѣ; понимая и то, что внутри имперіи ему грозятъ большія опасности, если не будетъ въ ней на-лицо его настоящей силы.

Важный противникъ его, Генрихъ Левъ, былъ смиренъ, но теперь возсталъ противъ Фридриха архіепископъ Кёльнскій Филиппъ.

1-го декабря 1187 года въ Страсбургѣ былъ собранъ совѣтъ для обсужденія общаго положенія дѣлъ, но архіепископъ на это совѣщаніе не явился. Слѣдовательно, Фридрихъ могъ видѣть изъ этого, что Филиппъ держитъ противъ него «камень за пазухой», и, въ случаѣ отъѣзда Фридриха во главѣ крестоваго ополченія, не замедлитъ воспользоваться его отсутствіемъ для расширенія и укрѣпленія своей власти въ имперіи.

На проповѣдь Крестоваго похода въ Страсбургѣ первымъ откликнулся эльзасскій рыцарь Зигфридъ, который увлекъ своимъ примѣромъ около 2,000 другихъ рыцарей и множество народа. Но Фридрихъ окончательнаго согласія на участіе въ крестовомъ походѣ своего все еще не давалъ.

III. Соглашеніе.

Вся зима прошла въ подготовительныхъ работахъ императора и присланнаго отъ папы кардинала Генриха Альбано къ созыву всѣхъ враждующихъ съ императоромъ вассаловъ, особенно архіепископа Филиппа, для совмѣстныхъ совѣщаній.

Въ мартѣ въ Майнцѣ былъ собранъ новый имперскій совѣтъ, «Христовый Съѣздъ», на который явились и Филиппъ, и другіе враждовавшіе съ императоромъ и державшіеся самостоятельно вассалы. На призывъ къ общему миру всѣ отвѣтили своимъ согласіемъ; но все еще Фридрихъ, сознавая всѣ трудности предстоявшаго похода, колебался дать свое согласіе. Тогда всѣ вѣрные ему люди стали горячо просить его, — одни, руководимые религіознымъ чувствомъ, другіе, боясь болѣе крупныхъ разладовъ императора съ вассалами и розни съ народомъ, — и Фридрихъ, наконецъ, уступилъ этимъ просьбамъ. Его примѣру послѣдовали многія тысячи рыцарей, духовенство и «несчетное множество народа». Такимъ образомъ, нѣмецкія силы отдѣльныхъ государей послѣ этого совѣщанія были, собственно, привлечены къ общему дѣлу.

Выступленіе въ походъ было отложено на слѣдующій 1189 годъ, на апрѣль мѣсяцъ, въ день св. Георгія, покровителя пилигримовъ. За это время предстояло привести въ порядокъ всѣ дѣла внутри государства и сдѣлать необходимыя приготовленія къ трудному походу,

IV. Сборы въ путь.

Помня прежнія неудачи даже чрезмѣрно большихъ крестоносныхъ ополченій, Фридрихъ рѣшилъ составить свое ополченіе болѣе строго. Участники въ немъ должны были быть люди, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи хотя небольшія деньги (около 60 рублей), притомъ люди способные къ войнѣ и къ труднымъ переходамъ, готовые подчиняться строжайшей дисциплинѣ.

Путь былъ избранъ старый, Готтфрида Бульонскаго, — черезъ Венгрію, Грецію, Малую Азію и Иконію. Отправили заранѣе пословъ во всѣ эти страны уговориться относительно прохода черезъ нихъ и продовольствія; кромѣ этого, Фридрихъ послалъ предложеніе Саладину освободить Іерусалимское королевство, выдать Святой Крестъ и удовлетворить семьи всѣхъ погибшихъ въ битвахъ съ мусульманами христіанъ.

Въ декабрѣ 1188 прибыли посольства изъ Венгріи, Сербіи, Греціи и Иконіи, гдѣ правилъ Килиджъ-Арсланъ, врагъ Нурредина и Саладина, другъ Фридриха I.

Всѣ выразили согласіе своей помощи, причемъ греческій посолъ потребовалъ ручательства отъ Фридриха, что онъ не имѣетъ никакихъ враждебныхъ замысловъ противъ Византійской имперіи.

Прислалъ свой отвѣтъ и Саладинъ, который, конечно, отвергнулъ всѣ требованія Фридриха I и, въ свою очередь, требовалъ сдачи ему всѣхъ сирійскихъ городовъ, и только тогда обѣщалъ выдать Святой Крестъ, плѣнниковъ-христіанъ, разрѣшить паломничество въ Іерусалимъ и допустить ко Гробу Господню христіанскаго священнослужителя.

Этотъ высокомѣрный отвѣтъ Саладина, котораго, собственно, и надо было ожидать, сдѣлалъ неизбѣжнымъ третій Крестовый походъ.

V. Походъ.

Назначенное на 23-е апрѣля выступленіе задержалось до начала мая. Подъ знаменемъ Фридриха собралось до 100.000 человѣкъ. Это войско, хотя и не отличалось громадностью, но зато все состояло изъ хорошо вооруженныхъ и привычныхъ къ оружію людей, было правильно построено и находилось подъ командой опытныхъ князей и лучшихъ рыцарей того времени. Строгая дисциплина въ войскѣ поддерживалась самимъ императоромъ, который не спускалъ ни одного проступка.

Мирно миновали крестоносцы Венгрію, и король Бела дружески встрѣтилъ и проводилъ императора Фридриха; такъ же благополучно былъ совершенъ переходъ и черезъ Сербію, откуда путь уже шелъ черезъ владѣнія Византійской имперіи.

VI. Дѣла въ Греціи.

Въ Греціи послѣ смерти императора Мануила, въ 1180 году, корона Византіи перешла къ его малолѣтнему сыну, Алексѣю II. За него Византіей правили его мать, Марія Антіохійская, и двоюродный братъ императора, Алексѣй Комненъ.

И возстали противъ нихъ завистники-вельможи, и во главѣ ихъ — двоюродный братъ императора Мануила, Андроникъ. Онъ напалъ на Константинополь въ 1182 году, избилъ воиновъ и гражданъ и сталъ соправителемъ Алексѣя II. Честолюбіе неотразимо влекло его на императорскій престолъ, и онъ ради этого пошелъ на то, что умертвилъ и императора, и мать его и вступилъ на престолъ единодержавнымъ правителемъ.

Это былъ жестокій, дурной человѣкъ, но, ставъ императоромъ, онъ сразу какъ-то измѣнился и сдѣлалъ много улучшеній для блага народа. Все время правленія онъ боялся за свое положеніе и, желая обезпечить себя, жестоко преслѣдовалъ и изводилъ потомковъ императорскаго дома. Тогда во многихъ частяхъ имперіи вспыхнуло возстаніе противъ тирана. Андроникъ не

обращалъ вниманія на это недовольство народа, а когда спохватился и сталъ готовиться къ самообороне, было уже поздно.

Византійцы всѣхъ сословій единодушно избрали императоромъ Исаака Ангела, правнука Алексѣя I, который въ отчаяніи вмѣстѣ съ разгнѣванными византійцами свергнулъ стараго Андроника и предалъ его казни.

Исаакъ, трусливый, незначительный человѣкъ, только довершилъ упадокъ Византіи своимъ неумѣлымъ правленіемъ, тяжелыми налогами, произволомъ чиновниковъ и распущенностью своего двора. Его тѣснили со всѣхъ сторонъ заговоры, возмущенія, измѣна. Границы Византіи все уменьшались; сербы, болгары, валахи на сѣверѣ Балканскаго полуострова возстали и отложились, рѣшивъ основать самостоятельныя царства.

VII. Греки во время третьяго Крестоваго похода.

Въ эпоху третьяго Крестоваго похода Византія попала въ еще болѣе худшее положеніе. Исаакъ и греки со злобой слѣдили за послѣднее время за дѣйствіями западныхъ христіанъ и за магометанскими государствами передней Азіи.

Поэтому Исаакъ сталъ искать помощи у Саладина, видя въ этомъ единственный исходъ и поддержку. Но Килиджъ-Арсланъ, исконный врагъ грековъ, вызнавъ это, обернулся врагомъ и противъ Саладина и тѣснѣе сблизился съ крестоносцами.

Въ 1189 году Исаакъ заключилъ формальный союзъ съ Саладиномъ въ то время, когда Фридрихъ со своимъ крестоноснымъ войскомъ приближался уже къ границѣ греческихъ владѣній. Исаакъ предоставилъ магометанамъ въ Константинополѣ мечеть, обѣщалъ всячески мѣшать походу крестоносцевъ и выслать вспомогательный флотъ въ количествѣ 100 судовъ на помощь Саладину, который, въ свою очередь, разрѣшилъ грекамъ свободу вѣроисповѣданія въ церквахъ Палестины, обѣщая, кромѣ того, поддерживать Исаака въ войнѣ съ Килиджъ-Арсланомъ.

Вотъ до чего дошла Византія; сто лѣтъ тому назадъ она призвала западныхъ христіанъ на борьбу противъ ислама, а теперь заключила союзъ съ главнымъ противникомъ христіанства.

Такимъ образомъ, каждый изъ христіанскихъ государей находился въ союзѣ съ однимъ изъ двухъ султановъ передней Азіи. Натурально, эти странные союзы должны были сдѣлаться пагубными для обѣихъ христіанскихъ партій.

Фридрихъ Барбаросса со своими крестоносцами вступилъ въ предѣлы Византійской имперіи въ моментъ страшныхъ безпорядковъ и народнаго возстанія. Византійскіе чиновники дѣлали видъ, что относятся дружественно къ крестоносцамъ; въ то же время отъ сербскихъ и болгарскихъ государей являлись послы къ Фридриху, прося заключить союзъ именно съ ними для общей войны съ греками.

Фридрихъ уклонялся и говорилъ, что цѣль его похода—Палестина, что съ греками онъ только тогда будетъ воевать, если они сами обнаружатъ къ нему свою враждебность. Между тѣмъ общіе безпорядки, партизанскіе отряды, разбойничьи шайки сильно безпокоили его. Приходилось тяжелыми битвами съ ними и жестокими наказаніями обезпечивать себѣ здѣсь покой и продовольствіе.

Двинулись дальше, и чѣмъ ближе подходили къ Константинополю, тѣмъ очевиднѣе

становились для всѣхъ враждебныя отношенія грековъ къ нѣмцамъ-крестоносцамъ.

Наконецъ, императоръ Исаакъ прислалъ письмо Фридриху, будто бы онъ достовѣрно знаетъ о враждебныхъ намѣреніяхъ Фридриха противъ него, почему и требуетъ заложниковъ, которые поручились бы за то, что ничего подобнаго нѣтъ; кромѣ того, онъ потребовалъ обѣщанія со стороны Фридриха уступить половину всѣхъ будущихъ завоеваній въ Сиріи въ пользу Византіи. Такимъ образомъ, нѣмецкое крестоносное войско очутилось во враждебной землѣ и должно было каждую минуту ожидать предательства и нападенія со стороны грековъ. Однако, нѣмцы не уступали и, слѣдуя своимъ путемъ, вооруженной силой подчиняли себѣ разные мелкіе города и мѣстечки и тѣмъ добывали себѣ продовольствіе. Такимъ образомъ они постепенно распространили свое владычество на всю сѣверо-западную часть Ѳракіи.

VIII. Неожиданное препятствіе.

Все это создало для Фридриха неожиданное препятствіе къ совершенію задуманнаго имъ похода Войско пришлось теперь волей-неволей разбить на части, а отъ этого страдала дисциплина. Боясь, что такимъ путемъ все ополченіе его можетъ безслѣдно разсѣяться повсюду и нарушить дисциплину, Фридрихъ долженъ былъ съ неумолимой строгостью преслѣдовать всюду насиліе и распутство. Онъ раздѣлилъ все войско на пятисотенные отряды, командованіе которыми поручилъ лучшимъ рыцарямъ; онъ далъ имъ, кромѣ того, судебно-разбирательную власть, такъ что начальники могли сами судить и карать ослушниковъ.

Въ то же время христіанскіе послы Фридриха въ Константинополѣ терпѣли оскорбленія и насилія отъ византійцевъ. Надо было скорѣе кончать враждебное отношеніе съ греками, освободить пословъ и идти дальше къ главной цѣли крестоваго похода.

Большихъ трудовъ стоило Фридриху урегулировать всѣ эти дѣла, но на все это потребовалось много времени, и наступила зима, когда уже нечего было и думать о дальнѣйшемъ походѣ.

Правда, сила оружія нѣмцевъ заставила Исаака даже обѣщать суда для перевозки воиновъ въ Азію и продовольствіе войску, но въ то же время очевидно обнаружился союзъ его съ Саладиномъ и коварное желаніе византійцевъ погубить все крестоносное ополченіе по частямъ во время переправы моремъ.

Фридрихъ разбилъ лагерь подъ Адріанополемъ и рѣшилъ дѣйствовать болѣе твердо и прямо. Посланы были отряды, чтобы силой внушить страхъ и покорность мѣстнымъ жителямъ и добыть продовольствіе для людей и конной части. Успѣхъ этихъ рекогносцировочныхъ отрядовъ былъ полный. Греки во многихъ случаяхъ потерпѣли жестокое пораженіе, и въ руки нѣмцевъ достались земли на сѣверъ до Балканъ, на югъ до Эгейскаго моря и на западъ до Родопскихъ горъ.

Все это было прекрасно, и крестоносное ополченіе не нуждалось ни въ чемъ рѣшительно, но Фридрихъ серьезно опасался, какъ бы не произошло страшной войны за самое существованіе Византійской имперіи, въ которой могло погибнуть все его ополченіе. Въ виду этого Фридрихъ намѣревался просить помощи у Пизы, Генуи и Венеціи, а также у папы противъ коварства грековъ. Но еще покамѣстъ онъ всячески пы-

тался устранить эти недоразумѣнія мирнымъ путемъ и въ февралѣ 1190 года достигъ того, что всѣ плѣнные и послы были освобождены греками и крестоносцамъ предоставлены для переправы свыше 200 судовъ и продовольствіе на все время прохожденія по византійскимъ владѣніямъ.

Въ концѣ-концовъ всѣ эти неурядицы и непріязненныя столкновенія главнымъ образомъ обрушились всей своей тяжестью на самихъ же грековъ, которые въ частыхъ стычкахъ значительно ослабили свои силы. Войско Фридриха почти не пострадало, и численность его не уменьшилась, такъ какъ къ нимъ присоединились запоздавшіе въ Европѣ отряды.

IX. Дальнѣйшій путь.

Войско двинулось дальше, отъ Геллеспонта на юго-востокъ, по внутреннимъ областямъ западной Малой Азіи. На пути приходилось переносить и трудности перехода по горамъ, лѣсамъ, черезъ рѣки, приходилось силой добывать провіантъ, оберегаться отъ частыхъ нападеній разбойничьихъ отрядовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ путь становился труднѣе, такъ какъ онъ шелъ черезъ мѣстности, страшно разоренныя во время войны византійцевъ съ сельджуками.

Отъ Лаодикеи войско повернуло на востокъ внутрь Малой Азіи. Здѣсь, уже на пути, крестоносцевъ стали часто тревожить отряды сельджуковъ и туркменовъ. Приходилось иногда дѣлать большіе обходы, когда дорога проходила въ опасныхъ мѣстахъ — черезъ узкія ущелья, чтобы не попасть въ засаду.

Войско было образцово дисциплинировано и выдержано, поэтому подвигалось впередъ успѣшно, удачно отстраняя неожиданныя нападенія мусульманъ. Но все-таки неожиданности подобнаго рода значительно утомляли его, утомляли и лошадей. Всѣ утѣшались только надеждой, что скоро можно будетъ вздохнуть легче въ области султана Иконійскаго, съ которымъ Фридрихъ находился въ дружбѣ. Но надежда эта въ концѣ-концовъ оказалась тщетной, потому что около того времени Килиджъ-Арсланъ отказался отъ престола въ пользу своихъ сыновей, и Иконія находилась подъ властью Кутбеддина. А послѣдній говорилъ одно, а дѣлалъ совершенно другое. На словахъ онъ увѣрялъ христіанъ въ дружбѣ, на дѣлѣ стоялъ за Саладина, съ которымъ породнился даже, взявъ за себя замужъ его дочь.

Когда открылось это предательство, крестоносцы поняли, что теперь ихъ ждутъ впереди страшныя бѣдствія и опасности.

X. Бѣдствія христіанъ.

Двинулись прямо на Иконію, но совершать походъ было болѣе нежели трудно. Отряды сельджуковъ, тревожившіе ихъ, разрослись до цѣлыхъ скопищъ, и бороться съ ними становилось день ото дня затруднительнѣе. Одно нападеніе шло за другимъ, а въ то же время христіане изнемогали отъ зноя, голода и жажды. Убивали лошадей и ѣли ихъ мясо; вмѣсто воды пили кровь; но всѣхъ поддерживали любовь и уваженіе къ Фридриху Барбароссѣ, и прежнее вдохновеніе конечной цѣлью мучительнаго похода. Поддерживалъ въ войскѣ бодрость и примѣръ самого Фридриха и его главныхъ рыцарей, которые и въ страданіяхъ, и въ битвахъ шли впереди всѣхъ, презирая опасность.

Дошли до Иконіи совсѣмъ измученные, уставшіе. Нуженъ былъ немедленно полный, продолжительный отдыхъ, а тутъ предсто-

Въ ущельяхъ Тавра.

яло брать приступомъ богатый, сильно укрѣпленный городъ. Но помогло крестоносцамъ то, что сами сельджуки, тревожа ихъ, пришли въ разстройство, такъ какъ крестоносцы въ отчаяніи все время сражались крайне мужественно. Видя это, непріятель самъ предложилъ миръ, хотя и невыгодный, но крестоносцы не приняли его.

Войско было раздѣлено на двѣ части; одна устремилась въ городъ и захватила

его; другая, подъ командой самого Фридриха, вышла противъ превосходно устроеннаго, сильнаго непріятельскаго войска. Самъ Фридрихъ смутился при видѣ его и покорно рѣшилъ принять на одного себя позоръ, потерпѣть униженіе своего императорскаго сана, если только войско его не одержитъ побѣды.

Онъ обернулся къ своимъ людямъ и вдохновенно воскликнулъ:

— Христосъ управляетъ!.. Христосъ побѣждаетъ!.. Христосъ господствуетъ!..

Непреодолимой силой все войско, какъ одинъ человѣкъ, устремилось на ряды непріятелей,—и въ нѣсколько сильныхъ ударовъ ихъ войско было разсѣяно...

Войско вошло въ городъ и могло, наконецъ, отдохнуть и подкрѣпить силы.

Конечно, сельджуки не замедлили заключить перемиріе, снабдили войско провіантомъ, лошадьми, мулами и выдали заложниковъ, благодаря которымъ были сдержаны дальнѣйшія разбойничьи нападенія врасплохъ мелкихъ непріятельскихъ отрядовъ.

XI. Смерть Фридриха Барбароссы.

26-го мая крестоносцы, подкрѣпленные, отдохнувшіе, выступили изъ города и двинулись дальше къ юго-востоку. Сначала переходъ не представлялъ большихъ трудностей, но чѣмъ дальше, тѣмъ трудности увеличивались, потому что дорога пересѣкала гористыя, пустынныя мѣстности, вродѣ Тавра.

Изнемогая отъ голода и жажды, съ трудомъ карабкались несчастные по крутымъ тропинкамъ, по глухимъ ущельямъ и только черезъ двѣ недѣли достигли береговъ рѣки Салефа, гдѣ были богатыя пастбища и обработанныя поля. Но здѣсь ждало всѣхъ самое крупное бѣдствіе этого похода.

Императоръ съ незначительнымъ отрядомъ опередилъ войско и остановился на привалъ на берегу Салефа. Здѣсь онъ пообѣдалъ и рѣшилъ переправиться на другую сторону рѣки.

Напрасно спутники его убѣждали подождать прихода войска; онъ настоялъ на своемъ и бросился со своимъ конемъ въ быструю горную рѣку; стремнина захватила, закружила его. Конь напрягалъ всѣ силы, чтобы выбиться изъ шумнаго потока на берегъ, но тяжелые доспѣхи императора, тяжелая броня самого коня подломили его силы, и онъ пошелъ ко дну... Поднятый изъ воды, императоръ былъ уже бездыханенъ.

Лѣтописецъ того времени съ ужасомъ отмѣчаетъ этотъ фактъ и говоритъ: «Перо отказывается служить, и рѣчь нѣмѣетъ, потому что ея недостаточно, чтобы изобразить страхъ и скорбь пилигримовъ въ этомъ величайшемъ бѣдствіи»...

И точно, бѣдствіе было слишкомъ велико; и именно въ то время, когда измученные люди, перенесшіе невѣроятныя усилія, съ оружіемъ пробившіеся черезъ Малую Азію, вблизи недалекой цѣли своего похода, оно должно было произвести потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ участниковъ этого похода. Конечно, главный успѣхъ этого похода заключался въ нравственной силѣ, въ умѣніи героя-императора вдохновить людей и все время поддерживать вдохновеніе и полный порядокъ въ войскѣ. Теперь сила крестоносцевъ послѣ цѣлаго ряда усилій и лишеній не могла не сломиться передъ отчаяніемъ. Слишкомъ сильная воля человѣка нужна была, чтобы сдерживать плотно сплоченной огромную армію, которой каждый шагъ давался послѣ неимовѣрныхъ усилій и трудовъ. Фридриха люди любили, слушались

Вѣсть крестоносца съ битвы.

его и довѣрчиво безъ малѣйшаго колебанія слѣдовали за нимъ.

Со смертью героя-императора отлетѣла душа войска, и все оно распалось, обезсиленное, потерявшее всякую надежду, напуганное и растерянное.

XII. Гибель нѣмецкихъ крестоносцевъ.

Саладинъ все время съ тревогой слѣдилъ за передвиженіемъ Фридриха. По тактичности и осторожности послѣдняго онъ сразу понялъ, какой опасный противникъ при-

ближается къ нему, и всѣми силами подготовлялся къ наступающей грозѣ.

Многіе сирійскіе города и крѣпости были разрушены имъ, чтобы въ будущемъ Фридриху нельзя было укрываться за ними вмѣстѣ со своимъ войскомъ.

Извѣстіе о смерти Фридриха дало ему возможность сразу вздохнуть легче, и теперь онъ уже не опасался грознаго ополченія.

И дѣйствительно, опасаться было нечего. Смерть Фридриха однимъ ударомъ разрубила узы, крѣпко связывавшія все ополченіе: одинъ по болѣзни, другой по бѣдности, третій по недовѣрію къ дальнѣйшему успѣху похода отказывались идти дальше и стремились возвратиться на родину.

Пока еще бо́льшая часть ихъ находилась подъ властью Фридриха Швабскаго. Но, разбившись на отряды и вступивъ въ антіохійскія владѣнія, они неожиданно наткнулись на войска Саладина и потерпѣли жестокія пораженія.

Съ оставшимися въ живыхъ немногими воинами Фридрихъ достигъ 21-го іюня Антіохіи; но здѣсь снова какой-то неумолимый рокъ обрушился на несчастныхъ. Отъ излишества среди нихъ началась страшная опустошительная моровая язва, отъ которой ежедневно гибло до тысячи человѣкъ. Герцогъ Фридрихъ осенью съ остаткомъ войска соединился съ христіанами подъ Аккономъ и вскорѣ преждевременно умеръ подъ его стѣнами.

XIII. Участь второй нѣмецкой арміи.

Большая часть нѣмецкихъ крестоносцевъ отправилась съ Фридрихомъ Барбароссой, другая же, менѣе численная армія двинулась весной 1189 года по Рейну, намѣреваясь перебраться въ Сирію морскимъ путемъ. Въ морѣ къ нимъ присоединились датская, фландрская, фризская эскадры, и весь этотъ сборный флотъ поплылъ вдоль береговъ Франціи и Испаніи до Лиссабона. Король Санчо I предложилъ крестоносцамъ помочь ему и отнять у мусульманъ крѣпость Альвору; это было удачно выполнено крестоносцами, послѣ чего они прибыли въ Сирію къ осадѣ Аккона.

Слѣдомъ за этимъ флотомъ у Лиссабона собрались новыя эскадры изъ Кёльна и Фландріи; и имъ Санчо I предложилъ помочь ему взять у мусульманъ городъ Сильвесъ. Крестоносцы съ большимъ трудомъ, но всетаки успѣшно выполнили эту задачу и уже только послѣ того отплыли въ Сирію, куда и прибыли осенью 1189 года.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Крестовый походъ Англіи и Франціи.

I. Рѣшеніе.

Броженіе умовъ и волненіе народа и въ Англіи, и во Франціи начались почти одновременно съ другими государствами; и тамъ эта возбужденность давно уже готова была вылиться черезъ край и вырваться, какъ изъ омута, на просторъ, въ далекій, невѣдомый путь, къ далекому, отвлеченному идеалу, который создали народу религія,

съ одной стороны, и съ другой—насиліе, обиды и притѣсненія народа. Крестовый походъ нуженъ былъ имъ какъ частичка чистаго, свѣжаго воздуха, потому что подъ гнетомъ закованнаго въ латы барства было уже невозможно дышать свободно. «Святая Земля» влекла людей къ себѣ по религіознымъ воспоминаніямъ и по возможности легче вздохнуть вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ съ дѣтства приходилось терпѣть одну нужду, страхъ за свою жизнь, угрозы гордаго баронства и безпощадные налоги.

Но вырваться на волю народу было нельзя. Правители откладывали это дѣло, такъ какъ они безъ конца ссорились и другъ съ другомъ, и со своими подданными-вассалами, на что уходили почти всѣ силы и средства.

Каждая крупная неудача въ Палестинѣ не разочаровывала въ дальнѣйшихъ походахъ, а, наоборотъ, воодушевляла всѣхъ.

И главная побѣда Саладина надъ крестоносными ополченіями тотчасъ вызвала всеобщее одушевленіе, но оно не скоро было приведено въ исполненіе.

Въ декабрѣ 1187 года дошла вѣсть объ ужасномъ сраженіи при Гаттинѣ. Старшій сынъ англійскаго короля Генриха II, Ричардъ, и графъ Пуату послѣ перваго же извѣстія дали обѣтъ принять участіе въ крестовомъ походѣ. А когда узнали о паденіи христіанскаго Іерусалима, самъ Генрихъ II и французскій король Филиппъ II выразили желаніе принять на себя знаменіе креста.

До тѣхъ поръ эти короли находились въ глубокой непрерывной враждѣ между собою, но теперь они протянули другъ другу руки, обнялись и приняли на себя крестъ. Это случилось 21-го января 1188 года.

Примѣръ королей сразу увлекъ всѣ сословія; жены убѣждали мужей, матери—дѣтей зачислиться въ крестоносное ополченіе, а старые люди отдавали послѣднія свои сбереженія на нужды крестоваго ополченія. Вновь раздался голосъ папы, обѣщавшаго отпущеніе грѣховъ, прощеніе долговъ и повинностей принимающимъ на себя крестъ. Для покрытія расходовъ по составленію этого ополченія былъ объявленъ особый налогъ—«Саладинова десятина», сборъ десятой части съ доходовъ и имущества.

Но такъ горячо и дѣятельно начатое дѣло очень скоро омрачилось новой междоусобной враждой.

II. Вражда.

«Саладинова десятина» произвела первый глухой ропотъ, такъ какъ сборъ ея сопровождался притѣсненіями и насиліемъ со стороны сборщиковъ. Затѣмъ поднялось недовольство евреевъ, надъ которыми производили настоящія мучительства, вымогая отъ нихъ огромныя суммы. Въ концѣ-концовъ вновь вспыхнула старинная вражда королей Англіи и Франціи, и снова половина Франціи была объята пламенемъ раздора, и снова на землю ея полилась христіанская кровь. Тщетно нѣкоторые французскіе вассалы старались примирить враждующихъ королей; тщетно папа усовѣщевалъ ихъ и грозилъ имъ карой церкви,—вражда не утихала. Короля Генриха II очернили передъ сыномъ его, Ричардомъ, въ измѣнѣ, и тогда Ричардъ соединился съ Филиппомъ II и пошелъ противъ старика-отца. Цѣлый годъ войны кончился пораже-

ніемъ Англіи, и Генрихъ II долженъ былъ заключить позорный миръ; въ томъ же году онъ умеръ, проклиная сына.

III. Сборы въ походъ.

Благодаря этимъ событіямъ, Ричардъ, вступивъ на престолъ Англіи, какъ бы примирилъ обѣ страны, самъ находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ Филиппомъ II. Оба короля начали спѣшно, ревностно собираться въ походъ. Ричардъ, человѣкъ вспыльчивый, горячій, страстный, прямо рвался въ битву; спѣшно продавалъ онъ замки, помѣстья, епископскіе престолы, собирая деньги для похода.

Весной 1190 года англійскіе крестоносцы собрались для слѣдованія на Востокъ съ Ричардомъ. Часть ополченія отправилась во Францію, чтобы примкнуть къ французскимъ войскамъ, а другая часть отплыла на огромномъ флотѣ.

Строгая дисциплина была введена Ричардомъ во флотѣ; за малѣйшій проступокъ назначались тяжелыя наказанія.

Въ началѣ іюля въ городѣ Везелау, въ Бургундіи, англійскія войска соединились съ французскими и двинулись въ Мессину, откуда рѣшено было отплыть въ Сирію. Морскимъ путемъ рѣшили отправиться потому, что ни для кого не былъ тайной союзъ византійцевъ съ Саладиномъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Сициліи, въ Мессинѣ, крестоносцы снова сошлись вмѣстѣ; туда же одновременно прибылъ и флотъ, высланный Ричардомъ. Крестоносцы могли бы осенью того же года перебраться въ Сирію, но они задержались въ Сициліи неожиданными государственными переворотами. Кромѣ того, въ обоихъ молодыхъ короляхъ уснувшая, было, родовая вражда мало-по-малу начала разгораться снова. Англія въ то время владѣла землями западной Франціи, отъ Нормандіи до Аквитаніи; онѣ, такъ сказать, мозолили глаза французамъ и легко приводили ихъ въ враждебное настроеніе. Прочный миръ между ними былъ невозможенъ, пока земли эти не были еще присоединены къ Франціи.

Помимо этого, оба короля совершенно не походили другъ на друга характерами и взглядами. Филиппъ II былъ умный, честолюбивый человѣкъ, у котораго, однако, на первомъ планѣ стояли интересы родины. Ричардъ, воинственный, сильный человѣкъ, жаждалъ личной славы, громкихъ, честолюбивыхъ подвиговъ. Уже одна эта разница во взглядахъ давала поводъ къ частымъ спорамъ, ссорамъ и враждѣ.

IV. Дѣла въ Сициліи.

Между тѣмъ въ срединѣ ноября въ Сициліи умеръ король Вильгельмъ II изъ нормандскаго рода и престолъ его былъ захваченъ графомъ Танкредомъ, который взялъ въ плѣнъ вдову-королеву, Іоанну, сестру Ричарда.

Ричардъ сталъ требовать возстановить ея права, освободить изъ плѣна и достигъ этого. Мало-по-малу начались частыя ссоры между англичанами и сицилійцами, которыя разрѣшились тѣмъ, что Ричардъ осадилъ Мессину, разбилъ ихъ войско и сталъ творить надъ побѣжденными жестокій судъ и расправу. Ричардъ за свою удаль и небывалую отвагу здѣсь получилъ прозвище «Левъ» и «Львиное сердце». Танкредъ долженъ былъ заключить миръ съ Ричардомъ, выдавъ королевѣ Іоаннѣ все, что слѣдовало ей по завѣщанію короля Вильгельма II.

Сначала Филиппъ II держался въ сторонѣ отъ этихъ распрей, хотя онъ все время относился враждебно къ англичанамъ. Но когда Мессина сдалась, онъ сталъ требовать части завоеванной добычи. Раздоръ уладили новымъ договоромъ, которымъ оба короля снова дали слово поддерживать другъ друга. Прошло немного времени, и вдругъ Танкредъ представилъ Ричарду письмо, будто бы написанное Филиппомъ. А въ письмѣ томъ Филиппъ яко-бы предлагалъ помочь ему противъ англичанъ.

Ричардъ вышелъ изъ себя, и хотя Филиппъ отвергалъ подлинность этого письма, Ричардъ не хотѣлъ вѣрить ему. Онъ даже отказался отъ даннаго слова сестрѣ Филиппа, Алисѣ, не желая родниться съ нимъ, и это явилось новымъ оскорбленіемъ для французовъ. Около того времени прибыли въ Мессину мать Ричарда, королева Элеонора, и новая невѣста Ричарда, Беренгарія Наваррская.

Въ этихъ мелочныхъ, чисто личныхъ непріятностяхъ и проходило время. А между тѣмъ средства крестоносцевъ изсякли, и среди нихъ уже начинался недовольный ропотъ.

Надо было всячески успокоить народъ, и на первое время оба короля принуждены были щедрыми подарками заставить стихнуть ропотъ.

Наконецъ, король Филиппъ, видя, насколько осложняются ихъ отношенія съ Ричардомъ, въ глубокомъ раздраженіи противъ послѣдняго отплылъ моремъ въ Аккону 30-го марта 1191 года.

V. Отъѣздъ Ричарда. Его подвиги.

Вскорѣ послѣ этого отплылъ къ сирійскимъ берегамъ и англійскій флотъ, съ которымъ слѣдовали также королева Іоанна, принцесса Беренгарія и самъ Ричардъ.

Сильная буря разбила нѣсколько кораблей у береговъ о. Кипра, но большая часть судовъ благополучно пристала къ берегу въ гавани Лимиссоль.

Кипромъ въ то время управлялъ принцъ Исаакъ Комненъ, союзникъ Саладина, человѣкъ грубый и жестокій. По его приказанію потерпѣвшіе крушеніе англичане были ограблены; онъ даже едва не захватилъ хитростью въ плѣнъ невѣсту и сестру Ричарда. Къ счастью, на выручку вскорѣ подоспѣлъ Ричардъ и, узнавъ о жестокости и коварствѣ Исаака, высадился на берегъ, напалъ на его войска и въ короткое время сломилъ ихъ, послѣ чего Лимиссоль достался Ричарду. Императоръ бѣжалъ внутрь острова.

Ричардъ и его люди отдыхали здѣсь нѣсколько времени, когда къ нимъ явились три корабля, на которыхъ пріѣхали король Гвидо Іерусалимскій и его приближенные изъ Сиріи; этимъ они хотѣли расположить Ричарда къ себѣ.

А между тѣмъ императоръ Исаакъ уже понялъ свою ошибку въ отношеніи къ такому воинственному рыцарю, какъ Ричардъ, и началъ мирные переговоры, которые были уже кончены, когда Исаакъ неожиданно скрылся; говорятъ, онъ бѣжалъ, спасаясь отъ вѣроломства Ричарда, о чемъ его будто бы предупредили раньше.

Ричардъ объявилъ императора клятвопреступникомъ, нарушителемъ мира, оставилъ свой флотъ у береговъ Кипра, а самъ спѣшно направился внутрь страны, разбилъ Исаака, захватилъ сильные крѣпости и замки кипрскіе, послѣ чего Исаакъ сдался на милость побѣдителя, былъ

закованъ въ серебряныя цѣпи и заключенъ въ одномъ изъ сирійскихъ замковъ, гдѣ и умеръ.

VI. Новая христіанская колонія. Подъ Акконом̆ъ.

Совершенно неожиданно, благодаря случайностямъ, христіане пріобрѣли на Востокѣ новую прекрасную колонію. Ричардъ быстро устроилъ здѣсь дѣла, поручилъ островъ вѣдѣнію и защитѣ рыцарства, оставилъ въ нѣсколькихъ городахъ гарнизоны и 5-го іюня отплылъ въ Сирію; дорогой онъ истребилъ непріятельскій корабль съ войскомъ и провіантомъ и прибылъ 8-го іюня въ станъ крестоносцевъ подъ Акконом̆ъ, когда имя его, какъ грознаго побѣдителя, гремѣло уже на Востокѣ.

Вы видите, насколько постепенно измѣнялись взгляды на основную цѣль крестовыхъ походовъ у главарей ихъ. Европа теперь поднималась на это дѣло горячѣе, увѣреннѣе и единодушнѣе, чѣмъ прежде; но чистаго, идейнаго взгляда на это,—взгляда Готтфрида Бульонскаго, Фридриха Барбароссы,—ихъ преданности этому дѣлу не было и въ поминѣ; не было и объединяющей силы, и вскорѣ послѣ единодушнаго выступленія крестоносное ополченіе разбивалось на части и въ такомъ видѣ прибывало въ Святую Землю, гдѣ оно скорѣе умирало по частямъ, нежели наносило серьезные удары могуществу мусульманъ на Востокѣ.

Въ концѣ-концовъ уже дорогой начавшіе вѣковые раздоры Ричардъ и Филиппъ внесли смуту свою подъ Акконом̆ъ и въ ряды своихъ единовѣрцевъ, которые и сами-то находились въ обостренныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Тысячи людей приносили въ жертву героически и самоотверженно свою силу, свою жизнь, и все это должно было гибнуть отъ ничтожности душевныхъ качествъ ихъ руководителей, которые были самыми обыкновенными мелочными людьми. А для такой отвѣтственной роли необходимы были люди особенные, люди, стоящіе на много выше уровня обыкновеннаго человѣка.

VII. Подъ Акконом̆ъ.

Вы помните, что король Гвидо, освобожденный Саладиномъ, собралъ остатки своего войска и хотѣлъ соединиться съ Конрадомъ Монферратскимъ въ Тирѣ, но тотъ сурово отстранилъ его.

Тогда Гвидо направился къ Аккону и 27-го августа 1189 года обложилъ его и нѣсколько разъ штурмовалъ крѣпость.

Саладинъ поспѣшилъ на выручку Аккону, и горсть христіанъ была бы неминуемо раздавлена, если бы въ это время какъ-разъ не подоспѣли имъ на помощь значительныя флотиліи европейцевъ съ тысячами крестоносцевъ изъ Даніи, Фландріи, Англіи, Франціи и Италіи.

Нужно ли было именно теперь браться за такое трудное дѣло, какъ осада Аккона? Историки утверждаютъ, что важнѣе всего въ то время было подорвать силу Саладина на открытомъ мѣстѣ, потому что случись это, крѣпости и города не могли бы сопротивляться болѣе и сами бы сдались безъ бою. Кромѣ того, у христіанъ были въ Сиріи важные пункты, какъ Антіохія, Триполисъ, Тиръ, и Акконъ пока не могъ имѣть большого значенія для крестоносцевъ. Нѣкоторые приписываютъ это просто капризу и взбалмошности короля Гвидо. Дѣло въ томъ, что Тиръ являлся послѣд-

нимъ остаткомъ Іерусалимскаго королевства; но онъ былъ въ рукахъ Карла Монферратскаго, враждебно настроеннаго противъ Гвидо. Эти обстоятельства будто бы и побудили Гвидо во что бы то ни стало занять Акконъ, чтобы имѣть свой пунктъ, который не уступалъ бы Тиру.

VIII. Крѣпость Акконъ.

Съ давнихъ поръ Акконъ былъ многолюднымъ, крѣпкимъ городомъ; Саладинъ еще больше укрѣпилъ его и оставилъ въ немъ сильный гарнизонъ подъ командой эмира Богаэддинъ - Каракушъ.

Въ началѣ сентября крестоносцы кольцомъ обложили весь городъ. Съ великимъ трудомъ, послѣ долгаго боя магометане прорвали это живое кольцо и пробрались въ городъ. Но христіане не дрогнули и ущерба отъ того не испытали никакого, такъ какъ силы ихъ время-отъ-времени все увеличивались. Прибыли новыя полчища крестоносцевъ, прибылъ ландграфъ Людвигъ Тюрингенскій, а съ нимъ—Конрадъ Монферратскій, убѣжденный первымъ къ перемирію съ королемъ Гвидо.

Вскорѣ послѣ этого крестоносцы сдѣлали попытку сразиться на открытомъ мѣстѣ съ Саладиномъ, и сначала счастье какъ бы покровительствовало имъ. Но въ концѣ-концовъ они отступили къ Аккону съ большими потерями. Здѣсь они укрѣпились новыми валами, бастіонами, предполагая надолго осаждать крѣпость и оказывать отчаянное сопротивленіе натискамъ Саладина. Но и гарнизонъ въ то время получилъ подкрѣпленіе, готовясь къ долгой «отсидкѣ» за стѣнами крѣпости.

Наступила зима, съ нею — холодъ, сырость дожди, слякоть. Лагерь христіанъ представлялъ изъ себя какое-то грязное болото; къ этому примѣшивалась нужда въ съѣстныхъ припасахъ, и, наконецъ, все разрѣшилось повальной болѣзнью — моровой язвой, отъ которой погибла не одна тысяча людей. Саладинъ отослалъ часть войска на зимнія квартиры, а самъ съ другой частью отступилъ въ глубь страны. Христіанъ поддерживала надежда на весну и тепло и на помощь императора Фридриха Барбороссы, который въ то время находился еще въ пути, какъ они слышали.

IX. Тревога Саладина.

Мрачныя думы одолѣвали могущественнаго султана за послѣднее время все больше и больше. Съ тревогой и боязнью пытливо вглядывался онъ въ будущее и не находилъ тамъ ничего отраднаго, успокоительнаго для себя и народа.

Правда, у крестоносцевъ нѣтъ главы, руководителя, но это восполнялось тѣмъ, что Европа непрерывно посылала имъ на подмогу все свѣжія и свѣжія силы. Кромѣ того, крестоносцы были, каждый порознь, предпріимчивы, неутомимы и при толковомъ управленіи могли совершать чудеса храбрости.

А у него? Вся сила, вся защита лежала на немъ одномъ. Лучшія части его войска открыто негодовали на продолжительность войны, и онъ, султанъ, съ трудомъ уже сдерживалъ ихъ. А сколько у него враговъ среди мелкихъ владѣтелей Ирана, Аравіи, Марокко, Багдадскаго халифата!.. Онъ обращается къ нимъ за помощью,—они въ отвѣтъ съ улыбкой льстиво восхваляютъ его героизмъ,—и только, а призывъ его оставался неуслышаннымъ. Мелочная

зависть и злоба противъ его генія выжидательно смотрѣли на него, и только. Они всѣ забывали общее дѣло во имя личнаго, мелочного чувства.

Наступила весна, и крестоносцы дѣятельно стали готовиться къ разрушенію Аккона. Изъ Италіи доставили лѣсъ и быстро построили огромныя осадныя башни, выше стѣнъ Аккона.

Саладинъ снова собралъ свои силы и началъ безъ устали дѣлать одно нападеніе за другимъ на лагерь крестоносцевъ. Жестокій бой шелъ изо дня въ день съ перемѣннымъ счастьемъ. Непріятелю удалось сжечь башни и тѣмъ обречь крестоносцевъ на временную бездѣятельность. Но зато когда Саладинъ черезъ нѣкоторое время снова ударилъ на нихъ, отчаяніе осаждающихъ дошло до крайности, такъ что даже Саладинъ отступилъ съ большимъ урономъ.

X. Подкрѣпленіе.

Въ концѣ іюля къ крестоносцамъ подошло новое подкрѣпленіе—изъ Франціи и Англіи. Главнымъ лицомъ этихъ ополченій являлся графъ Генрихъ Шампанскій. Силы прибыли, но внутренніе раздоры все росли и росли. Они происходили отъ старинной вражды Гвидо съ Конрадомъ и, кромѣ того, отъ племенной вражды французовъ, англичанъ, итальянцевъ къ нѣмцамъ, которымъ не везло на Востокѣ съ давнихъ поръ.

И вдругъ въ довершеніе всего приходитъ вѣсть о гибели Фридриха Барбароссы и раздробленіи нѣмецкой арміи. Вѣсть эта поразила всѣхъ страшно и еще болѣе обострила общія отношенія къ нѣмцамъ.

Миновалъ еще годъ, а дѣло съ осадой Аккона не подвигалось впередъ, хотя уже стоило большихъ жертвъ со стороны крестоносцевъ.

XI. Тяжелое положеніе.

Зима 1190—1191 года была особенно тяжела для христіанъ. Нужда, голодъ въ лагерѣ достигли послѣдняго предѣла. Падаль считалась лакомствомъ, отнимали кости у собакъ и обгладывали; отъ голодовки начались страшныя болѣзни, и нерѣдко изъ-за хлѣба воины переходили на сторону непріятеля и отрекались отъ христіанства...

Лучшіе благочестивые люди того времени пришли на помощь страданіямъ несчастныхъ. Вытащили на берегъ корабль и устроили въ немъ лазаретъ, гдѣ больнымъ и слабымъ оказывали хорошій уходъ и вниманіе. Это учрежденіе, вродѣ Іоаннитскаго ордена въ Іерусалимѣ, явилось началомъ нѣмецкаго рыцарскаго ордена.

Осенью 1190 года умерла жена короля Гвидо, и маркграфъ Конрадъ заявилъ свое притязаніе на іерусалимскій престолъ, который, какъ онъ смѣло и открыто увѣрялъ, былъ потерянъ Гвидо, благодаря его неумѣлости. Понятно, это дало поводъ къ новымъ ссорамъ и непріятностямъ, и только сознаніе близости Саладина еще мало-мальски сдерживало враговъ, чтобы не начать междоусобную войну открыто.

Кое-какъ перебились зиму, зато весна принесла крестоносцамъ громадную помощь.

XII. Англичане и французы.

Весной 1191 года высадились на Сирійскомъ побережьѣ Филиппъ II, а слѣдомъ за нимъ Ричардъ. Кромѣ того, подоспѣло небольшое нѣмецкое войско герцога Леопольда Австрійскаго. Но они вмѣстѣ съ живою

силой внесли сюда и новую вражду. Какъ образчикъ ея, приведемъ вотъ какой случай.

Филиппъ II и Леопольдъ стояли на сторонѣ Конрада; но вы помните, что Ричарда на о. Кипрѣ предупредительно встрѣтилъ король Гвидо и тѣмъ какъ бы завербовалъ его на свою сторону. Такимъ образомъ, христіанскій лагерь разбился на двѣ сильныя партіи.

Ричардъ сталъ предлагать воинамъ присоединиться къ нему, давая по 4 червонца, тогда какъ Филиппъ давалъ всего 3. Раздраженный этимъ, Филиппъ напомнилъ Ричарду о договорѣ между ними передъ началомъ крестоваго похода, чтобы всѣ завоеванія дѣлить поровну, и потребовалъ половину о. Кипра. Хорошо,—сказалъ Ричардъ, но тогда Филиппъ долженъ предоставить ему половину имущества только-что умершаго графа Фландрскаго, Филиппа.

Вотъ какими ссорами занимались предводители тысячъ крестоносцевъ, да еще въ виду такого опаснаго сосѣда-врага, какимъ былъ султанъ Саладинъ. И, конечно, всѣ эти пререканія страшно вредили дѣлу осады Аккона, а слѣдовательно,—и дальнѣйшимъ дѣламъ. И тѣмъ не менѣе, значитъ, велика была сила крестоносныхъ ополченій, если, несмотря на все это, они мало-по-малу дѣлали значительные успѣхи.

Между тѣмъ Саладинъ всѣми силами поддерживалъ Акконъ и звалъ на помощь другихъ владѣтелей, указывая на то, что за христіанами — море, которое безпрерывно приноситъ все новыя и новыя силы, и полчища христіанъ растутъ день-ото-дня; указывалъ опасности въ будущемъ, если христіане окрѣпнутъ и утвердятся въ Святой Землѣ. Но всѣ эти призывы были тщетны.

Съ іюня 1191 года уже начались переговоры между начальниками крѣпости Аккона и крестоносцами о сдачѣ крѣпости со всѣми ея запасами и снарядами, о выдачѣ святого креста и объ освобожденіи христіанскихъ рыцарей и латниковъ изъ плѣна. Гарнизонъ могъ вернуться къ Саладину, который обязанъ за то уплатить 200.000 червонцевъ, въ обезпеченіе чего было оставлено большое число заложниковъ.

Переговоры эти были вскорѣ закончены, такъ какъ гарнизонъ отчаялся въ возможности сдержать силу крестоносцевъ, и послѣдніе съ восторгомъ заняли Акконъ, и на стѣнахъ и башняхъ поднялись христіанскія знамена.

Съ горечью подписалъ Саладинъ это перемиріе и удалился въ глубь страны собирать новыя силы для дальнѣйшихъ битвъ и защиты Іерусалима.

Цѣлый рядъ неудачъ, сопровождаемыхъ гибелью людей, нуждой, униженіемъ, всетаки не могли образумить главныхъ предводителей крестоносныхъ ополченій. И послѣ этой побѣды вражда не только не угасла, а, напротивъ, разросталась все шире и шире, разливаясь огнемъ по всему лагерю.

И только вражда Конрада съ Гвидо, наконецъ, окончилась условіемъ, что послѣ смерти короля Гвидо ему наслѣдуетъ Конрадъ; пока же послѣдній долженъ былъ получить Тиръ, Бейрутъ и Сидонъ, а братъ Гвидо, Готфридъ Лузиньянскій,—Іоппе.

XII. Отъѣздъ Филиппа II.

Вскорѣ послѣ того Филиппъ сталъ собираться уѣзжать домой, ссылаясь на болѣзнь; но говорили, будто онъ опасался за свою жизнь, такъ какъ яко-бы былъ составленъ противъ него заговоръ между Ричардомъ и Саладиномъ.

Проще же всего было предполагать, что Филиппъ торопился предъявить свои права на наслѣдство умершаго недавно графа Фландрскаго, Филиппа.

Ричардъ Львиное Сердце былъ крайне возмущенъ этимъ. Во-первыхъ, борьба съ Саладиномъ только еще начиналась, а во-вторыхъ, онъ боялся, какъ бы въ отсутствіе его Филиппъ не напалъ на англійскія владѣнія, и во избѣжаніе этого потребовалъ отъ Филиппа клятвы, что онъ не тронетъ англійскихъ владѣній.

Французское войско раздѣлилось на двѣ части; одна осталась въ Сиріи подъ командой герцога Бургундскаго Гуго и Генриха Шампанскаго, а другая отплыла съ королемъ во Францію.

XIII. Подъ Аскалономъ.

Саладинъ не могъ уплатить 200,000 червонцевъ сразу, и тогда Ричардъ позволилъ себѣ отвратительный поступокъ: избилъ 2,000 ни въ чемъ неповинныхъ заложниковъ. Этимъ онъ лишилъ крестоносцевъ денегъ и, кромѣ того, побудилъ и Саладина устроить страшную рѣзню христіанскихъ плѣнниковъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Ричардъ вывелъ войско изъ Аккона. Задача предстояла впереди тяжелая. Необходимо было сломить силу Саладина и вернуть Іерусалимъ, какъ главу владычества христіанъ на Востокѣ. Но вмѣсто этой прямой цѣли главное войско рѣшило почему-то тратить свои силы на побочныя дѣла. Теперь представилась мысль взять Аскалонъ, уклонясь отъ прямого пути. Передвигаться пришлось по берегу на югъ, и передвиженіе это было сопряжено съ большими трудностями, такъ какъ почва и климатъ не благопріятствовали этому, и попутные города и мѣстечки были заранѣе намѣренно разрушены Саладиномъ.

По пути, подъ городомъ Арзуфомъ, султанъ попытался, было, остановить христіанъ, но Ричардъ разбилъ его и двинулся дальше, къ разрушенному уже Іоппе, гдѣ и остановился на отдыхъ передъ приступомъ къ Аскалону.

Не хотѣлось султану разорять Аскалона— этой «Сирійской невѣсты», которая служила какъ бы соединительнымъ звеномъ между Сиріей и Египтомъ. Но у него въ войскѣ шли нелады, и крестоносцы были еще очень сильны. Съ болью въ сердцѣ отдалъ онъ распоряженіе подкопать и разрушить стѣны Аскалона.

Идти на Аскалонъ было теперь поздно, и рѣшили лучше возстановить Іоппе и начать отсюда войну съ Іерусалимомъ.

Но Ричардъ, несмотря на свою удивительную отвагу и пренебреженіе къ смерти, не годился въ военачальники и не обладалъ достаточной выдержкой, чтобы довести до конца большое предпріятіе. Онъ размѣнивался больше на мелкія стычки съ непріятелемъ, на рискованные наѣзды и единоборства.

Часть войска была оставлена для возведенія Іоппе, другая часть отправилась въ глубь страны, возстановила нѣсколько замковъ и остановилась, наконецъ, въ развалинахъ Рамлы и Лидды.

XIV. Печальныя послѣдствія.

Дѣло велось, что называется, спустя рукава, и это отразилось на войскѣ и пилигримахъ, которые стали вести веселую, разгульную жизнь, уклонялись отъ работы, переходили къ непріятелю. Съ тру-

Ричардъ Львиное Сердце въ битвѣ при Арзуфѣ.

домъ короли Гвидо и Ричардъ возстановляли порядокъ и возвращали бѣглецовъ. Но хуже было то, что Конрадъ Тирскій, отчаявшись, что такимъ путемъ можно сломить Саладина, началъ вести мирные переговоры съ послѣднимъ. Да и Ричардъ, напуганный вѣстями съ родины, будто бы ему угрожаютъ его братъ, Іоаннъ, и король Филиппъ, тоже началъ подобные переговоры съ Саладиномъ, — и миръ

былъ бы заключенъ тотчасъ же, если бы христіане удовлетворились скромными требованіями — оставить имъ мѣстности, гдѣ они теперь находились, и получить Іерусалимъ. Но Ричардъ былъ неустойчивъ,— давалъ слово и нарушалъ его, и, наконецъ, неожиданно двинулся въ походъ противъ Іерусалима. Уже на полпути Ричардъ сталъ сомнѣваться въ успѣхѣ этого предпріятія, составилъ военный совѣтъ, чтобы обсудить, предпринимать ли осаду Іерусалима, который былъ, конечно, сильно укрѣпленъ Саладиномъ. Совѣтчики сознались, что городъ едва ли можно взять силой, и совѣтовали не идти; большинство же, съ которымъ и не совѣтовались, рвалось къ Іерусалиму, желая хотя бы подорвать силу Саладина. Но Ричарду первое предположеніе было болѣе необходимо, и онъ остановилъ походъ на Іерусалимъ и отдалъ приказъ идти на Аскалонъ.

Была буря, лилъ дождь, когда дошелъ до раздраженныхъ, измученныхъ крестоносцевъ приказъ Ричарда. Съ бранью, проклятіями и слезами на глазахъ направились они къ Аскалону, вѣрнѣе—къ развалинамъ города; но тамъ работа закипѣла живо. Словно по волшебству, выростали дома, поднимались стѣны, выпучивались валы.

Однако, дружную работу внезапно прервала кровавая распря подъ Аккономъ среди крестоносцевъ-итальянцевъ, пизанцевъ и генуэзцевъ. Первые перешли на сторону англичанъ и короля Гвидо, а вторые — къ маркграфу Конраду. И послѣдній пошелъ уже приступомъ на Акконъ, на своихъ же, и только подоспѣвшій Ричардъ остановилъ во-время эту междоусобицу.

XV. Конрадъ-король.

Это было въ 1192 году. Ричардъ началъ, было, рѣзкій споръ съ Конрадомъ, осуждая его въ этомъ безпорядкѣ; но въ это время дошли до него новые слухи, что въ Англіи его престолу грозитъ неминуемая бѣда, и Ричардъ объявилъ, что онъ долженъ покинуть Сирію. Теперь надо было только поскорѣе уладить все разраставшійся споръ за Іерусалимское королевство, назначить, наконецъ, законнаго короля. Большинствомъ голосовъ выбранъ былъ Конрадъ, какъ единственный храбрый, распорядительный и дальновидный военачальникъ того времени, который одинъ еще могъ, хотя и съ трудомъ, поддержать іерусалимскій престолъ.

Не по душѣ было Ричарду это избраніе, но онъ спѣшилъ отплыть на родину и согласился на все.

Объявленіе Конрада королемъ во многихъ городахъ встрѣтили охотно; особенно ликовалъ Тиръ, тѣмъ болѣе, что въ это самое время пришло согласіе Саладина заключить союзъ съ Конрадомъ, причемъ султанъ оставлялъ въ рукахъ христіанъ все, чѣмъ они уже владѣли, кромѣ Аскалона и нѣкоторыхъ частей Палестины и Святого Города.

Все было прекрасно, но внезапно 28-го апрѣля 1192 года въ Тирѣ Конрадъ былъ убитъ, кѣмъ — неизвѣстно, и все дѣло приняло неблагопріятный для крестоносцевъ сразу оборотъ.

XVI. Избраніе новаго короля.

Теперь снова внутреннему и внѣшнему миру Іерусалима стала грозить жестокая опасность. Но раздумывать да горевать долго было некогда. Время было для того слиш-

Свиданіе Ричарда съ Саладиномъ.

комъ опасное. Короля Гвидо никто не желалъ, и выборъ палъ на французскаго вельможу, графа Генриха Шампанскаго, который пріобрѣлъ любовь и уваженіе всего Тира и даже своего дяди, Ричарда Львиное Сердце. Графъ Шампанскій взялъ за себя замужъ вдову Конрада Монферратскаго и тѣмъ наслѣдовалъ послѣднему іерусалимскій престолъ. Король Гвидо былъ назначенъ Ричардомъ правителемъ о. Кипра.

И все-таки, хотя дѣла теперь были уже улажены, Ричардъ не поѣхалъ въ Англію, а направился на сосѣднюю съ Аскалономъ крѣпость Дарумъ. А въ это время печальныя извѣстія изъ Англіи все усиливались. Ричардъ, было, снова заявилъ о своемъ отъѣздѣ, но этимъ только раздражилъ все войско. Пусть ѣдетъ,—говорили досадливо всѣ, они и безъ него отважатся напасть на Іерусалимъ. Испугался гордый Ричардъ этого рѣшенія, долго ломалъ голову, какъ поступить ему, и рѣшилъ, наконецъ, остаться въ Сиріи еще на годъ—лѣто и зиму,—какія бы извѣстія ни приходили съ его родины.

XVII. Опять неудачи.

Да, неудачи преслѣдовали христіанъ снова. А между тѣмъ виды на успѣхи были немалые. Лѣто стояло сухое, благопріятное. Сила войскъ у Саладина была на много меньше, такъ какъ онъ еще не собралъ отпущенныхъ имъ зимой значительныхъ войскъ, не разсчитывая на стойкость христіанъ. Кромѣ того, немногіе стояли за то, чтобы защищать Іерусалимъ; большинство предлагало разбить сначала крестоносцевъ въ открытомъ полѣ.

Ясно видѣлъ Саладинъ, какое настроеніе царитъ въ его арміи, которая не хочетъ вторично выносить тяжелую, утомительную осаду за стѣнами Іерусалима. И этотъ сильный человѣкъ, непобѣдимый до того вождь, въ тишинѣ ночей проливалъ горькія слезы, чувствуя свое полное одиночество и ясно видя, какъ гибнетъ мало-по-малу, гибнетъ безповоротно такъ успѣшно начатое имъ дѣло...

Но Ричардъ не былъ страшенъ для Саладина, благодаря его горячности, взбалмошности и неспособности съ выдержкой вести все дѣло. Дойдя до одного пункта передъ Іерусалимомъ, Ричардъ остановился и здѣсь съ увлеченіемъ занимался стычками съ мелкими отрядами, ограбленіемъ каравановъ, а самъ жаловался на то, что стѣны Іерусалима неодолимы и взять городъ невозможно.

Подъ впечатлѣніемъ этого у него даже возникла мысль, что лучше идти на Египетъ, на Дамаскъ. И его рыцари охотно соглашались съ этимъ, но французы съ сердцемъ издѣвались надъ непостоянствомъ короля. Весь лагерь былъ охваченъ открытой, ядовитой враждой, а изъ этого могло выйти въ дальнѣйшемъ очень мало толку.

XVIII. Защита Іоппе.

Тогда Ричардъ возобновилъ переговоры о мирѣ съ Саладиномъ, но послѣдній держалъ себя крайне сдержанно, потому что видѣлъ, насколько его положеніе лучше положенія крестоносцевъ; онъ даже перешелъ, наконецъ, въ наступленіе, двинулся къ Іоппе и захватилъ его ворота и цитадель.

Положеніе христіанъ было особенно тяжелое, тѣмъ болѣе, что значительное число пилигримовъ разошлось, скорбя объ общемъ положеніи дѣла и разочаровавшись въ военномъ талантѣ Ричарда, который выказывалъ свое неумѣніе справиться съ общимъ дѣломъ борьбы съ Саладиномъ. Англичане открыто возставали противъ французовъ, и вождь послѣднихъ, Гуго Бургундскій, даже отказался отъ союза съ Ричардомъ и удалился въ Тиръ.

Ричардъ былъ въ Акконѣ, когда до него дошла печальная вѣсть о нападеніи мусульманъ на Іоппе. Съ быстротой молніи собралъ онъ свою армію, отплылъ къ Іоппе и 1-го августа 1192 года напалъ на мусульманъ, отбилъ ворота, ворвался въ го-

Ричардъ освобождаетъ Іоппе.

родъ и выгналъ непріятеля изъ цитадели.

Нѣсколько дней спустя, Саладинъ снова думалъ смять небольшой отрядъ короля. Но Ричардъ не сдался, не отступилъ и все время отражалъ нападенія противниковъ настолько смѣло, богатырски и стойко, что не только удержалъ за собой всѣ позиціи, но нанесъ значительныя потери мусульманамъ...

XIX. Перемиріе.

Около этого времени отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и волненій въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ здоровье Саладина пошатнулось, и онъ слегъ. Неудачи привели ратное дѣло къ миру; впрочемъ, Ричардъ и тутъ не сумѣлъ воспользоваться своими побѣдами. Ему было теперь не до того; онъ рвался домой, въ Англію, и, чтобы ускорить вопросъ о мирѣ, пошелъ на значительныя уступки и еще болѣе ухудшилъ общее положеніе христіанъ на Востокѣ позорнымъ заключеніемъ даже не мира, а перемирія на три года. По этому договору Іерусалимъ остался за мусульманами, святой крестъ не былъ выданъ; плѣнные христіане были оставлены на произволъ судьбы въ ихъ тяжеломъ положеніи; Аскалонъ подлежалъ полному уничтоженію.

У христіанъ оставался только берегъ отъ Іоппе до Тира да остатки сѣверно-сирійскихъ владѣній. Пилигримамъ позволено посѣщать Іерусалимъ для поклоненія Гробу Господню и молитвъ, но безоружнымъ.

Горе, досада, ярость охватили крестоносцевъ при извѣстіи о подобномъ мирѣ. И это послѣ тѣхъ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ, которые принесли они и павшіе ихъ товарищи!.. Даже плѣнные, которые ранѣе сражались на-ряду со всѣми, не могли вздохнуть, наконецъ, свободно послѣ тяжелыхъ испытаній и должны были попрежнему томиться въ сырыхъ тюрьмахъ, окованные ржавыми цѣпями!..

Не удовлетворяло это перемиріе и Саладина. Дѣло его было совершено наполовину,—много замковъ и крѣпостей еще находилось въ рукахъ у крестоносцевъ, и духъ Готтфрида Бульонскаго не покидалъ послѣднихъ. Если возникали ссоры и распри, то благодаря алчности, самолюбію и неумѣнію предводителей, которые своими промахами унижали достоинство и національную гордость своего народа. Бывали и отдѣльные случаи, когда пилигримы внезапно унижали свое святое, великое дѣло необузданными злодѣяніями и невоздержностью. Но, въ общемъ, старое стремленіе освободить Святой Гробъ и распространить господство христіанъ надъ Востокомъ оставалось въ прежней силѣ.

Третій Крестовый походъ завершился такими крупными, безотрадными результатами, благодаря геніальности и рѣдкой силѣ воли Саладина, съ одной стороны, и ничтожества предводителей крестоносцевъ, особенно же благодаря взбалмошности, непостоянству и узкости взглядовъ короля Ричарда. Историки прямо утверждаютъ, что онъ почти способствовалъ тому, чтобы Іерусалимъ не былъ снова завоеванъ, хотя и отличался своею неудержимой отвагой и рѣдкой физической силой...

9-го октября Ричардъ отплылъ изъ Сиріи. Но путь его въ Англію былъ преисполненъ неудачъ и затрудненій. Его намѣстникъ въ Англіи, епископъ Эли, нажилъ за время отсутствія короля множество враговъ, во главѣ которыхъ стоялъ братъ Ричарда, Іоаннъ Безземельный. Свергнувъ Эли, послѣдній добивался овладѣть англійскимъ престоломъ, и ему помогалъ въ этомъ французскій король Филиппъ, который лично ненавидѣлъ Ричарда Львиное Сердце. Германія тоже была сердита на Ричарда, который способствовалъ униженію въ Сиріи нѣмецкихъ крестоносцевъ, особенно герцогъ Леопольдъ, оскорбленный въ

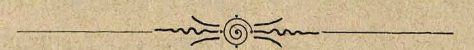
Акконѣ Ричардомъ, и сынъ Фридриха I, Генрихъ VI.

Ричардъ все-таки рѣшилъ тайкомъ пробраться по враждебнымъ землямъ, но подъ Вѣной герцогъ Леопольдъ схватилъ его и заточилъ въ замкѣ, на берегу Дуная.

Императоръ Генрихъ, обрадованный тѣмъ, что страшный противникъ его очутился въ заточенiи, выкупилъ его у Леопольда за 50,000 марокъ и сталъ требовать съ короля болѣе крупную сумму за выкупъ и, кромѣ того, военной помощи и признанiя Ричарда себя вассаломъ Генриха VI. И король Филиппъ, и Iоаннъ были противъ Ричарда; но ужъ тогда весь англiйскiй народъ поднялся на защиту своего короля Ричарда, узнавъ объ его нежданной-негаданной бѣдѣ; вступился за Ричарда и папа Целестинъ III.

Все это принудило Генриха VI отпустить короля на свободу за 150,000 марокъ серебра и за ленную присягу Ричарда.

Съ восторгомъ принялъ народъ Ричарда, но король оказалъ ему мало помощи. Онъ покорилъ Iоанна, вступилъ въ продолжительныя войны съ королемъ Филиппомъ и всѣмъ этимъ только утомлялъ народъ все больше и больше. Онъ умеръ 6-го апрѣля 1199 года, въ одномъ изъ незначительныхъ сраженiй.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Четвертый Крестовый походъ.

I. Смерть Саладина.

Султанъ Саладинъ послѣ перемирiя съ Ричардомъ объѣхалъ Сирiю, разстроенную войнами, возвелъ новыя укрѣпленiя, успокоилъ народъ; но это были уже послѣднiя его распоряженiя, и въ началѣ 1193 года онъ умеръ въ Дамаскѣ, такъ какъ бурныя событiя, волненiя боевыхъ операцiй окончательно подорвали его силы.

Смерть его избавила христiанъ отъ самаго страшнаго ихъ противника, который обладалъ не только смѣлостью и ловкостью командованiя своими силами, но и широтой взглядовъ на дѣло и рѣдкой дальновидностью. Военные таланты его, щедрость, доброта и справедливость оставили рѣдкую добрую память о немъ въ современникахъ и въ дальнѣйшихъ потомствахъ.

Послѣ Саладина осталось семнадцать сыновей, между которыми онъ самъ такъ раздѣлилъ свои обширныя владѣнiя: старшiй, Алафдаль, получилъ Дамаскъ и Южную Сирiю, съ титуломъ султана; Аназисъ—Египетъ, а Азагиръ — Галебъ. Остальные сыновья Саладина, какъ и братъ его, Альмеликъ Аладинъ, должны были удовольствоваться отдѣльными крѣпостями.

II. Вражда.

Самое раздѣленiе государства должно было непремѣнно гибельно подѣйствовать на цѣльность и мощь Саладиновыхъ областей. Недальновидный, неспособный Алафдаль

быстро возбудилъ противъ себя вражду неумѣлымъ правленіемъ и потерялъ свое могущество въ пользу Аназиса Египетскаго. Но Аназисъ скоро умеръ, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына; и тогда всю власть, всѣ земли постепенно захватилъ въ свои руки умный, хитрый Альмеликъ, братъ Саладина.

Онъ сталъ повелителемъ Египта, Сиріи, Месопотаміи, затѣмъ — горной страны Сѣверной Месопотаміи и Аравіи и былъ объявленъ султаномъ, а калифъ наградилъ его титуломъ «короля королей, друга князей вѣрныхъ». Въ лицѣ его поднималась новая, страшная сила противъ христіанъ, но на это потребовалось очень много лѣтъ.

III. Силы христіанъ.

Между тѣмъ силы христіанъ на Востокѣ были незначительны. По берегу отъ Тира до Іоппе правилъ графъ Генрихъ Шампанскій, у котораго въ рукахъ были пока остатки рыцарскихъ отрядовъ и пилигримовъ послѣ окончанія Крестоваго похода. Да и на сѣверѣ Сиріи, въ Антіохіи и Триполисѣ дѣла обстояли не лучше; тамъ за счастье считали, что удалось удержать отъ дѣйствій враговъ главные города и области княжествъ Антіохіи и Триполиса.

Оба эти княжества какъ бы слились вмѣстѣ. Въ Антіохіи правилъ Боэмундъ III; въ Триполисѣ въ 1187 году послѣдній графъ Тулузскаго рода, Раймундъ III, передалъ передъ смертью Триполисъ старшему сыну Боэмунда III, Раймунду Антіохійскому. А затѣмъ оба княжества такъ и остались подъ одной властью до конца господства на Востокѣ христіанъ.

IV. Новый противникъ Антіохіи.

Освободясь отъ Саладина, Антіохія, однако, нажила себѣ новаго опаснаго врага, и тѣмъ болѣе опаснаго, что онъ явился совершенно неожиданно. Это былъ князь Армянскій, Левъ II, человѣкъ хитрый, честолюбивый, не стѣснявшійся, гдѣ нужно, прибѣгать и къ насилію.

Подъ шумокъ, во время исполненія грандіознаго замысла Саладина, Левъ II прочно устраивалъ свое княжество и, смотря по надобностямъ, сражался то съ Византіей, то съ Антіохіей, то съ мусульманами.

Такимъ путемъ удалось ему захватить всю Киликію, Исаврійскій берегъ — на западѣ и мѣстности на востокъ отъ Киликіи, въ Эвфратезе. Однако, всего этого ему казалось мало, и для достиженія большаго онъ лицемѣрно сближалъ своихъ подданныхъ съ франками. Ради болѣе тѣснаго сближенія онъ, въ концѣ-концовъ, мечталъ подчинить всю страну римскому папѣ, освободившись отъ византійской опеки, и за то получить королевскую корону. Устройство правленія, обычаи, законы онъ перенялъ отъ крестоносцевъ. Онъ строилъ замки, сажалъ туда своихъ вассаловъ, приглашалъ на службу бароновъ, рыцарей духовныхъ орденовъ, купцамъ давалъ огромныя льготы.

Наконецъ, онъ даже женился на дочери Боэмунда III, хотя это не помѣшало ему, выждавъ случая, напасть тайкомъ на Боэмунда и захватить его въ плѣнъ. Отпустивъ его затѣмъ на свободу, Левъ взялъ за то съ антіохійскаго князя ленную присягу, а свою племянницу выдалъ замужъ за старшаго сына Боэмунда III, Раймунда. Раймундъ вскорѣ умеръ, но послѣ него остался сынъ Рубенъ, на котораго Левъ II смотрѣлъ какъ на законнаго наслѣдника Антіохіи.

Планъ его былъ—слить своихъ поддан-

ныхъ съ выходцами Запада, чтобы впослѣдствіи остановить побѣдоносный походъ ислама противъ христіанъ вообще. Но собственно крестоносцы, сами по себѣ, не были способны оказать ему теперь такую поддержку. Они были слишкомъ разстроены. Вся надежда была на Западъ, который могъ продолжать присылать на Востокъ свѣжія подкрѣпленія или нѣтъ.

V. Взгляды Запада.

На Западѣ, несмотря на неудачные походы, которые истощали его, стремленія отвоевать-таки Іерусалимъ далеко не ослабѣли. На воззванія къ новому Крестовому походу папы Целестина III ни Франція, ни Англія не могли откликнуться только потому, что въ то время неугомонный Ричардъ Львиное Сердце велъ кровопролитныя битвы съ французами. Но зато въ отвѣтъ на это воззваніе подалъ свой голосъ нѣмецкій императоръ Генрихъ VI.

Уже въ 1194 году Генрихъ VI помирился съ враждовавшими съ нимъ вассалами и тѣмъ укрѣпился въ Германіи; вслѣдъ за тѣмъ Сицилійское королевство за смертью сицилійскаго короля перешло къ нему по наслѣдству черезъ его жену.

Послѣ этихъ событій взгляды Генриха VI все расширялись и расширялись. Въ Италіи у него были друзья и сторонники, и большая часть областей итальянскихъ была подчинена ему. Затѣмъ, вы помните, что Генрихъ отпустилъ изъ плѣна Ричарда, подчинивъ его себѣ ленной зависимостью; слѣдовательно, со стороны Англіи у него всегда была важная поддержка. Франція и Италія тоже признавали господство Генриха, а мусульмане съ береговъ Африки, лежавшихъ противъ Сициліи, посылали ему огромныя дани для поддержанія мирныхъ отношеній.

Генрихъ VI началъ мечтать о расширеніи своего могущества и на Востокѣ, завоевавъ Іерусалимъ и тѣмъ докончивъ дѣло, начатое его отцомъ, Фридрихомъ I, а также ослабивъ константинопольскаго императора.

Въ Византіи правилъ ничтожный Исаакъ Ангелъ, который своимъ неумѣлымъ правленіемъ ронялъ имперію годъ-отъ-году. Генрихъ VI потребовалъ отъ него прежде всего всѣхъ западныхъ провинцій, отъ Диррахія до Ѳесалоники, и помощи для Крестоваго похода. Но какъ-разъ въ это время Исаакъ былъ сверженъ съ престола (1195 г.), который былъ занятъ братомъ его, Алексѣемъ III.

Дальновидный Генрихъ VI въ бытность свою въ Палермо встрѣтилъ тамъ дочь Исаака Ангела, Ирину, вдову Рожера Сицилійскаго, и рѣшилъ обвѣнчать ее со своимъ братомъ Филиппомъ, чтобы тотъ могъ предъявить права на константинопольскій престолъ. Такимъ образомъ, послѣ сверженія съ престола Исаака въ рукахъ Генриха VI были права на престолъ Византіи, и онъ поставилъ это на видъ Алексѣю III.

Алексѣй III испугался этихъ домогательствъ и пошелъ на всѣ уступки, чтобы удовлетворить требованіямъ германскаго императора, и прежде всего внесъ огромный «нѣмецкій оброкъ».

Возвышеніе могущества германскаго императора повліяло на всѣ европейскія государства и отразилось даже на христіанскихъ владѣніяхъ на Востокѣ. Боэмундъ III находился въ ленной зависимости отъ него, и то же самое намѣревались произвести княжества Арменія и о. Кипръ, съ тѣмъ,

чтобы имѣть надежное покровительство во всякое время.

Въ 1195 году правитель о. Кипра, Гвидо, умеръ, и ему наслѣдовалъ братъ, Амальрихъ Лузиньянскій, который обратился съ предложеніемъ къ Генриху VI стать его вассаломъ.

VI. Приготовленія къ походу.

Между тѣмъ у нѣмцевъ шли уже дѣятельныя приготовленія къ новому Крестовому походу. Лѣтомъ 1195 года установлены были и крестовыя проповѣди; Генрихъ VI объявилъ, что въ теченіе года онъ будетъ содержать въ Святой Землѣ 1,500 рыцарей на свой счетъ. Онъ самъ лично началъ вести это дѣло, но ему мѣшали то частыя болѣзни его, то ссоры съ папой, который боялся возвышенія Генриха VI: нѣмцы могли стѣснить въ Святой Землѣ Римскую Церковь. Но твердая воля Генриха VI не падала, и въ теченіе полугода, къ веснѣ 1196 года были устроены имперскіе съѣзды, которые обнаружили, что во всѣхъ слояхъ общества сохранилось жгучее одушевленіе къ дѣлу освобожденія Іерусалима, какъ и въ былое время, причемъ самымъ рѣшительнымъ былъ Вормскій сеймъ, въ декабрѣ 1195 г. Уже зимой 1196 года двинулись первые отряды пилигримовъ въ Италію, а осенью 1197 года сильная армада (флотъ) изъ 44 судовъ съ 70,000 человѣкъ подъ командой императорскаго канцлера Конрада вышла въ море.

Генриха во главѣ похода не было, его задержали въ Европѣ домашнія дѣла.

Начало сраженій въ Святой Землѣ было не очень счастливо. Французы графа Генриха Шампанскаго встрѣтили нѣмцевъ крайне недружелюбно, съ насмѣшками ожидая ихъ подвиговъ.

Нѣмцы, желая зарекомендовать себя, не дождались прибытія всего войска и начали войну съ Альмеликомъ Аладиномъ, который вскорѣ разбилъ ихъ на-голову, а затѣмъ разрушилъ до основанія Іоппе.

Въ это время неожиданно умеръ графъ Шампанскій, и смерть его произвела замѣшательство среди христіанъ. Долго спорили, кого избрать преемникомъ ему, и нѣмцы настояли на выборѣ Амальриха Кипрскаго. Этотъ выборъ возмутилъ французовъ, и они почти всѣ покинули Святую Землю, возвратясь на родину.

Амальрихъ съ радостью принялъ королевское достоинство и женился на вдовѣ графа Шампанскаго, Елизаветѣ.

Оставшись одни, нѣмцы не смутились, но рѣшили приступить къ исполненію широко задуманнаго плана.

На Іерусалимъ было идти опасно, и они осадили Бейрутъ, который раздѣлялъ Аконъ, и Тиръ съ Триполисомъ и Антіохіей. Магометане заранѣе разрушили Бейрутъ, а у Сидона произошла между ними и христіанами кровопролитная битва, изъ которой христіане вышли побѣдителями и овладѣли Бейрутомъ. Въ городѣ были устроены празднества, тѣмъ болѣе, что въ это время король Амальрихъ вѣнчался государемъ Іерусалимскаго королевства.

VII. Смерть Генриха VI.

Ободренные этимъ успѣхомъ, нѣмцы уже готовились идти на Іерусалимъ, какъ вдругъ пришла вѣсть о смерти Генриха VI. Тревога среди князей и рыцарей нѣмецкаго ополченія, растерянность самого войска довели армію до того, что она и на этотъ

Битва подъ Аккономъ.

разъ быстро распалась и погибла въ мелкихъ стычкахъ съ мусульманами.

Князья рвались на родину, чтобы участвовать въ государственныхъ переворотахъ послѣ смерти короля. Теперь они уже не интересовались дѣлами на Востокѣ. Такъ; напримѣръ, осаждая замокъ Туронъ, вдругъ всѣмъ войскомъ овладѣла какая-то паника, и оно бросилось бѣжать къ берегу, снявъ осаду города. Послѣ этого, въ мартѣ 1198 года, нѣмецкіе пилигримы отправились на родину, а король Амальрихъ, оставшись безъ

поддержки, заключилъ перемиріе съ Аладиномъ.

Этимъ были разбиты гордыя, благородныя мечтанія нѣмцевъ, которымъ положительно не было счастья и удачи въ Палестинѣ.

Этотъ походъ доставилъ мало пользы, только немного тѣснѣе сблизилъ между собою разныя христіанскія владѣнія на Сирійскомъ побережьи, да, кромѣ того, въ Сиріи за время третьяго Крестоваго похода нѣмецкое госпитальное братство святой Маріи было обращено въ сильный рыцарскій орденъ.

Могущество рода Штауфеновъ, къ которымъ принадлежалъ Генрихъ VI, достигло высшей точки, но со смертью его сразу упало, и послѣ него не явилось продолжателя стремленій короля достигнуть всемірнаго владычества.

Послѣ Генриха VI остался малолѣтній сынъ его, впослѣдствіи—императоръ Фридрихъ II; пользуясь малолѣтствомъ наслѣдника, нѣмецкую корону принялъ на себя братъ покойнаго короля, герцогъ Филиппъ Швабскій, а Фридриху II досталось Сицилійское королевство.

Съ большимъ трудомъ, путемъ долгихъ, изнурительныхъ войнъ пришлось Филиппу защищать престолъ отъ старыхъ противниковъ ихъ рода, Штауфеновъ, которыхъ усмирилъ нѣсколько Генрихъ VI.

Бо́льшая часть Европы въ то время исходила кровью, пылала страшными пожарами, такъ какъ войны Франціи съ Англіей все еще не прекращались; въ Сициліи тоже шли кровавыя распри.

Въ такое тревожное время неизмѣримо-трудно было вызвать новое крестовое ополченіе для отвоеванія Святого Города.

VIII. Могущество папы.

Палъ Генрихъ, но сейчасъ же появилась другая сила, которую вынесъ на своихъ плечахъ умный, сильный волей и прекрасно образованный кардиналъ Лотаръ, графъ Сеньи. Послѣ смерти престарѣлаго папы Целестина, въ 1198 году, Лотаръ былъ избранъ его замѣстителемъ подъ именемъ папы Иннокентія III. И тутъ-то онъ задумалъ привести въ исполненіе давнишнія свои мечтанія—поставить папскій престолъ надъ всѣми сильными міра сего.

И съ той поры онъ начинаетъ дѣятельно вмѣшиваться во всѣ политическія дѣла, стараясь подчинить себѣ властителей и народы Запада и возможно шире раздвинуть предѣлы государства Римской Церкви.

Въ это время, понимая силу Римской Церкви, король Левъ Армянскій обратился за помощью къ папѣ. И папа далъ слово заботиться о поддержкѣ восточныхъ христіанъ, послалъ Льву освященное знамя, отправилъ армянскимъ князьямъ и баронамъ увѣщательныя письма твердо держаться противъ магометанъ, а также византійскому императору Алексѣю и Болгаріи, предлагая послѣдней помощь, если только она примкнетъ къ Римской Церкви.

Но главное вниманіе папы Иннокентія было обращено на то, чтобы сразу воспламенить всѣ западные народы, поднявъ ихъ на защиту креста. И ни при комъ церковь не призывала христіанъ къ священной войнѣ съ такимъ жаромъ, такъ настойчиво и увлекательно, какъ при папѣ Иннокентіи.

Папскіе послы развозили грамоты по Германіи, Франціи, Англіи, Шотландіи, Венгріи и Италіи, обѣщая вымолить прощеніе всѣхъ

грѣховъ крестоносцамъ и жертвуя на нужды Крестоваго похода десятую долю со всѣхъ своихъ огромныхъ доходовъ.

IX. Новый проповѣдникъ.

Старанія папы вскорѣ нашли себѣ откликъ среди мелкаго духовенства. Выше всѣхъ сталъ между прочимъ священникъ Фулько изъ Нельи, въ Эннѣ. Человѣкъ грубый, мало образованный, склонный къ аскетизму, но краснорѣчивый и фанатически настроенный, — Фулько словно гипнозомъ дѣйствовалъ на народъ своими проповѣдями, такъ что тысячи изъ народа принимали отъ него крестъ, видя въ немъ человѣка святого, угоднаго Богу.

Природная хитрость и дальновидность удержали Фулько до конца жизни во всемъ величіи вдохновеннаго проповѣдника въ глазахъ возбужденной толпы, которую онъ отлично изучилъ и съ которой понималъ, какъ надо обращаться. Кромѣ Фулько, изъ подобныхъ проповѣдниковъ выдѣлился аббатъ цистерціанскаго монастыря Периса, невдалекѣ отъ Пареля. И онъ увлекъ за собою проповѣдями многія тысячи крестоносцевъ. Опять-таки, какъ во времена Урбана II, эти экзальтированные люди дѣйствовали направляемые на то искусствомъ папы и его легатовъ.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на такія усилія, въ общемъ ополченіе собиралось довольно туго. Причиной тому не было охлажденіе къ религіозной и нравственной идеѣ въ средѣ народа, но общее матеріальное состояніе римскихъ христіанъ. Ужъ очень много пришлось вынести имъ за послѣдніе годы священныхъ и внутреннихъ войнъ!..

Князья, рыцари, духовенство медлили давать клятву на дѣло, которое на цѣлые годы могло оторвать ихъ отъ родины. Духовенство, къ тому же, роптало на тяжелые поборы съ нихъ въ пользу крестоваго ополченія.

X. Рѣшеніе похода.

Тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концовъ папѣ Иннокентію III удалось преодолѣть тысячи мелкихъ затрудненій. Благотворно повліяло на это перемиріе между французами и англичанами, улаженное кардиналомъ Петромъ Капуанскимъ въ декабрѣ 1198 года. Но только осенью слѣдующаго года, на блестящемъ турнирѣ въ Экри, на рѣкѣ Эннъ, убѣжденные проповѣдниками, первыми изъ рыцарей приняли крестъ графъ Тибо Шампанскій и Людовикъ Шартрскій и Блуаскій, а за ними устремились многія сотни рыцарей и дворянъ.

Извѣстіе о томъ подняло во многихъ зȧмкахъ и городахъ Сѣверной Франціи тысячи латниковъ и зятя Тибо, графа Бальдуина Фландрскаго, и его братьевъ, Евстахія и Генриха. Графъ Бальдуинъ былъ во многомъ схожъ съ Готтфридомъ Бульонскимъ своимъ простымъ и добрымъ характеромъ и безусловными честностью и благородствомъ.

Союзъ этихъ рыцарей и дворянъ составилъ видное, мощное крестоносное ополченіе, которое въ теченіе 1200 года тщательно обсудило все это отвѣтственное дѣло. Главой ополченія былъ избранъ графъ Тибо; затѣмъ отправили посольство въ Венецію съ просьбой переправить крестоносное ополченіе на берега Нила, въ Египетъ. Этотъ новый путь былъ избранъ съ тѣмъ

разсчетомъ, что все могущество эйюбитскихъ султановъ имѣло главную коренную поддержку въ Египтѣ.

XI. Дожъ Дандоло.

Былъ въ то время правителемъ Венеціи дожъ Генрихъ Дандоло; старикъ лѣтъ девяноста, онъ обладалъ свѣтлымъ, яснымъ умомъ и необычайной предпріимчивостью, цѣлью жизни своей положившій охранять «честь и выгоду» своего отечества.

Просьба крестоносцевъ сначала смутила его, и переговоры затянулись очень долго. Венеція обѣщала широкую помощь, но требовала огромнаго вознагражденія, и, наконецъ, поладили вотъ на чемъ. Венеціанцы обязывались переправить 4.500 рыцарей и 30.000 пѣшихъ латниковъ и оруженосцевъ и содержать цѣлый годъ ихъ за плату 85.000 марокъ серебра (1.700.000 рублей); всѣ будущія завоеванія и добыча должны были быть раздѣлены поровну между французами и венеціанцами.

XII. Опасенія Венеціи.

Сильный ударъ нанесла бы эта многочисленная армада мусульманамъ, но бѣда была въ томъ, что никогда еще Венеція съ такой халатностью не принималась за дѣло, какъ на этотъ разъ. Венеція въ то время находилась въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Египтомъ, благодаря торговлѣ съ Каиромъ и Александріей, что приносило ей огромную выгоду. И хотя папа старался всѣми силами нарушить эти отношенія, но венеціанцы этому не поддавались.

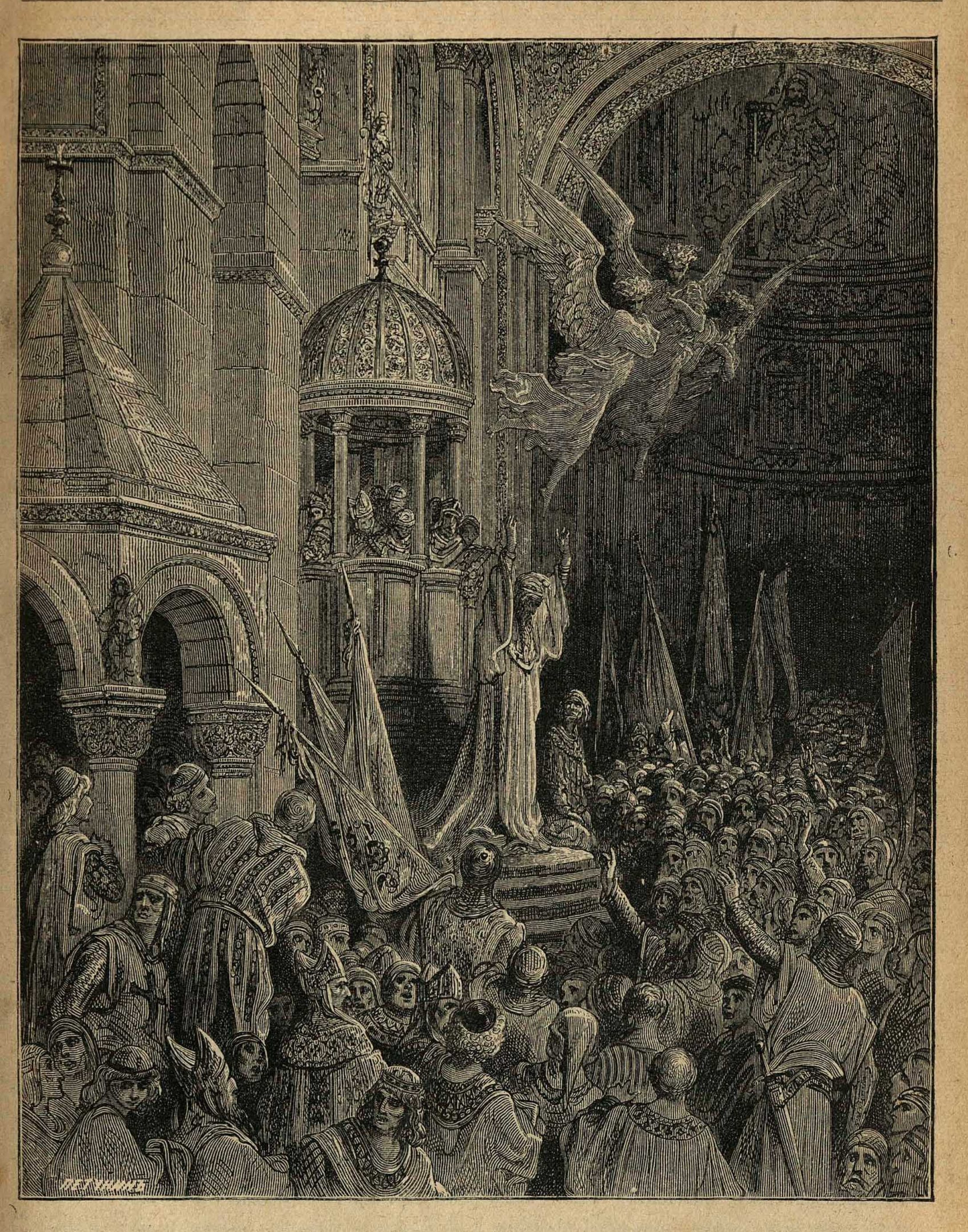
Примкнуть же къ крестоносцамъ побудила ихъ ненависть къ Византіи, съ которой они враждовали уже съ давнихъ поръ, да и самъ дожъ питалъ личную злобу противъ Византіи за то, что въ 1172 году византійцы почти ослѣпили его, какъ посла отъ Венеціанской республики. Помимо этого, своимъ участіемъ въ дѣлѣ крестоваго похода венеціанцы думали улучшить торговыя сношенія съ византійско-магометанскимъ міромъ.

XIII. Новый вождь.

И снова тяжелое событіе омрачило начало четвертаго Крестоваго похода. 24-го мая 1201 года внезапно умеръ графъ Тибо Шампанскій, избранный главой всего ополченія. Правда, онъ завѣщалъ половину своего имущества на нужды крестоносцевъ, тѣмъ не менѣе почти всѣхъ охватили уныніе и сомнѣніе. Общее настроеніе было таково, что думали даже — походъ не состоится вовсе.

Долго судили, рядили рыцари, кого избрать на мѣсто его, и выборъ ихъ, наконецъ, остановился на маркграфѣ Бонифаціи Монферратскомъ, братѣ знаменитаго Конрада, умершаго передъ тѣмъ, какъ надѣть на себя корону Іерусалимскаго королевства.

Это былъ смѣлый, предпріимчивый человѣкъ, съ благородными стремленіями, съ хорошо образованнымъ вкусомъ и наклонностями, такъ что его даже сравнивали съ знаменитымъ Боэмундомъ I. Согласіе Бонифація было встрѣчено всѣми радостно, и, благодаря этому, число крестоносцевъ во Франціи, Германіи и Италіи увеличилось неизмѣримо. И дожу пришлось по душѣ избраніе маркграфа, потому что его можно было легко увлечь въ случаѣ надобности ради выгоды на всякую борьбу, хотя бы она и уклонялась отъ основной цѣли Крестоваго похода,—настолько Бонифацій былъ увлекающійся и довѣрчивый человѣкъ.

Призывъ дожа Дандоло къ походу.

XIV. Послѣднiй толчокъ.

Толковъ, предположенiй о походѣ было много, но точно опредѣленнаго и единодушно принятаго плана все какъ-то не было выработано. Но въ это время какъ-разъ случилось одно происшествiе, которое само-собою дало опредѣленное направленiе четвертому Крестовому походу. Все началось изъ-за междоусобiй въ Византiйской имперiи. Дѣло въ томъ, что, какъ вы помните,

братъ византійскаго императора Исаака, ослѣпивъ послѣдняго, захватилъ въ свои руки византійскій престолъ и сталъ угрожать всѣмъ членамъ императорскаго дома. Сынъ Исаака, византійскій принцъ Алексѣй Ангелъ, въ отчаяніи бѣжалъ изъ Греціи, въ чемъ помогли ему пизанцы, съ которыми Алексѣй III былъ во враждѣ.

Принцъ явился въ Италію лѣтомъ 1201 года за помощью, потому что онъ рѣшилъ во что бы то ни стало вернуть своему отцу византійскій престолъ и для этого рѣшилъ вооружить весь Западъ противъ него и прежде всего обратился къ папѣ Иннокентію, но папа отклонилъ его просьбу; принцъ отправился въ Германію, гдѣ и нашелъ сердечный пріемъ при дворѣ Штауфеновъ. Вѣдь король нѣмецкій Филиппъ былъ женатъ на Иринѣ, дочери Исаака, слѣдовательно, считался родственникомъ несчастнаго Исаака. Здѣсь и было рѣшено начать четвертый походъ борьбой не съ исламомъ, но съ Константинополемъ, чтобы свергнуть Алексѣя III и возвратить престолъ ослѣпленному Исааку.

Такимъ образомъ планы нѣмецкаго короля отклонили отъ пути на Египетъ крестоносцевъ, указавъ имъ на Византію. Этотъ планъ былъ болѣе чѣмъ пріятенъ для дожа Дандоло, потому что онъ неожиданно осуществлялъ его давнишнія мечтанія. И послѣ этого рѣшенія дожъ сталъ какъ бы главой всего крестоноснаго ополченія, такъ какъ онъ былъ больше всѣхъ заинтересованъ въ этомъ походѣ.

XV. Общее настроеніе.

Общее настроеніе французскихъ и венеціанскихъ рыцарей склонялось въ ту же сторону, — идти на византійцевъ. Во-первыхъ, торговля въ Византіи была стѣснена для Венеціи; во-вторыхъ, у венеціанцевъ съ давнихъ поръ существовала непріязнь къ Византіи, и эта непріязнь переходила изъ рода въ родъ. Наконецъ, не мало было рыцарей и князей, которые, увлекаясь былымъ счастьемъ нѣкоторыхъ крестоносцевъ, рвались на всякаго рода приключенія, лишь бы добиться выгоднаго и незатруднительнаго завоеванія, а всѣ знали тяжелое положеніе Византіи.

Противъ такого измѣненія первоначальнаго пути возставали только люди, исполненные религіознаго стремленія погибнуть за Гробъ Господень и свободные отъ всякихъ политическихъ разсчетовъ.

XVI. Сборы въ Константинополь.

Лѣтомъ 1902 года въ Венецію прибыли значительные отряды крестоносцевъ,—нѣмцевъ, французовъ и итальянцевъ. Но все-таки общее число ихъ было меньше, нежели ожидали всѣ. Это произошло оттого, что извѣстная часть ополченія, не согласная со взглядами Венеціи, разошлась отдѣльными отрядами, намѣреваясь самостоятельно пробраться въ Сирію. Но изъ-за этого крестоносцы не могли уплатить всѣхъ 85,000 марокъ, а заплатили меньше половины.

Вотъ тутъ-то дожъ и воспользовался случаемъ и предложилъ недоплаченныя деньги уплатить службой и будущей военной добычей, если они пойдутъ по его указанію на враговъ-сосѣдей Венеціи.

Нечего дѣлать, согласились иные на такое предложеніе, а дожъ имъ для начала и указываетъ на жителей города Царры, которые на морѣ преслѣдовали и истребляли венеціанскія суда. Не согласились на это только немногіе, а остальныхъ дожъ Дандоло самъ повелъ на войну

отплылъ для этой цѣли на великолѣпномъ флотѣ изъ 72 галеръ, силой ворвался въ гавань Царры и взялъ городъ.

XVII. Послѣдствія похода.

Папа Иннокентій былъ крайне недоволенъ этимъ завоеваніемъ, но потомъ дѣло уладилось, и папа простилъ крестоносцевъ. Послѣ этого онъ, однако, предостерегалъ ихъ снова отъ нападеній на христіанскія владѣнія, а въ особенности на Византію. «Не дѣло пилигримовъ,—писалъ онъ,—наказывать за грѣхи Алексѣя III, который страшно виноватъ передъ Богомъ, и передъ Нимъ и будетъ отвѣчать самъ».

Но походъ на Константинополь былъ твердо рѣшенъ, и вотъ почему. Во-первыхъ, договоръ крестоносцевъ съ дожемъ относительно нападенія на Византію былъ уже законченъ; во-вторыхъ, о томъ же договорились король Филиппъ и принцъ Алексѣй; наконецъ, Филиппъ настойчиво требовалъ этого, а принцъ Алексѣй, съ своей стороны, обѣщалъ войску полное содержаніе—200,000 марокъ серебра, 10,000 войска для борьбы съ мусульманами, въ концѣ же концовъ—подчинить Греческую имперію Римской Церкви. Вообще, обѣщанія были болѣе чѣмъ щедрыя и настолько заманчивыя, что дожъ Дандоло въ 1203 году, весной спѣшно вывелъ свой флотъ въ Эгейское море.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Крестоносцы въ Византійской имперіи.

I. Положеніе Константинополя.

Константинополь былъ прекрасно укрѣпленъ, и войска въ немъ было достаточно, такъ что сорокатысячному войску крестоносцевъ было бы не подъ силу овладѣть имъ. Но дѣлу помогало то, что Алексѣй III былъ ничтожный, трусливый и притомъ лѣнивый человѣкъ. Достигнувъ престола, онъ удовлетворился тѣмъ, что могъ жить въ роскоши, въ праздности въ роскошномъ дворцѣ, предоставивъ все правленіе своей женѣ и ея любимцамъ.

Народъ страдалъ отъ неурядицъ въ правленіи и отъ страшныхъ, обременительныхъ поборовъ. И всѣ деньги шли не на нужды народныя, не на укрѣпленіе города и страны, а на безумныя выходки сытыхъ людей, на одни развлеченія и баснословныя пиршества. Войско было распущено, флотъ лишенъ снастей, которыя были проданы въ виду нехватки денегъ. Въ провинціяхъ начальники и богатые землевладѣльцы устраивали родъ особыхъ независимыхъ княжествъ. Границы имперіи отпадали, и Византія могла легко пасть отъ одного рѣшительнаго и смѣлаго удара.

II. Завоеваніе Константинополя.

Въ концѣ іюля флотъ прибылъ въ Босфоръ и бросилъ якорь вблизи Скуттари.

Первое время Алексѣй III безучастно относился къ этому, а когда опомнился, сталъ спѣшно собирать изъ провинцій въ Константинополь воиновъ, кое-какъ заперъ оставшимися судами и цѣпью входъ въ бухту Золотой Рогъ. Но всѣ суда его были никуда негоднымъ хламомъ, а солдаты трусливы и плохо обучены.

Передъ битвой Алексѣй III предложилъ откупиться деньгами, но крестоносцы и слышать ничего не хотѣли.

Крестоносцы подошли къ европейскому берегу, оттѣснили византійское войско въ Константинополь и затѣмъ, затопивъ корабли, ворвались въ гавань Золотой Рогъ.

Пѣхота приближалась къ Константинополю по берегу залива и остановилась у сѣвернаго угла крѣпости. Флотъ слѣдовалъ за ними. 12-го іюля началась ожесточенная битва.

Греки сначала старались частыми вылазками ослабить силу крестоносцевъ, но не успѣли въ этомъ, хотя и отбили приступъ ихъ на слѣдующій день.

Между тѣмъ венеціанцы взяли башню и часть стѣны города и утвердились здѣсь довольно прочно.

Отчаяніе охватило грековъ и императора, и послѣдній рѣшилъ выйти противъ осаждающихъ съ стотысячнымъ войскомъ. Но непоколебимо выдержали рыцари это грозное наступленіе, и греки дрогнули и въ замѣшательствѣ отступили въ городъ.

О, какъ враждебно встрѣтилъ народъ возвратившагося съ битвы императора—насмѣшками, бранью и угрозами! Въ отчаяніи и въ страхѣ императоръ ночью тайно покинулъ столицу, захватилъ царскія цѣнности и десять центнеровъ золота и бѣжалъ. А вслѣдъ ему понеслись проклятія и угрозы обманутыхъ и покинутыхъ гражданъ.

На-утро 18-го іюля оробѣвшіе граждане вывели слѣпого Исаака изъ заключенія и торжественно снова провозгласили императоромъ. Крестоносцы согласились на это, и въ сопровожденіи ихъ принцъ Алексѣй торжественно вступилъ въ Константинополь, гдѣ его провозгласили какъ соправителя отца.

Завладѣніе Константинополемъ произошло такъ просто, но византійскій народъ былъ раздраженъ и внезапными услугами крестоносцевъ, и предполагаемымъ подчиненіемъ Греческой Церкви Риму, и уплатой денегъ по договору крестоносцамъ.

Раздраженіе къ крестоносцамъ и западнымъ колонистамъ росло часъ-отъ-часу, и, наконецъ, вспыхнуло кровавое столкновеніе между греками и крестоносцами и кончилось страшнымъ пожаромъ Константинополя и убійствами. Но императоръ Исаакъ и Алексѣй IV сдерживали всѣми силами враждебныя отношенія между греками и крестоносцами. Помощь послѣднихъ была еще нужна имъ. Власть ихъ простиралась только надъ Константинополемъ, а въ провинціи ихъ не признавали, между тѣмъ какъ бѣжавшій Алексѣй III господствовалъ, какъ императоръ, во Ѳракіи.

И точно, при помощи крестоносцевъ византійцамъ удалось покорить въ нѣсколько мѣсяцевъ цѣлый рядъ городовъ, но, вернувшись въ Константинополь, какъ побѣдители, Алексѣй IV и Исаакъ увидѣли, что отъ союзниковъ имъ грозитъ опасность и положеніе ихъ на тронѣ болѣе чѣмъ шаткое.

III. Разрывъ.

Исаакъ, слѣпой, безпомощный, не могъ, конечно, устроить прочно положеніе Византіи,

а Алексѣй IV сдѣлалъ худшее. Во время договора онъ наобѣщалъ крестоносцамъ настолько много, что не могъ выполнить своихъ обязательствъ, и теперь, понимая это, рѣшилъ нарушить свое слово и отказаться отъ дружескихъ сношеній съ крестоносцами.

О, какъ были взбѣшены крестоносцы и венеціанцы!..

Посольство ихъ явилось къ Алексѣю IV во дворецъ и тамъ объявило ему войну. Это было что-то необычайное!.. Но все-же Алексѣй IV не бралъ слова своего назадъ и отказывался отъ всякихъ обязательствъ.

Назначили свиданіе съ дожемъ Дандоло, и тому Алексѣй IV дерзко отвѣтилъ то же самое. Старый дожъ внѣ себя, не сдерживаясь, напалъ на него со словами: «Безстыдный негодяй!.. Мы вырвали тебя изъ грязи и униженія!.. Такъ теперь мы сами же снова втолкнемъ тебя въ ту же грязь!»...

Война была объявлена. Это случилось въ ноябрѣ 1203 года.

IV. Новые правители.

Плохо, отчаянно плохо было положеніе византійцевъ, но не лучше было и положеніе крестоносцевъ. Собранные жизненные припасы пришли къ концу, и ряды крестоносцевъ значительно стали рѣдѣть. Да и греки, помимо Алексѣя IV, котораго они не могли уважать, рѣшились отчаянно, до послѣдней крайности защищать свою свободу и землю. Высланъ былъ противъ враговъ значительный флотъ, да и въ Константинополѣ произошелъ большой переворотъ, который значительно ухудшилъ положеніе крестоносцевъ.

Въ январѣ 1204 года народъ свергнулъ Алексѣя IV и передалъ императорскій вѣнецъ одному храброму юношѣ, Николаю Канабусу.

Алексѣй IV обратился съ помощью къ крестоносцамъ. А былъ у него за послѣднее время помощникъ, душа всѣхъ отчаянныхъ воинскихъ предпріятій, Алексѣй Дука Мурзуфлъ.

Это былъ умный, рѣшительный, предпріимчивый, властолюбивый человѣкъ, мечтавшій о возможности завладѣнія византійскимъ престоломъ.

Видя удобный случай воспользоваться этимъ, Мурзуфлъ поднялъ народъ и войско, умертвилъ Алексѣя IV и Канабуса и вступилъ на престолъ подъ именемъ Алексѣя V.

Крестоносцы сразу почувствовали, что власть попала въ сильныя руки, притомъ власть была полная, ничѣмъ неограниченная. Самоувѣренно, твердо приказалъ Алексѣй V крестоносцамъ въ теченіе восьми дней освободить византійскія земли, грозя имъ страшнымъ сопротивленіемъ. Но крестоносцы при всемъ желаніи не могли бы очистить владѣній грековъ въ такой короткій срокъ, иначе греки могли напасть на нихъ во время отступленія. Оставалось одно—взять Константинополь или погибнуть въ послѣднемъ славномъ бою.

V. Пораженіе грековъ.

Дѣятельно принялся Алексѣй V воздвигать стѣны и укрѣпленія Константинополя, посылалъ свой флотъ противъ венеціанскаго. Но когда онъ задумалъ напасть на тысячный отрядъ крестоносцевъ и искусно подстерегъ его,—крестоносцы смяли и разсѣяли все его войско, такъ что Алексѣй V въ страхѣ заперся за стѣнами съ остатка-

Мурзуфлъ и Дандоло.

ми своей арміи и съ тѣхъ поръ уже не рѣшался выступать противъ непріятеля.

VI. Планы крестоносцевъ.

Крестоносцы ликовали и теперь уже заранѣе предопредѣляли дальнѣйшую судьбу Византійской имперіи. Они рѣшили, что когда Константинополь будетъ взятъ, то представители двухъ группъ—венеціанцы и крестоносцы—изберутъ шестерыхъ достойныхъ людей, а тѣ назначатъ дѣйствительно достойнѣйшаго изъ ихъ боевыхъ товарищей

императора всей Византійской области. Но онъ будетъ владѣть безконтрольно только одной четвертью всей области, а три четверти ея будутъ распредѣлены на двѣ части—венеціанцамъ и крестоносцамъ, и эти владѣтели за то будутъ нести ленную службу императорамъ новой Латинской имперіи. Венеціанцамъ будутъ возвращены всѣ права, обычаи и имущества, которыя принадлежали имъ раньше въ Византіи. А часть крестоносцевъ, изъ которыхъ не избирался императоръ, пользовались правомъ духовнаго владычества въ Византіи, такъ какъ они могли избрать римско-католическаго константинопольскаго патріарха.

VII. Осада Константинополя.

Но прежде всего надо было взять штурмомъ стѣны Константинополя и одолѣть грековъ. Спѣшно начали готовиться къ этому, и уже 9-го апрѣля все войско переправилось на флотѣ черезъ Золотой Рогъ и заняло выгодныя позиціи подъ стѣнами Константинополя.

Но съ первыхъ же шаговъ пришлось наткнуться на отчаянное сопротивленіе со стороны грековъ, и послѣ упорнаго боя и большихъ потерь штурмъ пришлось прекратить.

Греки издѣвались, но крестоносцевъ эта неудача научила многому, и прежде всего—необходимости вооружиться болѣе основательно. Кромѣ того, духовенство и военачальники воодушевляли крестоносцевъ и убѣжденіями, и денежными наградами.

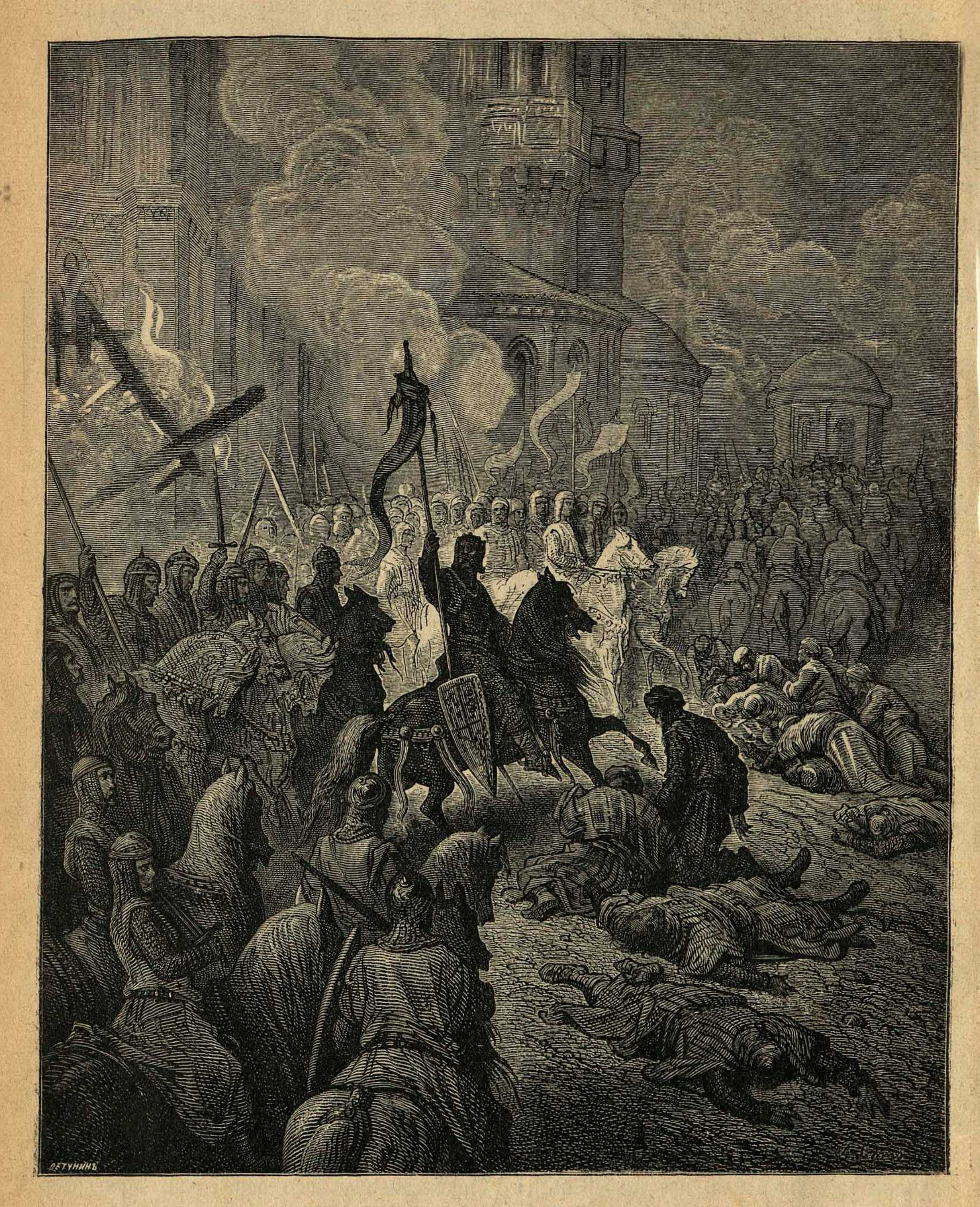
Рано утромъ 12-го апрѣля штурмъ крѣпостныхъ стѣнъ возобновился, и послѣ долгихъ усилій одна изъ башенъ была взята, и сильный отрядъ занялъ ее, а въ то же время рыцарь-гигантъ Петръ Амьенскій устремился во главѣ небольшого отряда избранныхъ охотниковъ и выломалъ городскія ворота.

Словно морскія неудержимо-бѣшеныя волны хлынули толпы крестоносцевъ черезъ ворота въ городъ, опрокидывая и разрушая на своемъ пути рѣшительно все. Напрасно императоръ Алексѣй V силился удержать отступавшихъ и обезумѣвшихъ отъ ужаса грековъ,—войско ихъ изъ отступленія перешло въ безумное бѣгство. Самъ императоръ бѣжалъ черезъ Золотыя Ворота и вышелъ тайно въ море, озаряемый заревомъ пылающаго Константинополя.

Только въ Софійскомъ соборѣ заперлась часть знатныхъ и богатыхъ людей, которые мечтали еще поддержать господство византійцевъ. Но на-утро они поняли вполнѣ ясно, что всякое сопротивленіе теперь будетъ напрасно, и вышли навстрѣчу побѣдителямъ, прося о помилованіи. Побѣдители были слишкомъ раздражены, и просьбы покоренныхъ остались неуслышанными. Пожаръ, убійства, грабежи, насилія господствовали вокругъ нихъ въ полной силѣ, и ничто не могло сдержать этого.

Совершилось, наконецъ, то, что грозило Византіи уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ. Сто лѣтъ тому назадъ Алексѣй I обратился за помощью къ Западу, теперь и Западъ вышелъ на помощь ему, а онъ выступилъ противъ него. Виновата была сама Византія, которая сумѣла до такой степени возстановить противъ себя своихъ единовѣрцевъ. Дружественное настроеніе, благодаря коварству Византіи, благодаря корыстолюбію правителей, которое заставляло ихъ измѣнять своему слову и не пренебрегать всевозможными средствами для достиженія личной выгоды, возстановило противъ себя всѣхъ.

Мечтанія Византіи о господствѣ надъ цѣ-

Вступленіе крестоносцевъ въ Константинополь.

лымъ міромъ рушились; знамя западныхъ крестоносцевъ развѣвалось надъ развалинами гордой Византіи, которая отнынѣ не могла уже защищать Европы отъ вторженія въ ея предѣлы азіатской силы.

VIII. Дѣла въ Антіохіи.

Въ началѣ XIII вѣка, о которомъ идетъ рѣчь, въ христіанской Сиріи жизнь шла тревожная и тяжелая. Были недороды, зем-

летрясенія, голодъ. Помимо этого, началась междоусобная война у крестоносцевъ съ армянами. Въ 1201 году умеръ князь Боэмундъ III, и Антіохіей завладѣлъ графъ Триполиса, Боэмундъ VI, хотя наслѣдникомъ Антіохіи долженъ былъ быть Рубенъ, внукъ Льва Армянскаго, какъ вы помните. Это положило начало крупному раздору между христіанами Востока. Часть общества присоединилась къ Боэмунду IV, другая—къ партіи Льва Армянскаго, и дѣло дошло до оружія. О войнѣ съ исламомъ и рѣчи не было. Въ 1203 году въ Сирію прибыли тѣ крестоносцы, которые, какъ вы помните, отказались идти войной противъ Византіи. Эти крестоносцы и направились въ сѣверную Сирію, чтобы кончить раздоръ между Антіохіей и Львомъ Армянскимъ. Но на мѣстѣ они снова раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна примкнула къ князю Боэмунду IV, а другая—къ королю Льву Армянскому, и поэтому произошло то, что обѣ стороны хотя и усилились, но общее положеніе дѣлъ не измѣнилось.

Происходили мелкія стычки между крестоносцами и магометанами. Амальрихъ Іерусалимскій не рѣшался выступать противъ магометанъ съ рѣшительной войной и всѣми силами поддерживалъ перемиріе. Но это перемиріе все меньше и меньше воодушевляло христіанъ на войну съ исламомъ, и рыцари, жаждавшіе воинскихъ подвиговъ и военной добычи, уходили со своими отрядами на греческіе берега искать прибыльныхъ и славныхъ подвиговъ. Ополченія, приходившія съ Запада, устремлялись туда же, какъ и всѣ силы венеціанцевъ.

IX. Латинская имперія.

Крестоносцы торжествовали въ Константинополѣ и жаждали возможно скорѣе овладѣть всей Византійской имперіей, наименовавъ ее *«Романіей»*. Рѣшили прежде всего избрать императора, но тутъ-то и пошли междоусобныя распри.

Главными претендентами на престолъ Византіи были маркграфъ Бонифацій Монферратскій, глава крестоноснаго ополченія, и могущественный крестоносный князь Бальдуинъ Фландрскій. Маркграфъ Бонифацій женился на вдовѣ императора Исаака, Маргаритѣ Венгерской, у которой былъ сынъ Мануилъ Ангелъ отъ перваго брака. Явно, что Бонифацій былъ наиболѣе законнымъ наслѣдникомъ византійскаго престола; но большинство французовъ-крестоносцевъ было противъ Бонифація, да и венеціанцы боялись имѣть на престолѣ Византіи такого сильнаго и рѣшительнаго императора. Такимъ образомъ, избрали Бальдуина Фландрскаго, а Бонифацію предложили собственными силами подчинить Критъ и греческія провинціи.

Теперь крестоносцамъ надо было немедленно же браться за оружіе, чтобы упрочить за собою тѣ земли, надъ которыми они хотѣли владычествовать. Въ сосѣдствѣ греки соединились вокругъ прежнихъ императоровъ, Алексѣя III и Алексѣя V, Мурзуфла.

Оба они поссорились между собою, и Алексѣй III ослѣпилъ соперника и выгналъ его вонъ. Въ то же время между Бальдуиномъ и Бонифаціемъ начались раздоры, которые грозили обратиться въ жестокую, кровопролитную войну. Насилу-то дожъ Дандоло помирилъ ихъ, и Бальдуинъ передалъ Бонифацію Ѳессалоники. Бонифацій быстро подчинилъ себѣ окрестную Македонію и основалъ изъ этихъ владѣній «королевство Ѳессалоникское», кото-

рое не было подчинено Византійской имперіи, а жило самостоятельной жизнью.

Вскорѣ послѣ того король Бонифацій отправился для новыхъ завоеваній на Элладу, а императоръ Бальдуинъ—на Малую Азію, гдѣ ему предстояла большая работа, такъ какъ греки рѣшили оказать отчаянное сопротивленіе. Въ Трапезунтѣ основали они крѣпкое, самостоятельное государство и владѣли почти всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Малой Азіи. Кромѣ того и на западѣ Малой Азіи множество военачальниковъ основали самостоятельныя владѣнія.

Крестоносцы въ ноябрѣ 1204 года захватили много этихъ мѣстечекъ и разбили болѣе сильное греческое войско, но зато почти тотчасъ же попали въ неожиданную, но страшную бѣду.

X. Король болгарскій Іоаннъ.

Около десяти лѣтъ до того византійцы съ трудомъ боролись съ болгарскимъ королемъ Іоанномъ. Одно время послѣдній самъ предлагалъ помощь крестоносцамъ, да тѣ съ пренебреженіемъ и насмѣшками отвергли это. Разгнѣванный Іоаннъ, начиная съ начала 1205 года, началъ наступленіе на Ѳракію, перебилъ войско, захватилъ въ плѣнъ даже самого императора и отнялъ у крестоносцевъ всю Ѳракію при помощи союзныхъ грековъ. Дожъ Дандоло умеръ, пораженный этимъ извѣстіемъ, въ томъ же году. Крестоносцамъ на сѣверѣ Малой Азіи, гдѣ они совершали побѣды, пришлось бросить все дѣло и спѣшить въ Европу.

Но рыцари не упали духомъ. Собравшись подъ начальствомъ умнаго, даровитаго и благороднаго рыцаря графа Генриха, брата императора Бальдуина, они быстро вернули себѣ всю Ѳракію, и тѣмъ легче, что греки охотно перешли отъ болгаръ на ихъ сторону. Когда въ слѣдующемъ году императоръ Бальдуинъ умеръ, — Генрихъ былъ избранъ на византійскій престолъ.

XI. Маркграфъ Бонифацій.

Между тѣмъ и маркграфу Бонифацію Манферратскому изъ Ѳессалоники (собственно Греція) приходилось вести неустанныя войны съ различными мелкими и крупными княжествами, покорить Ѳессалію, взять Элладу и островъ Пелопонесъ. Тамъ соединился онъ съ двумя новыми ополченіями крестоносцевъ, и дѣла пошли удачнѣе; когда же болгары Іоанна напали на его владѣнія и взяли уже Ѳессалоники, онъ поспѣшилъ вернуться туда и прогналъ болгаръ изъ своихъ владѣній.

Онъ охотно помирился съ императоромъ Генрихомъ, призналъ его своимъ вассаломъ и породнился съ нимъ, выдавъ за него свою дочь Агнессу незадолго передъ своей смерью.

Послѣ смерти Бонифація начались смуты въ его владѣніяхъ, гдѣ каждый князь или графъ, посаженный правителемъ, хотѣлъ непремѣнно основать самостоятельное королевство. Генрихъ съ величайшимъ трудомъ усмирилъ ихъ и подчинилъ себѣ.

XII. Правленіе Генриха.

Генрихъ сдѣлалъ слишкомъ много для сохраненія Латинской имперіи и во внѣшнихъ дѣлахъ, и во внутреннемъ государственномъ устройствѣ. Во времена его правленія западное духовенство боролось съ греческимъ; князья, графы, бароны не

довольствовались своими владѣніями, грабили сосѣдей, мирныхъ жителей, монастыри, заводя даже между собою отвратительные споры о добычѣ. И во всѣхъ этихъ недоразумѣніяхъ Генрихъ являлся посредникомъ и примирителемъ враждующихъ лицъ, отстаивая лишь во имя совѣсти и справедливости имущества и своихъ соотечественниковъ, и грековъ.

Венеціанцы тоже владѣли теперь значительной частью Греціи и играли значительную роль въ господствѣ надъ торговлей въ греческихъ водахъ.

Несмотря на военную сумятицу того времени, они даже проникли за границы Латинской имперіи и завели торговлю съ русскими, Никеей, сельджуками.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на такіе успѣхи крестоносцевъ въ предѣлахъ Византійской имперіи, не имѣвшіе ничего общаго съ основной идеей Крестоваго похода, завоеваніе латинянами Константинополя не имѣло никакого значенія въ борьбѣ христіанства съ исламомъ.

И можно пожалѣть только того, какая сила, сколько затратъ должно было пропасть безслѣдно, исключительно только ради удовлетворенія жадности къ добычѣ единичныхъ личностей. Мало того, это нашествіе принесло жестокое зло, такъ какъ отняло у Святой Земли много силъ и разрушило прочный оплотъ въ Византійской имперіи, которая сдерживала до тѣхъ поръ наступленіе малоазійскихъ магометанъ.

Непрекращающіяся войны въ предѣлахъ Византійской имперіи и прилегающихъ греческихъ поселеній уносили множество людей, средствъ, причемъ военное счастье попемѣнно переходило то на одну, то на другую сторону. Военныя дѣйствія сопровождались кознями, коварствомъ, обманомъ. Но было очевидно, что владычество крестоносцевъ надъ Византійской имперіей было временнымъ и случайнымъ. Въ то же время тяжелый гнетъ ихъ властительства давно образумилъ грековъ, а завоеваніе ихъ области научило ихъ цѣнить свою родину, пробудило въ нихъ охоту грудью выстоять за нее.

Въ 1224 году крестоносцы едва вынесли тяжелый ударъ грековъ, и Романской имперіи грозилъ бы немедленный конецъ, если бы не начались ссоры и междоусобныя войны между двумя греческими правителями—Ѳессалоники и Никеи, кому владѣть Константинополемъ, занять первое мѣсто въ будущей Греческой имперіи. Владычеству крестоносцевъ дана была небольшая отсрочка, но въ общемъ положеніе ихъ было крайне опасное, и надо было искать помощи извнѣ. Помощь была найдена, но греки соединились съ болгарами и съ двухъ сторонъ теперь тѣснили Константинополь—съ моря и съ суши.

Дѣло снова было бы проиграно для крестоносцевъ, но имъ помогли обычныя въ союзныхъ войскахъ ссоры между главарями войскъ. Болгарія не хотѣла позволить могучей Никеѣ занять Константинополь и вступила въ союзъ съ осажденными крестоносцами.

XIII. Тяжелое положеніе въ Константинополѣ.

Ничего, конечно, этимъ не было выиграно. Въ Константинополѣ шла глубокая вражда между венеціанцами и европейскими крестоносцами, между католическимъ духовенствомъ, греческимъ и венеціанскимъ. А императоръ, владѣя только однимъ Констан-

тинополемъ, не могъ даже оплачивать службу воиновъ. Западъ – Францiя, Англiя, папа—помогалъ немного, но эта помощь могла только поддержать владычество христiанъ, но не одолѣть грековъ и болгаръ окончательно.

Греческiй императоръ Никеи, Iоаннъ Ватацесъ, оттого и не старался слишкомъ давить крестоносцевъ, а предоставилъ ихъ собственному паденiю, самъ же онъ покамѣстъ расширялъ свои окружныя владѣнiя,— разбилъ болгаръ, завоевалъ по берегамъ Малой Азiи нѣсколько греческихъ и крестоносныхъ владѣнiй и завладѣлъ Өессалоникой.

XIV. Никея.

Власть Никеи крѣпла. Умеръ Iоаннъ Ватацесъ, умеръ его сынъ, Өеодоръ, оставивъ восьмилѣтняго сына. Но въ это время выдвинулся одинъ изъ греческихъ вельможъ, Михаилъ Палеологъ, который свергнулъ сына Өеодора и все управленiе и самъ вступилъ на императорскiй престолъ подъ именемъ Михаила VIII. Дѣятельно сталъ онъ распространять свою власть надъ сосѣдними владѣтельными князьями; счастье благопрiятствовало ему, и Константинополю грозила неминуемая бѣда. Тѣ, кто могли бы быть ему помощниками, болгары и сельджуки, сами были страшно истощены всѣми этими войнами, и Михаилъ VIII отлично понялъ выгоду своего положенiя.

Это было въ 1260 году, а въ 1261 Константинополь былъ уже взятъ имъ, и Михаилъ Палеологъ съ большой торжественностью вступилъ во вновь возвращенную столицу Византiйской имперiи. Латинская имперiя была мертва, и возвратить ее къ жизни было уже невозможно.

XV. Паденiе владычества латинянъ.

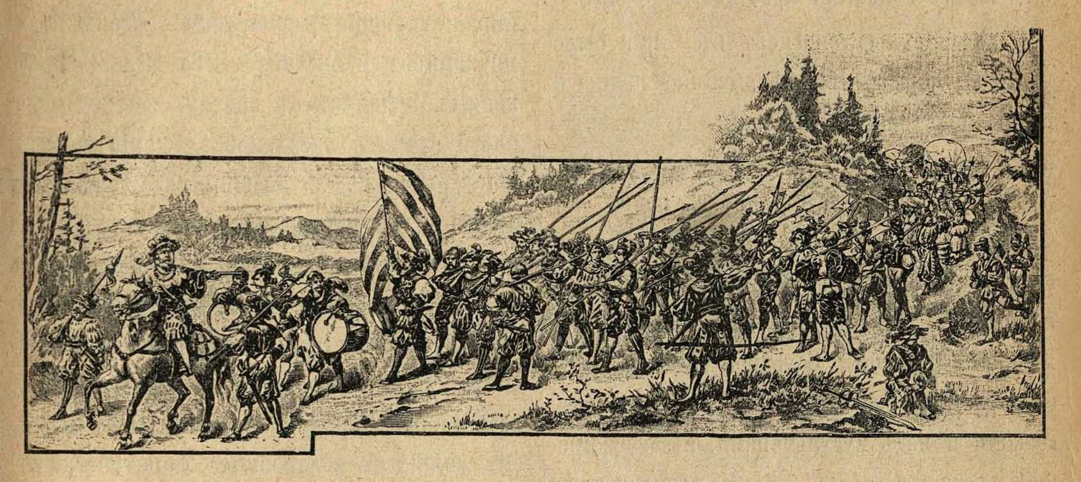
Дѣло Михаила шло мало-по-малу впередъ. Онъ дружилъ съ Генуей, ладилъ съ папой по духовнымъ вопросамъ, возбуждалъ чувство нацiональной гордости и самолюбiя въ грекахъ, и послѣ его смерти, его сынъ, Андронисъ II, продолжаетъ это дѣло въ томъ же направленiи, но съ меньшимъ успѣхомъ. Онъ былъ маловоинственъ и то скупъ, то расточителенъ. Чтобы удержаться на престолѣ, онъ, какъ и отецъ его, не жалѣлъ осыпать деньгами властныхъ вельможъ и возвращать минувшiй блескъ столицѣ, на что шли средства провинцiй.

Между тѣмъ войско и флотъ упадали. Вся имперiя впадала въ какую-то старческую дряхлость.

XVI. Новая бѣда.

А горе, а ужасъ Византiйской имперiи были уже не за горами. Еще съ начала XIII вѣка новыя, огромныя толпы туркменовъ начали отступать передъ монголами изъ Средней Азiи къ Западу, гдѣ и соединились съ сельджуками, въ Иконiи на византiйской границѣ, невдалекѣ отъ Дорилеума. Число ихъ быстро возрастало, и они понимали свою свѣжую, ненадломленную силу и выступили между византiйцами и сельджуками подъ начальствомъ воинственнаго вождя Османа. Часто тревожа и разоряя окрестности Византiйской имперiи, они заставляли ее трепетать. И силѣ этой,— силѣ османскихъ турокъ, — способствовало именно то, что христiане не уставали истреблять самихъ себя. Внутри Византiйской имперiи боролись латиняне, генуэзцы, венецiанцы; съ сѣвера надвигались на смѣну болгарамъ сербы.

Османскіе турки, собравшись съ силами, перешли, наконецъ, проливъ Геллеспонтъ, утвердились на Балканскомъ полуостровѣ, разбили сербовъ и завладѣли мелкими латинскими государствами и Константинополемъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Пятый Крестовый походъ.

I. Положеніе Сиріи въ 1205 году.

Пока въ Византіи крестоносцы старались, хотя и тщетно, утвердить свое господство, сирійскіе христіане бѣдствовали до послѣдней крайности.

Боэмундъ Антіохійскій велъ свои безконечныя войны съ Львомъ Армянскимъ.

Въ то время, о которомъ мы здѣсь говоримъ, въ началѣ 1205 года, умеръ король Амальрихъ.

Іерусалимское королевство перешло къ его падчерицѣ Маріи-Іолантѣ. Вѣдь его жена Елизавета раньше была замужемъ за Конрадомъ Монферратскимъ,—ей, слѣдовательно, и принадлежалъ іерусалимскій престолъ. Сыну Амальриха, Гуго, достался въ наслѣдство о. Кипръ. Но и Марія, и Гуго были еще несовершеннолѣтніе; за нихъ правили опекуны ихъ, т. е. регенты.

Стали подыскивать супруга Маріи, и выборъ палъ на рыцаря Іоанна Бріенна, который былъ регентомъ въ Константинополѣ,—помните?.. Но, ставъ Іерусалимскимъ королемъ въ 1210 году, Іоаннъ все-таки не могъ начать завоеванія Іерусалима. И средствъ, и людей было у него для этого слишкомъ мало. Вотъ и надо было, слѣдовательно, поэтому крестоносцамъ жить въ мирѣ да согласіи съ мусульманами да поджидать какого-нибудь новаго крестоваго ополченія съ Запада для поддержки.

Но дѣло въ томъ, что во время этого перемирія султанъ Альмеликъ Аладинъ все укрѣплялъ да укрѣплялъ свое могущество въ передней Азіи и въ Египтѣ; вотъ почему умный султанъ охотно шелъ на перемиріе,—за это время онъ успѣлъ настолько прочно укрѣпить за собой землю, что у крестоносцевъ не могло быть никакой надежды когда-нибудь вырвать ее у него изъ рукъ. Въ то же время онъ завязалъ

съ венеціанцами тѣсныя, дружескія отношенія.

II. Мысли о новомъ Крестовомъ походѣ.

Положеніе крестоносцевъ въ Сиріи было ужасное; но и въ Европѣ шли все войны и войны безъ конца. Въ Италіи, въ Германіи, во Франціи шли междоусобныя войны; Англія вела наслѣдственную войну съ Франціей. Но зато папа Иннокентій не упускалъ изъ виду положенія восточныхъ крестоносцевъ. Онъ мечталъ съ полнымъ убѣжденіемъ о власти Западной Церкви надъ европейскими государствами, а также надъ греками и надъ мусульманами, и завоеваніе Іерусалима стояло въ его мысляхъ на первомъ планѣ.

Благодаря своимъ уполномоченнымъ, папа успѣвалъ повсюду склонять вѣрующихъ къ возобновленію новыхъ крестовыхъ походовъ. И странное дѣло, несмотря на цѣлые ряды неудачъ, одушевленіе среди вѣрующихъ къ новымъ Крестовымъ походамъ не прекращалось; даже усилилось оно за послѣднее время, когда достигли до нихъ вѣсти о геройскихъ подвигахъ крестоносцевъ въ Византійской имперіи, тѣмъ болѣе, что разорившіеся въ Европѣ дворяне и князья тамъ, на Востокѣ, обладали теперь значительными владѣніями. Жажду къ подобнымъ пріобрѣтеніямъ разжигали отчасти особые искатели приключеній.

III. Новые монашескіе ордена.

На мечтанія папы откликнулись и новыя силы. Глубоко мечтательный, идеалистъ въ душѣ Францискъ Ассизскій и дѣятельный, правдивый человѣкъ Доминго Осма неожиданно явились на помощь могущественному папѣ Иннокентію III, который былъ занятъ болѣе широкой идеей о созданіи церковнаго міровою владычества. Увлекаясь всѣмъ сердцемъ нестяжательной, чисто духовной жизнью апостоловъ, Францискъ и Доминго основали нищенствующіе монашескіе ордена францисканцевъ и доминиканцевъ. Члены этихъ новыхъ орденовъ въ основу своей дѣятельности ставили идеальное служеніе людямъ, примѣромъ своей жизни и вдохновенными проповѣдями направляя народныя массы на путь безгрѣховной жизни, на взаимопомощь другъ другу. Но въ то же время по внушенію со стороны папы они стремились подчинить возможно полнѣе весь свѣтскій міръ, весь народъ Церкви и главѣ ея. Подъ вліяніемъ сильныхъ волею людей, фанатически настроенныхъ и аскетической жизнью доведенныхъ до духовнаго экстаза, стремленіе къ священной войнѣ за Гробъ Господень принимало острый, фанатическій характеръ. Повсюду ходили легенды, сказанія о разныхъ чудесныхъ видѣніяхъ, предсказаніяхъ, которыми будто бы Богъ заранѣе хотѣлъ показать людямъ Свое покровительство въ дальнѣйшихъ походахъ и тѣмъ разсѣять страхъ и колебанія малодушныхъ участниковъ крестоваго ополченія.

IV. Крестовое ополченіе дѣтей.

Неудачи Крестовыхъ походовъ и мистическое настроеніе служителей церквей и монаховъ все болѣе и болѣе развивали въ народѣ вѣрованіе въ то, что главная причина неудачъ и бѣдствій — одинъ гнѣвъ Божій. Это создавало вѣру въ то, что всѣмъ дѣломъ должно руководить нѣчто сверхъестественное. Никто не хотѣлъ видѣть мелочныхъ споровъ и ссоръ вождей Крестовыхъ походовъ; никто не видѣлъ политическихъ разсчетовъ венеціанцевъ, властолюбія Ричарда Львиное Сердце, ничтожества Гуго, геніальности и энергіи Саладина, измѣны

византійцевъ, отчего главнымъ образомъ борьба между христіанствомъ и исламомъ не могла быть приведена къ концу. Религія совершенствовала нравственность людей, поднимала духъ, скрѣпляла воиновъ воедино. Но изъ-за этого нельзя было пренебрегать искусной подготовкой войскъ, улучшеніемъ оружія, выборомъ болѣе искуснаго предводителя. Припомните Готтфрида Бульонскаго, Фридриха Барбароссу. Они были люди глубоко религіозные, набожные; но они понимали, что человѣкъ долженъ надѣяться на Бога да и самъ не плошать, и изо всѣхъ силъ старались возможно лучше устроить свои войска, вооружить ихъ и подчинить строгой дисциплинѣ. Вотъ и посмотрите, чѣмъ разрѣшились новые взгляды на дѣло, что главнымъ образомъ надо надѣяться на одну сверхестественную помощь, не обращая вниманія больше ни на что.

Это случилось во Франціи и Германіи. Какъ-то въ іюнѣ 1212 года появился въ деревнѣ около г. Вандама мальчикъ-пастухъ Стефанъ.

Всюду ходилъ онъ и вездѣ объявлялъ, что онъ посланъ Богомъ на то, чтобы собрать ополченіе, стать во главѣ его и завоевать Святую Землю христіанамъ.

Куда бы ни приходилъ этотъ настроенный монахами до экстазовъ мальчикъ, — всюду вызывалъ онъ своими дѣтскими рѣчами и описаніями своихъ видѣній бурное воодушевленіе. Всѣ считали его, дѣйствительно, святымъ, посланнымъ отъ Бога. По взглядамъ того времени было очень правдоподобно, что Богъ благословилъ и воодушевилъ чистаго, непорочнаго ребенка на такой великій подвигъ.

Само собой, появленіе одного мальчика вскорѣ вызвало во многихъ мѣстахъ Франціи подражателей. Стали все чаще и чаще появляться мальчики-проповѣдники Крестоваго похода. И всѣ старшіе смотрѣли на это дѣло такъ, что Богъ хочетъ крестоноснымъ ополченіемъ дѣтей смягчить свой гнѣвъ за грѣхи взрослыхъ людей, отцовъ и матерей ихъ.

Конечно, находились люди благоразумные, которые рѣшили воспротивиться этому порыву. Они спрашивали дѣтей, куда же именно они отправятся, что будутъ дѣлать, и получали неизмѣнно одинъ и тотъ же отвѣтъ, — что они идутъ къ Богу за море.

Дошла эта вѣсть до короля, и онъ немедленно приказалъ остановить дѣтей и вернуть домой. Но это невозможно было уже сдѣлать. Словно пожаръ какой-то охватилъ всѣхъ, и водушевленіе общее доходило до того, что взрослые сами посылали своихъ дѣтей на этотъ подвигъ. Дѣло въ томъ, что отцы и матери скорбѣли душой о нихъ, глазъ отъ слезъ не осушали; но суровые монахи-проповѣдники грозили имъ гнѣвомъ Божіимъ, который все равно могъ обрушиться и на нихъ, и на ихъ дѣтей въ случаѣ сопротивленія волѣ Божіей.

Кое-кто изъ дѣтей по приказу короля вернулись домой, но къ остальнымъ дѣтямъ примкнули священники, ремесленники, крестьяне, преступники, скрывающіеся отъ суда, женщины, дѣвушки.

V. Бѣдствія крестоносцевъ.

Ополченіе быстро разросталось, и валомъ валилъ народъ изъ всѣхъ городовъ, мѣстечекъ, деревень вослѣдъ ополченія, во главѣ котораго ѣхалъ на колесницѣ, увѣшанной коврами, мальчикъ-пастухъ. Численность этого ополченія достигала до 30.000 человѣкъ.

Прибыла эта толпа въ Марсель, и тутъ

двое торговцевъ рабами рѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ нажить деньги, явились къ предводителю ополченія и предложили ему за «воздаяніе Божіе» перевезти на корабляхъ въ Святую Землю «поборниковъ Христа».

Ну, вотъ они и размѣстили юныхъ крестоносцевъ на корабли и направились къ Египту. Дорогой два корабля потерпѣли крушеніе, а остальные прибыли въ Египетъ, гдѣ негодяи продали многія тысячи несчастныхъ въ рабство.

VI. Ополченіе дѣтей въ Германіи.

Примѣръ французскихъ дѣтей увлекательно подѣйствовалъ и на нѣмецкихъ дѣтей. Тамъ возбужденіе началось въ нижнерейнскихъ областяхъ. Здѣсь появился десятилѣтній мальчикъ, по имени Николай, и началъ проповѣдывать ополченіе дѣтей. Къ этому принудилъ его отецъ, торговецъ невольниками. Гдѣ ни появлялся ребенокъ, онъ всюду увлекалъ за собою сотни и тысячи сверстниковъ, такъ что вскорѣ вокругъ него собралась толпа около 20,000 мальчиковъ и дѣвочекъ, а къ нимъ присоединилось множество досужаго, праздношатающагося люда, и всѣ они двинулись на югъ, черезъ Альпійскія горы. Это было печальное и въ то же время трогательное до слезъ зрѣлище. По дорогѣ извивались толпы маленькихъ крестоносцевъ. Все это— истощенные переходомъ, изголодавшіеся, но въ то же время возбужденно настроенные цѣлью своего похода маленькіе люди. Большая часть дѣтей, около 15,000 человѣкъ, погибла по дорогѣ отъ истощенія силъ, и только небольшая сравнительно толпа прибыла въ Геную 25-го августа.

VII. Суровая доля.

Но какой же суровый пріемъ ожидалъ ихъ здѣсь. Генуэзцы объ одномъ только и мечтали,—какъ бы имъ скорѣе избавиться отъ изголодавшихся, измученныхъ ребятъ, думая о томъ только, какая тягота можетъ лечь на нихъ, если они пріютятъ у себя этихъ несчастныхъ, бездомныхъ людей.

Генуэзцы торопили отправить ихъ на полный произволъ судьбы, прямо-таки прогнали отъ себя, и дѣти еле-еле добрели до Бриндизи, откуда надо было имъ отправиться моремъ на Востокъ. Воодушевленіе среди нихъ еще не улеглось, и они, навѣрное, рѣшились бы на этотъ безумный шагъ и, конечно, сдѣлались бы жертвой новаго наглаго обмана, но за нихъ энергично вступился мѣстный епископъ, которому жалость несчастныхъ дѣтей положительно не давала покою. Онъ энергично воспротивился этому переселенію и предложилъ имъ вернуться домой.

Дѣти были смущены, испуганы. Кромѣ того, они были такъ настроены монахами, что страдали нравственно, думая, что они совершаютъ неискупимый грѣхъ тѣмъ, что не исполняютъ принятаго ими на себя обѣта крестоносца. Часть ополченія поэтому отправилась въ Римъ, къ папѣ вымолить себѣ разрѣшеніе отъ крестоноснаго ополченія. Но папа не далъ имъ этого разрѣшенія. Онъ только отсрочилъ имъ до совершеннолѣтія исполненіе ихъ нравственнаго долга; то-есть они должны были, выросши, непремѣнно примкнуть къ крестоносному ополченію. Обратный путь дѣтей-крестоносцевъ почти совершенно уничтожилъ все ополченіе, и только немногіе вернулись домой, нѣкоторые по дорогѣ пріютились въ добрыхъ, радушныхъ семьяхъ, гдѣ имъ оказали ласку и пріютъ.

Крестовый походъ дѣтей.

VIII. Проповѣдь священной войны.

Несмотря на явное безразсудство дѣтскаго Крестоваго похода, онъ все-таки сдѣлалъ большое дѣло. Современники были пристыжены дѣтьми и поражены тѣмъ великимъ духомъ, которымъ были проникнуты дѣти-крестоносцы. И это сознаніе снова подняло духъ общества. Именно теперь папа Иннокентій III особенно дѣятельно па-

чалъ собираніе свѣжихъ силъ новаго Крестоваго похода, понявъ, что для такой проповѣди наступило удобное время.

Весной 1213 года папа письменно началъ призывать христіанъ къ борьбѣ съ исламомъ. Тысячи монаховъ и папскихъ пословъ отправились по всѣмъ уголкамъ христіанскаго міра собирать воиновъ креста для крестоваго ополченія. При этомъ теперь уже не справлялись, кто годенъ для ополченія, кто имѣетъ извѣстный достатокъ; нѣтъ, изображеніе креста давалось всякому, кто этого желалъ; даже искренно кающимся преступникамъ не отказывали въ этомъ, такъ какъ надо было во что бы то ни стало набрать какъ можно болѣе народа.

Эти мѣры способствовали значительному успѣху въ дѣлѣ составленія крестоваго ополченія. Монахи призывали крестоносцевъ всюду—по городамъ, селеніямъ, поселкамъ, на большихъ дорогахъ и мостахъ. Напоминая о бѣдствіяхъ Святой Земли и неудачахъ прежнихъ Крестовыхъ походовъ, они разжигали своими проповѣдями все больше и больше общее крайне возбужденное настроеніе людей того времени.

Значительныя народныя массы приносили свою присягу въ участіи въ крестовомъ ополченіи во Франціи, въ Англіи, въ Италіи и Германіи. Кто не принималъ личнаго участія въ походѣ, помогалъ деньгами: бѣдные клали свои гроши въ многочисленныя кружки, развѣшанныя по всѣмъ церквамъ, богатые отдавали крупныя суммы на поддержаніе ополченія въ Святой Землѣ. Французскій король Филиппъ-Августъ отдалъ даже на эти нужды сороковую часть годового дохода Франціи.

Повторяю, что сбору пятаго Крестоваго похода особенно помогло могущество папы Иннокентія III, который достигъ, наконецъ, отчасти своей цѣли, какъ и мечталъ. Внимательно слѣдилъ папа изъ года въ годъ за политикой Европы, заблаговременно узнавая сильныя и слабыя стороны воюющихъ между собой и со своими подданными государей, и всегда во-время помогалъ болѣе сильнымъ. Этимъ онъ какъ бы обязывалъ побѣдителей быть впослѣдствіи благодарными ему и зависѣть отъ него.

Такъ, папа помогъ въ Германіи юному Фридриху II Штауфену утвердиться на престолѣ, и за то Фридрихъ въ порывѣ юношескаго увлеченія произнесъ крестоносную присягу и склонилъ къ этому многихъ подданныхъ ему герцоговъ и бароновъ. Точно такъ же, находясь подъ вліяніемъ могущества папы, Іоаннъ Англійскій и Петръ Аррагонскій объявили свои страны ленниками папской Церковной Области и готовы были по увѣщанію папы принять присягу участвовать въ крестовомъ ополченіи.

IX. Соборъ въ Римѣ.

Чтобы скорѣе надежно закрѣпить дѣло Крестоваго похода, папа назначилъ всеобщій соборъ христіанской церкви въ Римѣ въ ноябрѣ 1215 года.

До семидесяти патріарховъ и архіепископовъ, 400 епископовъ, около 900 аббатовъ и пословъ свѣтскихъ государей составили этотъ пышный соборъ, который считался первымъ по своей грандіозности и назывался современниками съѣздомъ, на которомъ «собралась вся земля». Помимо рѣшенія многихъ мелкихъ вопросовъ свѣтскихъ и церковныхъ, этотъ соборъ постановилъ, что всѣ крестоносцы должны быть

Пѣсни трубадуровъ о подвигахъ крестоносцевъ.

готовы выступить въ походъ непремѣнно къ 1-му іюня 1217 года. Всякій, кто оказывалъ содѣйствіе этому общему дѣлу, заранѣе получалъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ, а кто противодѣйствовалъ ему,—отлучался отъ церкви. Въ продолженіе всего этого времени христіане не должны были воевать между собой, а также воздержи-

ваться отъ турнировъ; духовныя же лица должны были жертвовать двадцатую часть своихъ доходовъ, а папа и кардиналы—даже десятую часть на нужды крестоносцевъ.

Энергично и искусно велъ свое дѣло собиранія крестоноснаго ополченія папа Иннокентій III. Но ему не пришлось порадоваться на благіе результаты своихъ трудовъ, потому что онъ внезапно умеръ лѣтъ 54. На мѣсто его былъ избранъ папа Гонорій III. Насколько папа Иннокентій былъ смѣлъ, рѣшителенъ и твердъ характеромъ, настолько папа Гонорій III былъ слабохарактеренъ, уступчивъ, слабъ здоровьемъ и старъ годами.

X. Продолженіе проповѣди.

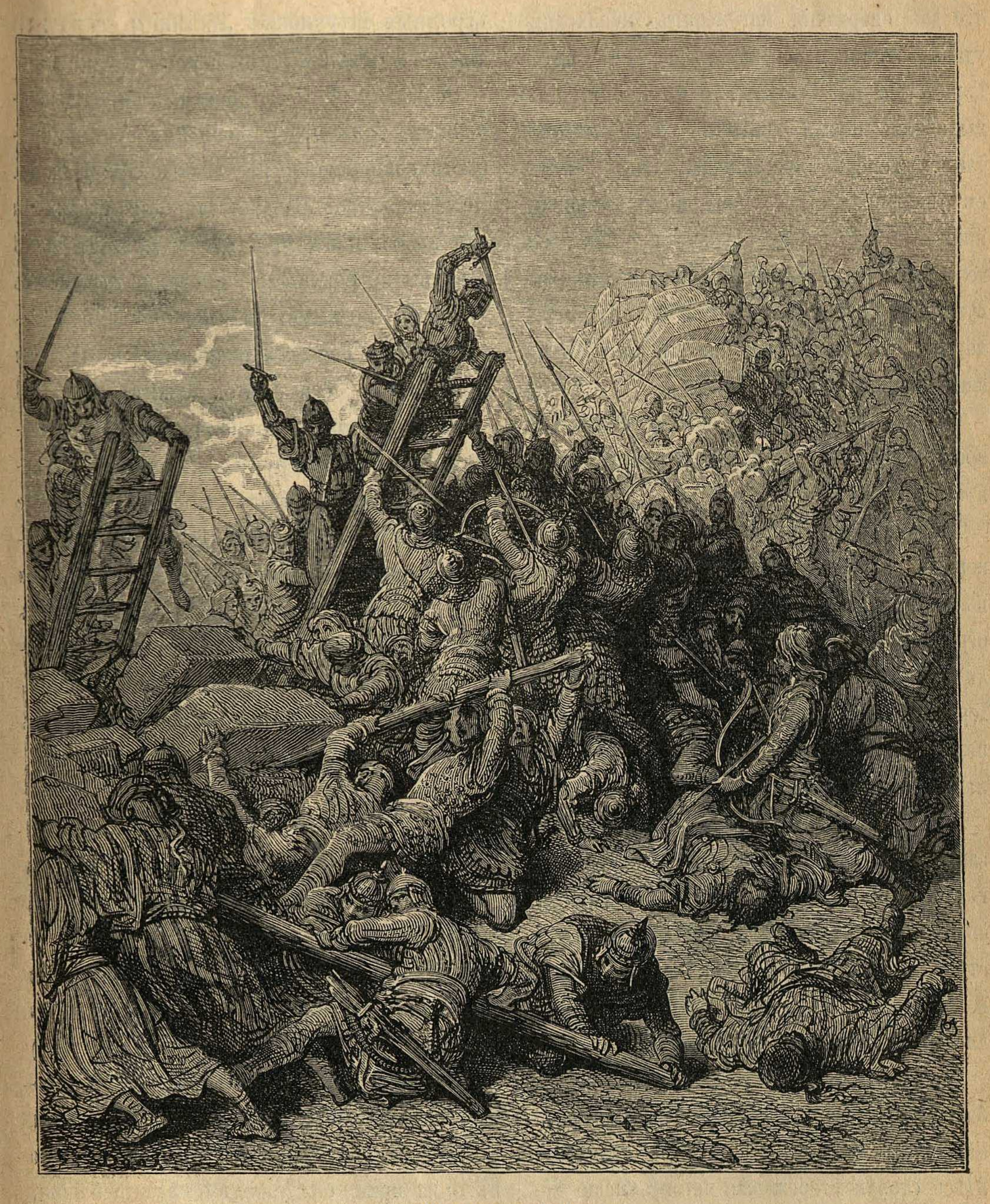
Тѣмъ не менѣе папа Гонорій ревностно принялся за продолженіе дѣла Иннокентія III, и его призывъ къ крестовому ополченію вызывалъ сочувствіе во многихъ. Въ то же время и въ Сиріи среди христіанъ шла дѣятельная проповѣдь къ священной борьбѣ съ сельджуками. Краснорѣчивый проповѣдникъ епископъ Яковъ Витри, дѣйствительно, успѣлъ значительно воодушевить на это дѣло крестоносцевъ; онъ даже писалъ папѣ, что теперь и незначительное ополченіе легко можетъ опрокинуть силы султана Альмелика Аладила.

И тѣмъ не менѣе послѣ смерти энергичнаго Иннокентія III возстаніе Запада противъ Востока стало почти невозможнымъ. Фридрихъ II Штауфенъ отложилъ Крестовый походъ на неопредѣленное время, объявивъ, что ему надо находиться покамѣстъ на родинѣ для сохраненія своего престола. Король англійскій Іоаннъ умеръ въ 1216 году, причемъ оставилъ послѣ себя государство въ страшно разстроенномъ состояніи. Французы тоже не хотѣли начинать похода, такъ какъ для этого имъ пришлось бы слишкомъ тѣсно соединиться съ нѣмцами, а этого они не желали. Такъ постепенно какъ-то и замирало ревностно начатое дѣло; крестоносцы медлили съ исполненіемъ своего обѣта, и только немногіе рыцари со своими отрядами латниковъ дѣятельно собирались въ далекій путь на Востокъ.

XI. Рядъ небольшихъ походовъ.

Весной 1217 года собрались значительныя ополченія въ Венгріи и въ сосѣдней части Германіи. Съ большими трудами собралъ венгерскій король Андрей крестовое ополченіе, исполняя тѣмъ невыполненный обѣтъ своего отца, Белло III Венгерскаго, и вмѣстѣ съ герцогомъ Австрійскимъ и герцогомъ Оттономъ Меранскимъ отправился въ Сирію и прибылъ въ Акконъ. Въ октябрѣ этого года въ Сиріи собрались громадныя толпы крестоносныхъ воиновъ, но всѣ они были какъ-то разрознены; не было среди нихъ сильнаго, дальновиднаго вождя, и все это предпріятіе въ концѣ-концовъ разрѣшилось цѣлымъ рядомъ небольшихъ, безрезультатныхъ походовъ.

Султанъ Альмеликъ Аладилъ вообще настойчиво избѣгалъ открытыхъ стычекъ и старался только заводить крестоносцевъ въ глушь степей, гдѣ тѣ изнемогали отъ голода, жажды, разочаровывались, не встрѣчая ни вооруженныхъ силъ непріятеля, ни богатыхъ крѣпостей, и вяло возвращались въ Акконъ. Король Андрей въ слѣдующемъ же году вернулся домой, равнодушный къ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ Крестовыхъ походовъ, довольный тѣмъ, что снялъ съ памяти своего отца невыполненный обѣтъ.

Нападеніе на Даміетту.

Только нѣмцы и австрійцы остались въ Сиріи, куда въ 1218 году прибыли еще свѣжія силы изъ Европы, — жители Рейнскихъ земель и Фризы, подъ начальствомъ графа Георга Видскаго и Вильгельма Голландскаго. Подкрѣпленіе это сразу подняло упавшій, было, духъ крестоносцевъ въ Акконѣ, но не надолго.

XII. Осада Даміетты.

За послѣднее время у всѣхъ участниковъ Крестовыхъ походовъ сложилось мнѣніе,

что для сверженія магометанъ необходимо ударить главнымъ образомъ не на Святой Городъ, а на Египетъ, откуда постоянно выходили новыя, свѣжія силы магометанъ. Теперь крестоносцы въ Акконѣ съ прежнимъ воодушевленіемъ рѣшили привести въ исполненіе этотъ планъ. Съ чего же было начать? При общемъ обсужденіи дѣла выборъ палъ на Даміетту, которая считалась какъ бы ключемъ Нильской долины.

Съ лихорадочнымъ рвеніемъ принялись крестоносцы къ спѣшнымъ, неотложнымъ приготовленіямъ.

Въ концѣ мая къ Даміеттѣ уже пристали первые корабли крестоноснаго флота и высадились на берегъ, гдѣ и разбили огромный лагерь. Во главѣ ополченія стояли англійскій король Іоаннъ, патріархъ Іерусалимскій, герцогъ Австрійскій Леопольдъ, графы Видскій, Голландскій и три магистра духовныхъ орденовъ.

Сильная крѣпость была Даміетта; она занимала собой большое пространство на полуостровѣ Нила и была прекрасно и сильно укрѣплена. Три кольца толстыхъ стѣнъ окружали городъ, а на этихъ стѣнахъ, кромѣ того, были укрѣплены безчисленные бастіоны и крѣпкія башни.

Огромная башня была выстроена на небольшомъ островѣ посреди Нила; она соединялась висячимъ мостомъ съ городомъ. Здѣсь стояли сторожевые магометанскіе корабли, а вся бухта, гдѣ помѣщались они, была заграждена цѣпями.

Крестоносцы, считая эту башню главной обороной Даміетты, рѣшили устремить на нее всѣ свои силы. Множество судовъ быстро превратили въ сильныя плавающія осадныя машины, на которыхъ находились огромныя штурмовыя лѣстницы, а на мачтахъ—небольшія крѣпостцы.

Осажденные въ крѣпости отчаянно защищались, такъ что первый приступъ на крѣпость совершенно не удался христіанамъ. Не отчаялись, однако, моряки; соединили они небольшія крѣпостцы на мачтахъ двухъ судовъ перекидными мостами, собрались здѣсь съ подвижными штурмовыми лѣстницами, съ боевыми снарядами и подвели корабли къ осаждаемой башнѣ.

Началась отчаянная битва, и послѣ цѣлаго дня, къ вечеру только удалось захватить небольшую часть башни. Отчаянные приступы крестоносцевъ смутили защитниковъ башни и бухты настолько, что они ясно увидѣли теперь всю безвыходность своего положенія и то, что имъ положительно невозможно дольше поддерживать защиту. На-утро всѣ единодушно согласились сдаться крестоносцамъ на капитуляцію.

XIII. Смущеніе магометанъ.

Султанъ Аладилъ всю жизнь старался утишить воинственный пылъ крестоносцевъ. Когда послѣдніе обратили свое оружіе на Египетъ,—онъ началъ упорно тревожить сирійскихъ христіанъ, съ тѣмъ, чтобы отвлечь общее вниманіе на Египетъ; и ему удалось нанести значительный ущербъ крестоносцамъ. Онъ радовался этому, видя, что планъ его дѣйствій удается ему, но въ то же время онъ узналъ о паденіи башни, главной защитницы Даміетты; и тогда онъ понялъ, что теперь христіане мало-по-малу начинаютъ пробивать себѣ дорогу сначала къ Даміеттѣ, а потомъ къ Египту. И это обстоятельство настолько поразило его, что онъ не вынесъ такого неожиданнаго удара судьбы и умеръ въ августѣ 1218 года.

Султану Аладилу наслѣдовали его сыновья: Альмуаззамъ—въ Сиріи и Алькамилъ—въ Египтѣ.

Тяжело было ихъ положеніе въ то смутное, неопредѣленное время. Война за Даміетту грозила имъ обоимъ, тѣмъ болѣе, что среди туземцевъ ихъ владѣній распространялось все больше и больше мятежное настроеніе, которое, конечно, въ концѣ-концовъ не могло окончиться добромъ.

XIV. Ошибка крестоносцевъ.

Магометане были стѣснены; смущеніе охватило ихъ, но крестоносцы все-таки не сумѣли воспользоваться выгодностью своего положенія. Какъ и прежде, первые внѣшніе успѣхи какъ-будто удовлетворили ихъ, и они безпечно опустили руки. Одни отдыхали, другіе, удовлетворившись этой побѣдой, поспѣшили вернуться на родину, такъ какъ считали, что они достаточно потрудились во имя Бога и теперь какъ бы получили нравственный отпускъ для себя, тѣмъ болѣе, что изъ Европы прибывали все новыя и новыя подкрѣпленія имъ на смѣну. Между тѣмъ магометане даромъ времени не теряли. Изъ этого промедленія со стороны крестоносцевъ они постарались извлечь для себя возможно большія выгоды.

Прежде всего они живо и прочно подчинили строгой дисциплинѣ разрозненныя части своего войска, пополнили его новымъ составомъ, призвавъ своихъ единовѣрцевъ къ священной войнѣ. Алькамилъ распорядился перекинуть мостъ черезъ Нилъ выше Даміетты съ тѣмъ, чтобы его войска могли такимъ образомъ безпрестанно тревожить христіанскій лагерь. Терпѣли значительно и магометане отъ этого, но все-таки положеніе христіанъ значительно ухудшилось, тѣмъ болѣе, что начало зимы, разливъ Нила, повальныя болѣзни, голодовки уничтожили почти пять шестыхъ ихъ войска, и оставшаяся въ живыхъ часть твердо рѣшила пойти напроломъ, лишь бы какъ-нибудь выбраться изъ своего стѣсненнаго положенія. Прежде всего надо было перебраться на восточный берегъ и искать рѣшительной войны. Снарядили суда, приготовили войско и въ началѣ 1219 года стали готовиться къ переправѣ. Но въ это время непріятель выставилъ противъ нихъ значительныя силы, притомъ совершенно готовыя къ бою, а затѣмъ налетѣвшая буря и волненіе рѣки на много утишили общее воинственное настроеніе.

XV. Мятежъ мусульманъ.

Христіанамъ пришлось бы очень плохо, если бы въ этомъ дѣлѣ сами магометане не повредили себѣ. Въ войскѣ ихъ вспыхнулъ заговоръ и общій мятежъ, который поднялъ одинъ офицеръ, намѣреваясь свергнуть Алькамила и провозгласить султаномъ младшаго брата его, Альфаиза. Алькамилъ бѣжалъ, и большая часть войска его распалась. Обрадованные христіане легко разогнали слабые отряды непріятелей вокругъ стѣнъ Даміетты и тѣсно окружили городъ со всѣхъ сторонъ.

Но Алькамилъ вскорѣ соединился съ Альмуаззамомъ, усмирилъ бунтовщиковъ и двинулся противъ крестоносцевъ. Тогда начались подъ стѣнами Даміетты частыя, безпощадныя битвы. Христіане разбивали стѣны Даміетты, а Алькамилъ нападалъ на нихъ съ тылу, разрушалъ мосты и ихъ укрѣпленія.

Между тѣмъ жизнь за стѣнами Даміетты часъ-отъ-часу становилась все невыносимѣе,

такъ какъ съѣстные припасы приходили къ концу; чтобы помочь несчастнымъ осажденнымъ, Алькамилъ употреблялъ всякаго рода хитрости; между прочимъ, по его распоряженію, выпотрошили убитыхъ верблюдовъ, начинили ихъ съѣстными припасами и спустили по Нилу. Но христіане замѣтили это и выловили всѣ припасы.

Волей-неволей, продержавшись съ большимъ трудомъ еще нѣкоторое время, Алькамилъ обратился къ крестоносцамъ, смиренно прося ихъ о заключеніи мира.

XVI. Взятіе Даміетты.

Алькамилъ предложилъ крестоносцамъ отступить отъ Даміетты и за это обѣщалъ прекрасныя условія мира. Онъ обѣщалъ выдать Святой Крестъ, вернуть Іерусалимское королевство и уплатить большую сумму денегъ. Но бѣда въ томъ, что крестоносцы разбились на двѣ партіи: одни считали эти условія вполнѣ удовлетворяющими ихъ требованіямъ, и къ нимъ присоединялся король Іоаннъ, бо́льшая часть нѣмцевъ, французовъ и англичанъ; но противъ мира возстали патріархи, рыцари орденовъ и итальянцы, выставляя на видъ то, что крестоносцы не должны успокаиваться до тѣхъ поръ, покамѣстъ вся сила магометанъ не будетъ окончательно уничтожена. Особенно стоялъ за продолженіе войны папскій посолъ Пелагій, и партія послѣдняго одолѣла въ концѣ-концовъ, послѣ чего приверженцы Пелагія немедленно же выбрали его главнокомандующимъ войска.

Въ ближайшую ночь Пелагій рѣшилъ окончательно покончить съ вопросомъ о Даміеттѣ, не теряя времени даромъ. Городскія ворота были подожжены, а затѣмъ выбиты. Крестоносцы ворвались въ городъ воротами; другіе воины перелѣзли черезъ стѣны, и утромъ 5-го ноября 1219 года крѣпость была взята, и флагъ крестоносцевъ побѣдоносно взвился надъ взятымъ приступомъ городомъ.

Даміетта предоставила богатую добычу крестоносцамъ. Большинство жителей отъ продолжительнаго голода и упадка духа находились въ болѣзненномъ состояніи и, конечно, не могли оказать серьезнаго сопротивленія. Громадныя суммы денегъ, богатая обстановка, драгоцѣнная утварь,—все это досталось крестоносцамъ. Мечети были обращены въ христіанскія церкви. Но этого мало,—послѣ такой побѣды владычество христіанъ могло распространиться и на окрестности Даміетты, гдѣ крѣпость Танисъ, напримѣръ, сдалась почти безъ бою. А крѣпость эта была очень важна, такъ какъ она главнымъ образомъ доставляла Даміеттѣ продовольствіе.

XVII. Смуты.

Да, не разъ приходилось вамъ, читая исторію Крестовыхъ походовъ, видѣть, какихъ неимовѣрныхъ усилій стоило завоеваніе и временное владычество въ Святой Землѣ христіанамъ. Каждый шагъ брали съ бою; каждый шагъ покрывали кровью нѣсколькихъ живыхъ жизней и потомъ опять упускали изъ рукъ такъ дорого купленную землю. Почему такъ? По многимъ причинамъ, изъ которыхъ главныя заключались въ ошибкахъ, въ небрежности, въ непростительной жадности командующихъ лицъ. Нѣтъ достойнаго названія тѣмъ лицамъ, которыя ставятъ на карту чужую жизнь, чужіе интересы ради личныхъ соображеній, ради личныхъ счетовъ. А

между тѣмъ, почти на каждомъ шагу приходилось намъ отмѣчать именно такіе случаи.

Военачальникъ — въ личной ссорѣ съ военачальникомъ союзнаго войска. И ради того только, чтобы отплатить ему за личное оскорбленіе, онъ жертвуетъ тысячами жизней своихъ воиновъ и воиновъ союзника. Страшно это, непростительно это!..

Завоеваніе Даміетты произвело благопріятное впечатлѣніе на христіанъ, а на Западѣ вновь вызвало цѣлое броженіе въ народѣ, который снова сталъ собираться идти воевать въ Святую Землю.

Даміетта не представляла особенной выгоды, какъ это казалось тогда, но, благодаря завоеванію ея, теперь можно было болѣе твердыми шагами идти на завоеваніе всего Египта, нельзя было только даромъ терять времени. Христіане вѣрили, что теперь вскорѣ уже владычество ихъ на Нилѣ и на Іорданѣ будетъ обезпечено разъ навсегда. Населеніе Каира и Дамаска было исполнено сомнѣній, горя и ужаса.

И такія удобныя для священной войны обстоятельства крестоносцы снова упустили изъ рукъ!.. Упоенные завоеваніемъ Даміетты, начальники опустили руки; многіе участники, считая, что они исполнили свой нравственный долгъ въ отношеніи къ обѣту участвовать въ Крестовомъ походѣ, стали отправляться обратно на родину. Но самое главное было то, что снова начались въ средѣ вождей крестоносныхъ ополченій мелочные, отвратительные раздоры. Король Іоаннъ Іерусалимскій вступилъ въ споръ съ папскимъ легатомъ Пелагіемъ, требуя, чтобы Даміетта была присоединена къ его владѣніямъ.

Рѣзко и надменно сталъ возражать ему легатъ, и только въ концѣ-концовъ согласился на это. Но его тонъ, его надменность произвели слишкомъ дурное впечатлѣніе на Іоанна, такъ что дѣло доходило даже до кровавыхъ стычекъ между крестоносцами. Не ужасно ли было поступать такъ въ виду непримиримаго, озлобленнаго противника?.. Въ то же время и въ Сѣверной Антіохіи личныя ссоры значительно вредили дѣлу завоеванія Святой Земли. Вы помните, что внукъ армянскаго короля Льва, принцъ Рубенъ, владѣлъ только Триполлисомъ и пользовался покровительствомъ своего дѣда. Такъ вотъ онъ и задумалъ завладѣть всей Антіохіей, собралъ войско и выгналъ князя Боэмунда въ 1216 году изъ Антіохіи. Но прошло три года, и король Левъ умеръ. Рубенъ остался безъ поддержки, и Боэмундъ IV снова овладѣлъ Антіохіей, а Арменія, благодаря такимъ смутамъ, сама впала въ бѣдственное положеніе.

Король Іоаннъ, услыхавъ о томъ, немедленно бросилъ всѣ дѣла въ Египтѣ и двинулся въ Антіохію, надѣясь извлечь себѣ какую-нибудь пользу изъ этихъ внутреннихъ междоусобицъ.

Вы видите, какъ вредили сами себѣ христіане на Востокѣ, какъ они сами же разбивали свои силы. Конечно, король Іоаннъ только даромъ потратилъ свои силы и людей, не добившись рѣшительно ничего въ Сиріи, и въ 1221 году вернулся оттуда, чтобы завершить египетскій походъ.

XVIII. Новыя силы.

Магометане, конечно, прекрасно воспользовались какъ этимъ случаемъ, такъ и безсмысленными планами папскаго легата Пелагія. Алькамилъ сталъ лагеремъ невдалекѣ отъ города Мансура, на рѣкѣ Нилъ, невда-

лекѣ отъ Даміетты. Помощью своихъ развѣдочныхъ кораблей магометане подстерегали суда съ прибывающими сюда пилигримами. Въ это же время Альмуаззамъ громилъ границы христіанской Сиріи, но, оттѣсняемый крестоносцами, все-таки отступилъ въ свои владѣнія.

Общее положеніе было какое-то странное и крайне натянутое, и весной 1221 года наступило разрѣшеніе этого неопредѣленнаго состоянія.

Сильныя нѣмецкія ополченія прибыли изъ Европы въ маѣ мѣсяцѣ. Ими командовали герцогъ Людовикъ Баварскій и епископъ Ульрихъ Пассаускій; за ними надвигались еще болѣе сильныя крестоносныя ополченія, которыя должны были быть на мѣстѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Ихъ долженъ былъ вести самъ императоръ Фридрихъ II.

Конечно, лучше всего было бы дождаться прибытія этихъ силъ, но легату Пелагію не терпѣлось. Онъ мечталъ устроить все дѣло завоеванія Святой Земли своими силами. Успѣхъ завоеванія Даміетты вскружилъ ему голову; Пелагій всѣми силами давно уже уговаривалъ двинуться дальше, чтобы разгромить Египетъ. И когда прибыли передовые отряды Фридриха II, онъ рѣшилъ воспользоваться ихъ свѣжими силами.

XIX. Планы Пелагія.

Папскій легатъ немедленно же обратился къ вновь прибывшимъ передовымъ крестоносцамъ съ предложеніемъ единодушно и сразу ударить на магометанъ, чтобы сбить всѣ непріятельскія позиціи и идти дальше на Каиръ.

Вновь прибывшіе воины, дѣйствительно, рвались къ бою и легко поддались на уговоры Пелагія. Но они стали открыто и не спѣша приготовляться къ своему походу и тѣмъ какъ бы предупредили самихъ магометанъ не зѣвать тоже. Крестоносцы были готовы только къ половинѣ іюля, къ тому времени, когда начинается ежегодный разливъ Нила, а это обстоятельство грозило гибели войска отъ голода и всевозможныхъ лишеній.

Среди магометанъ, въ Каирѣ, вѣсть объ этомъ походѣ произвела страшный переполохъ, но султанъ Алькамилъ не испугался. Онъ всѣ силы употребилъ на то, чтобы уговорами, угрозами успокоить свой народъ и сформировать изъ него стойкое, выносливое войско. Онъ также одновременно съ этимъ просилъ помощи у своихъ друзей и родныхъ, правившихъ въ Сиріи и въ Мессопотаміи. Но, выйдя на битву съ крестоносцами, онъ снова предложилъ имъ перемиріе, обѣщая вернуть христіанамъ все Іерусалимское королевство, требуя со стороны крестоносцевъ только одного — очистить Даміетту. Большинство крестоносцевъ готово было идти на уступку такого рода, но противъ подобнаго мира горячо и твердо возсталъ Пелагій, и по его настоянію былъ посланъ султану Алькамилу надменный и рѣшительный отказъ крестоносцевъ.

XX. Неудача.

Этотъ отвѣтъ страшно раздражилъ магометанъ, и они рѣшили жестоко отплатить христіанамъ. Христіане разбили лагерь вблизи Мансуры, окружили его рвами, валами и укрѣпленіями и засѣли здѣсь поджидать непріятеля. Этимъ они только еще болѣе помогли магометанамъ, потому что за это время къ послѣднимъ

подошли свѣжія, хорошо обученныя войска мусульманъ изъ Сиріи и Мессопотаміи. Къ тому же, за это время вода въ Нилѣ значительно поднялась и залила всѣ низменности, рвы и канавы. Мусульмане на корабляхъ подошли къ крестоносному флоту, и значительная часть его была быстро уничтожена ими. Затѣмъ все египетское войско было разбито на множество сильныхъ отдѣльныхъ отрядовъ, которые расположились вокругъ лагеря пилигримовъ. Всѣ дороги, мосты и плотины между Мансурой и Даміеттой были разрушены, и несдерживаемыя нильскія воды хлынули на лагерь христіанъ, который превратился въ какой-то островъ посреди могучей рѣки, за которымъ слѣдили съ отдаленныхъ береговъ хорошо вооруженные отряды непріятелей. Тяжелое положеніе христіанъ не замедлило отразиться на общемъ настроеніи ихъ; дисциплина поколебалась, хотя воины все еще продолжали стойко держаться до конца августа. 26-го числа они рѣшили ночью бѣжать со своей стоянки и пробраться за стѣны Даміетты. Но они не сохранили втайнѣ даже этого, и непріятель заранѣе узналъ объ ихъ планѣ отступленія.

Была ночь, холодная, сырая ночь, когда крестоносцы начали отступать тѣсно сплоченными отрядами, нерѣшительно, ощупью, безпрестанно скользя и падая на мокрыхъ, склизкихъ тропинкахъ и переходахъ. И вдругъ изъ мрака на несчастные, шаткіе отряды со всѣхъ сторонъ набросились построенныя правильными рядами силы непріятеля, и началось положительное избіеніе крестоносныхъ воиновъ.

Ночь прошла, наступило утро, но оно не принесло утѣшенія, даже, наоборотъ, при дневномъ свѣтѣ ярче и безотраднѣе вырисовалась картина отчаяннаго положенія христіанъ. Рыцари бились съ отчаяніемъ, видя неминуемую гибель и страстно желая, только одного—какъ можно дороже продать свою жизнь.

Снова наступила ночь, христіане медленно, шагъ за шагомъ продолжали отступать во мракѣ, наобумъ отражая непріятеля, тѣснившаго ихъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, новое горе постигло ихъ,—всѣ съѣстные припасы пришли къ концу, и тогда всѣ увидѣли, что смерть ихъ неизбѣжна. Дѣлать было нечего; теперь оставалось одно—униженно просить мира у Алькамила.

XXI. Миръ.

Мусульмане знали весь ужасъ и тяжелое положеніе крестоносцевъ и рвались къ тому, чтобы окончательно истребить все крестоносное ополченіе. Но Алькамилъ былъ на много дальновиднѣе и, услышавъ отъ посольства просьбу крестоносцевъ, согласился на миръ, разрѣшая христіанамъ свободно вернуться къ себѣ, но очистить Даміетту и весь Египетъ и въ теченіе восьми лѣтъ не начинать войны, если этого не пожелаетъ коронованный король изъ Западной Европы. Заключенію этого мира много мѣшало то, что въ это время къ Даміеттѣ пристало войско, посланное императоромъ Фридрихомъ II, которое и слышать не хотѣло объ отдачѣ Даміетты. Всѣ здѣсь были озлоблены противъ пострадавшихъ крестоносцевъ и особенно противъ легата Пелагія. Но въ концѣ-концовъ защитники Даміетты поняли, что въ случаѣ отказа они могутъ подвергнуться такой же плачевной участи, какъ и ихъ товарищи, и 7-го сентября Даміетта была ими сдана магометанамъ.

XXII. Общій обзоръ событій.

Несмотря на то, что Іерусалимское королевство и завоеваніе Святого Города представляли конечную цѣль Крестовыхъ походовъ, за послѣднее время крестоносныя ополченія какъ-то обходили этотъ вопросъ и вмѣсто Іерусалима завоевывали города, крѣпости и земли на Сирійскомъ побережьи или на югѣ, въ Египтѣ. Историки усматриваютъ въ этомъ двѣ причины. Первое—то, что переходъ къ Іерусалиму представлялъ большія трудности, благодаря пустынной мѣстности и отсутствію воды. Другою же причиной было то обстоятельство, что Сирійское побережье къ сѣверу отъ Аккона было густо заселено, и города, благодаря торговлѣ и земледѣлію, здѣсь процвѣтали и богатѣли изъ года въ годъ, а мѣстности къ югу отъ Аккона представляли пустыню послѣ Саладиновыхъ погромовъ. Явное дѣло, что крестоносные князья и итальянскіе купцы не интересовались вовсе ни этой запустѣвшей областью, ни Іерусалимомъ, а мечтали какъ можно шире раздвинуть владѣнія внутри страны, поднять и развить торговлю въ Даміеттѣ и Александріи. Поэтому они всячески искусно старались отклонить общее стремленіе довѣрчивыхъ крестоносныхъ массъ къ Святому Городу и ради собственныхъ интересовъ направляли ихъ на богатый, плодородный Египетъ.

Пораженіе легата Пелагія произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе, которое было особенно чувствительно послѣ той радости, которую вызвало завоеваніе Даміетты. Общій подъемъ духа во многихъ смѣнился упадкомъ и состояніемъ, близкимъ къ равнодушію.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Крестовый походъ Фридриха II.

I. Начало похода.

Фридрихъ II принялъ обѣтъ совершить Крестовый походъ лѣтомъ 1215 года со всѣмъ пыломъ юношеской легкомысленной души. Честолюбивыя мечты не давали ему покою, въ мысляхъ его носились воспоминанія о Фридрихѣ I и Генрихѣ VI, по стопамъ которыхъ ему страшно хотѣлось слѣдовать. Главнымъ образомъ, его поддерживало и вдохновляло желаніе распространить свое могущество на Востокѣ. Но ему нельзя было въ то время тотчасъ же приступить къ выполненію своихъ плановъ въ виду того, что положеніе его въ Европѣ было не вполнѣ прочно, и онъ могъ потерять здѣсь свою власть и могущество, отлучившись на Востокъ со своей арміей. Въ 1220 году его сынъ, Генрихъ, былъ избранъ его преемникомъ, нѣмецкимъ королемъ, а самъ онъ коронованъ императоромъ. Тогда онъ увидѣлъ, что теперь на-

Процессія въ память погибшихъ крестоносцевъ.

ступило время, когда онъ можетъ серьезно начать собирать крестовое ополченіе для борьбы съ исламомъ, потому что теперь германскій престолъ былъ формально упроченъ за его родомъ. Въ это-то время онъ и послалъ въ Египетъ часть своего войска, которое, мы видѣли, высадилось въ 1221 году въ Даміеттѣ.

II. Политика папы.

Со времени Иннокентія III папа и кардиналы привыкли смотрѣть на себя какъ на единственныхъ, могущественныхъ владыкъ всего міра. Поэтому они боялись и ненавидѣли всякую свѣтскую власть, которая почему-либо возвышалась и становилась могущественной. Фридрихъ II сначала не казался имъ такимъ лицомъ, и они всячески поддерживали его.

Но дарованія Фридриха II, его удачи, ловкость быстро возвысили его на нѣмецкомъ престолѣ, и такое быстрое возвышеніе не могло, конечно, понравиться владыкѣ Римской церкви. Наоборотъ, въ немъ онъ видѣлъ себѣ соперника, который тѣснитъ его, который впослѣдствіи будетъ угрожать духовному міру, и онъ готовъ былъ на всякія средства, чтобы какимъ бы то ни было образомъ унизить его.

Теперь собственно представлялся именно такой удобный случай.

Потеря Даміетты Пелагіемъ падала темнымъ пятномъ на духовную власть Римской церкви. Чтобы сложить съ себя этотъ тяжелый упрекъ, лучше всего было втянуть въ это дѣло свѣтскую власть. Фридрихъ II самъ вызвался на это. Такимъ образомъ, папа могъ одновременно и освободить себя отъ нареканій, и унизить Фридриха II. Вотъ почему папа Гонорій втайнѣ обрадовался желанію Фридриха и всѣми силами, хотя и не показывая явно вида, старался возможно больше разжечь самолюбіе и властолюбивые планы императора.

III. Неудачныя приготовленія къ походу.

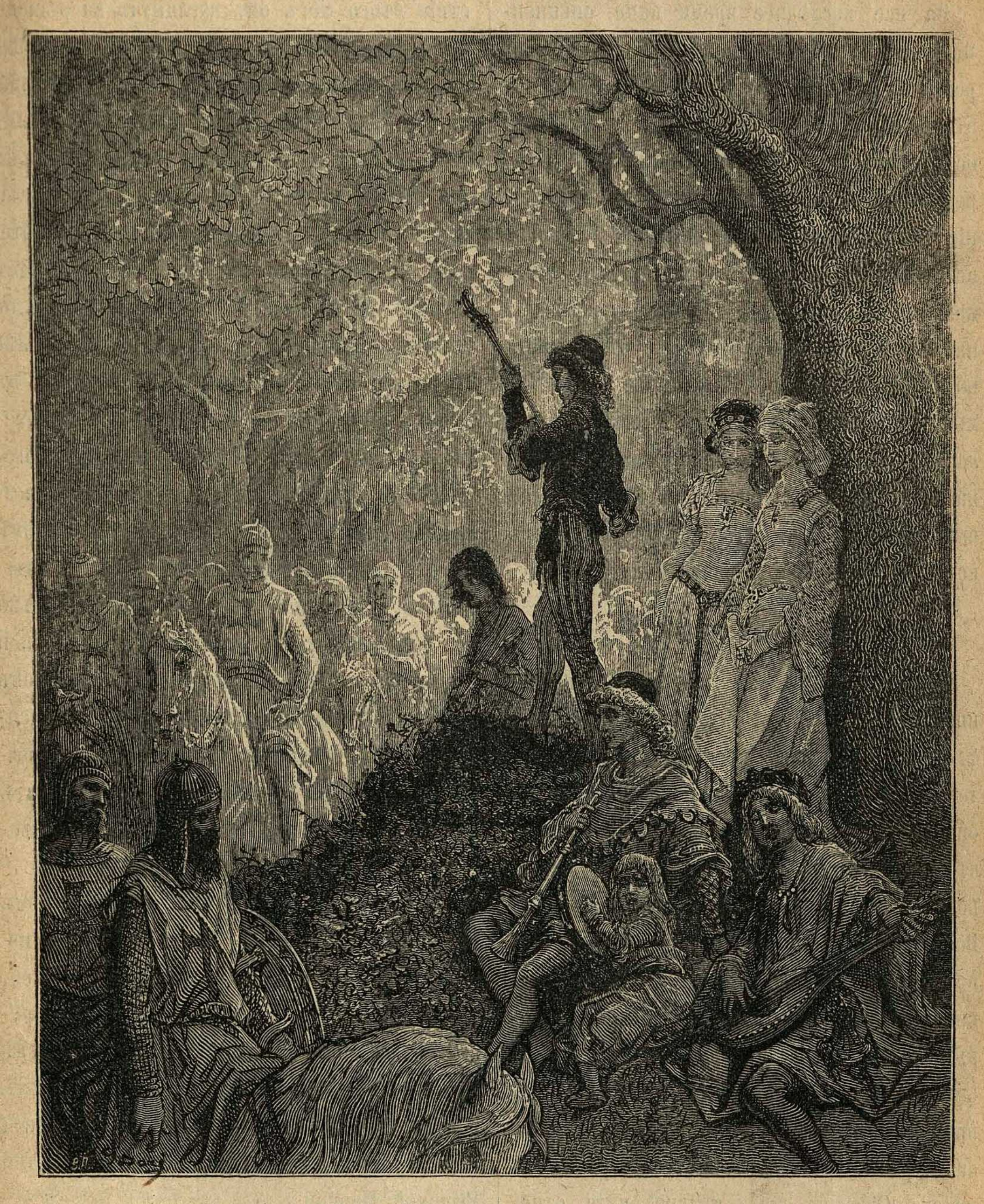
Въ 1223 году, въ мартѣ императоръ, папа, епископы Германіи и Италіи, а также пріѣхавшіе исключительно на этотъ случай изъ Сиріи кардиналъ Пелагій, король Іоаннъ и іерусалимскій патріархъ собирались въ Ферентино, въ Кампаньи, и здѣсь Фридрихъ II вторично повторилъ свою присягу совершить Крестовый походъ въ Палестину.

Собраніе постановило выступить въ походъ 24-го іюня 1225 года, то-есть черезъ два года. Въ это же время Фридрихъ II, овдовѣвшій недавно, принялъ предложеніе обвѣнчаться съ дочерью короля Іоанна Іерусалимскаго, Изабеллой, вмѣстѣ съ которой къ Фридриху II переходило и Іерусалимское королевство. На два же года Крестовый походъ былъ отложенъ въ виду вотъ какихъ причинъ. Фридрихъ II владѣлъ Сицилійскимъ королевствомъ, въ которомъ уже два-три года происходило страшное возстаніе мусульманъ; нужно было усмирить ихъ, прежде чѣмъ начинать Крестовый походъ; во-вторыхъ, эти два года требовались на то, чтобы собрать насколько можно больше участниковъ крестоваго ополченія.

Благодаря уму и энергіи, Фридрихъ II скоро подавилъ возстаніе мусульманъ, и первая причина была устранена. Но что касается сбора крестоносцевъ, то это не такъ-то легко было сдѣлать теперь.

IV. Общее настроеніе.

Всѣ старанія вызвать вновь одушевленіе вѣрующихъ идти на освобожденіе Святого Города потерпѣли неудачу. На всѣ письменныя увѣщанія папы Гонорія, на всѣ проповѣди его пословъ народъ безмолвствовалъ, недовѣрчиво глядя на дѣло Крестовыхъ походовъ. Ни Франція, ни Англія, которыя

Проводы крестоносцевъ.

въ то время враждовали между собою, не откликнулись на это воззванiе; только нѣкоторыя отдѣльныя лица давали деньги на поддержку крестоваго ополченiя. Въ Германiи дѣло обстояло нисколько не лучше. Проповѣдниковъ слушали крайне равнодушно и свои личныя дѣла предпочитаги такому общественному дѣлу, какимъ являлось крестовое ополченiе. Кто былъ виноватъ въ этомъ? Изслѣдователи этого времени прямо-таки обвиняютъ папу и всю Римскую Церковь.

За все послѣднее время папа, опьяненный своимъ могуществомъ и властью, перешелъ границы своего властолюбія и этимъ самъ заставилъ народъ въ отчаяніи остановиться на мѣстѣ и взглянуть болѣе равнодушнымъ взглядомъ на общее положеніе дѣла. Христосъ проповѣдуетъ любовь, всепрощеніе, безконечную милость, а папа, намѣстникъ Христа, все время угрожаетъ, налагаетъ наказанія, отлученіе отъ церкви на провинившихся. И стоило подобной мысли только разъ овладѣть мозгомъ человѣка, какъ уже сразу измѣнился взглядъ на папу и на его власть. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе распространялось всеобщее недовѣріе и равнодушіе къ дѣлу.

V. Хлопоты Фридриха II.

Фридрихъ II все-же исполнялъ въ точности свой обѣтъ, снаряжалъ богатый флотъ, привлекалъ крестоносцевъ и готовъ былъ выступить въ походъ. Но, какъ опытный военачальникъ, онъ ясно видѣлъ, что такихъ силъ, какія были у него, слишкомъ недостаточно, чтобы отправиться на Востокъ. Къ тому же, и здѣсь, дома, онъ не хотѣлъ сейчасъ же бросить все, предвидя впереди многія обстоятельства, которыя могли принести существенную пользу его народу и цѣлости государства. Въ виду этихъ соображеній онъ и рѣшилъ еще разъ отложить начало Крестоваго похода. Онъ не зналъ только, какъ отнесется къ его рѣшенію Римская Церковь съ папой во главѣ.

VI. Недовольство папы.

Вы видѣли только-что, каковы были взгляды папы на возвышеніе германскаго императора и съ какой непріязнью вслѣдствіе этого могъ онъ взглянуть на рѣшеніе императора Фридриха II. Но въ то время папа боролся съ возмутившимися римлянами и самъ находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Поэтому онъ не рѣшился слишкомъ тѣснить Фридриха II и согласился заключить новый договоръ, по которому императоръ во имя своего обѣта обязанъ былъ начать Крестовый походъ съ тысячью рыцарей и съ флотомъ болѣе ста кораблей въ августѣ 1227 года, и въ теченіе двухъ лѣтъ сила эта будетъ находиться въ Святой Землѣ. Помимо этого, много и другихъ обязательствъ было возложено на Фридриха II за то, что онъ такъ оттягивалъ выступленіе въ походъ. Но это требованіе тяжелой жертвы только все болѣе обостряло отношеніе между папой и императоромъ. Понимая изъ поступковъ папы, что послѣдній хочетъ всячески насиловать его, Фридрихъ II, получивъ отсрочку, рѣшилъ въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ до начала Крестоваго похода быстро достигнуть высшаго величія и могущества.

Прежде всего, въ томъ же году онъ отправилъ въ Сирію флотъ за своей невѣстой, Изабеллой, и повѣнчался съ ней, послѣ чего предъявилъ свои права на Іерусалимское королевство. Онъ, конечно, имѣлъ законное право, тѣмъ не менѣе этимъ поступкомъ онъ возстановилъ противъ себя короля Іоанна, папу и все духовенство Римской Церкви.

Но планы Фридриха II не останавливались на этомъ. Онъ задумалъ захватить въ свои руки долину рѣки По, въ Ломбардіи, ввести туда войско и подчинить своей власти могущественные города, которые управлялись совершенно свободно. Онъ началъ съ того, что предложилъ собрать со-

вѣтъ въ Ломбардіи о Крестовомъ походѣ. Но ломбардцы поняли его замыслы и, въ свою очередь, настолько стѣснили его, что императоръ не зналъ, какъ ему и выпутаться изъ этой бѣды.

Только одинъ папа Гонорій, сильно разгнѣванный противъ Фридриха II, кое-какъ помирилъ императора съ ломбардцами. Въ томъ же году папа Гонорій умеръ, передавъ престолъ Григорію IX, восьмидесятилѣтнему старику.

Григорій IX былъ вѣрный послѣдователь Гонорія III, ревностно мечтавшій объ утвержденіи власти духовенства надъ всѣмъ міромъ. Въ правленіе его и возгорѣлась давно подготовлявшаяся открытая борьба между папской властью и властью императора.

VII. Сборы къ походу.

Между тѣмъ Фридрихъ II успѣшно готовился къ Крестовому походу. Во Франціи, истощенной войнами, нашлось немного охотниковъ вступить въ ряды крестоноснаго ополченія, зато Англія, Италія и Германія выставили многочисленное войско.

Пилигримы въ томъ же году прибыли на югъ Италіи, въ Апулію, въ Бриндизи. Здѣсь не были готовы къ пріему такого многочисленнаго воинства. Ни кораблей, ни провіанта не было въ достаточномъ количествѣ. Голодъ и страшныя жары, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, произвели повальныя болѣзни, отъ которыхъ погибали тысячи крестоносцевъ, а другія тысячи, боясь заразы, возвращались на родину.

Только въ сентябрѣ началъ Фридрихъ II отправлять сильный флотъ въ Сирію подъ командой герцога Генриха Лимбургскаго, послѣ чего поплылъ слѣдомъ за ними вмѣстѣ Людвигомъ Тюрингенскимъ. Но дорогой они оба заразились болѣзнью и пристали къ берегу, чтобы хотя немного поправиться; Людвигъ вскорѣ умеръ, а Фридрихъ II сталъ медленно поправляться и потому волей-неволей долженъ былъ еще отсрочить Крестовый походъ.

VIII. Вражда съ папой.

Фридрихъ II немедленно извѣстилъ папу Григорія IX, какая случайность остановила его на пути, но папа не внялъ его оправданіямъ. Онъ рѣшилъ, что теперь настало самое удобное время нанести уничтожающій ударъ могуществу Фридриха II, и тотчасъ же произнесъ торжественное отлученіе отъ церкви императора, о чемъ въ окружномъ посланіи увѣдомилъ весь христіанскій міръ. Но въ этомъ посланіи онъ не постыдился оклеветать императора въ потерѣ Даміетты, въ повальной болѣзни войска въ Бриндизи, въ недоставленіи войска на помощь крестоносцамъ, въ притворной болѣзни, благодаря которой онъ откладывалъ Крестовый походъ. Фридрихъ II шагъ за шагомъ опровергнулъ въ своемъ посланіи всѣ взводимыя на него обвиненія; затѣмъ при помощи римскаго народа, который вообще относился враждебно къ папѣ, вернулъ свои земли, которыя прежніе папы отобрали въ свою пользу.

Папа Григорій, въ гнѣвѣ отлучивъ Фридриха II отъ церкви, даже запретилъ ему начинать Крестовый походъ, прежде чѣмъ онъ не принесетъ покаянія церкви.

Но Фридрихъ не обратилъ на это вниманія, быстро и дѣятельно сталъ собираться въ походъ и 28-го іюня 1228 года отплылъ въ Сирію самъ, напутствуемый раздраженными обвиненіями папы Григорія IX въ томъ,

что онъ—служитель Магомета и ѣдетъ въ Сирію какъ хищникъ-«пиратъ».

Эта рознь, эта ссора папы, главы духовнаго міра, съ императоромъ была неизбѣжна въ силу того, что уже давно подготовлялось въ народѣ непріязненное чувство противъ духовенства. Но жаль, что Фридрихъ II, отправляясь на Востокъ, покинулъ свою имперію именно во время такой ссоры. Ему вслѣдствіе того пришлось вести одновременно двѣ войны—въ Италіи и въ Сиріи. Еще болѣе жаль, что неосторожный папа Григорій IX такъ разжегъ свою опасную игру, добиваясь своего возвышенія и униженія императора, что она должна была повліять тяжело на Римскую Церковь. Папа связалъ руки Фридриху II въ то время, когда онъ шелъ на освобожденіе Іерусалима; народъ, который уже нѣсколько охладѣлъ къ Крестовымъ походамъ, теперь болѣе свободно отрѣшался отъ мысли завоеванія Святой Земли, потому что ясно видѣлъ личную борьбу, личныя дѣла между папой и императоромъ.

IX. Мечты Фридриха II.

На Востокѣ въ то время мусульмане не тревожили христіанъ, но у тѣхъ и безъ того дѣло не ладилось, благодаря междоусобицамъ въ Арменіи, въ Триполисѣ, въ Антіохіи, гдѣ все еще держался Боэмундъ IV. На о. Кипрѣ послѣ короля Гуго остался малолѣтній Генрихъ I, за котораго правилъ островомъ опекунъ, вельможа, Іоаннъ Гибелинъ; въ іерусалимскихъ городахъ и замкахъ среди рыцарей и торговцевъ царили вражда, зависть, насиліе и вѣроломство.

Фридрихъ II рѣшилъ разобраться во всей этой путаной исторіи и прочно утвердить свою власть на Востокѣ. Лѣтомъ 1228 года онъ высадился на Кипрѣ, удалилъ Іоанна Гибелина отъ опекунства и устроилъ правленіе по своему плану, а затѣмъ отплылъ въ Сирію.

Торжественный пріемъ, оказанный ему въ Акконѣ, крайне утѣшилъ его, и тутъ же онъ твердо рѣшилъ вернуть Святой Городъ христіанству, но вернуть не вооруженной силой, а помощью дипломатическихъ переговоровъ.

X. Нелады у мусульманъ.

Послѣ паденія Даміетты начались нескончаемые раздоры среди мусульманъ,—главнымъ образомъ, конечно, между Алькамиломъ Египетскимъ и Альмуаззамомъ Дамасскимъ. Но они оба были крайне напуганы вѣстями о вооруженной силѣ Фридриха II, и это еще какъ-будто сдерживало ихъ. Альмуаззамъ разрушилъ многія укрѣпленія въ Сиріи, чтобы затруднить высадку и походъ европейцамъ, но Алькамилъ рѣшилъ дѣйствовать путемъ хитрыхъ и искусныхъ переговоровъ. Онъ заранѣе отправилъ въ Сицилію къ Фридриху II пословъ, которые предложили ему выдать Святой Городъ съ тѣмъ, чтобы Фридрихъ помогъ ему, Алькамилу, свергнуть Альмуаззама. Фридрихъ обрадовался этому и поспѣшилъ закрѣпить добрыя отношенія.

Въ 1227 году Альмуаззамъ умеръ, но вражда среди мусульманъ не кончилась. Альмуаззаму наслѣдовалъ сынъ Анназиръ Даудъ, у котораго Алькамилъ отнялъ Іерусалимъ и часть Сиріи и сталъ готовиться въ походъ противъ Дамаска.

Алькамилъ боялся, что Фридрихъ сой-

дется съ Анназиромъ, и мысленно рѣшилъ отдать за свое спокойствіе Святой Городъ. Въ свою очередь, Фридрихъ обладалъ слишкомъ незначительнымъ войскомъ, чтобы начинать открытую войну съ мусульманами, и потому всѣми силами старался о томъ, чтобы мирнымъ путемъ овладѣть Іерусалимскимъ королевствомъ и Святымъ Городомъ. Кромѣ того, противъ Фридриха II были крайне враждебно настроены въ Сиріи, благодаря его отлученію отъ церкви и рѣзкой энергичной расправѣ его съ правительствомъ о. Кипра и союзными войсками. Нѣкоторые отряды наотрѣзъ отказались подчиниться его распоряженіямъ, тѣмъ болѣе, что папа Григорій IX прислалъ монаховъ-пословъ, которые запрещали это именемъ церковнаго владыки.

Но Алькамилъ пока все еще медлилъ вступать въ окончательный договоръ съ императоромъ, разсчитывая на то, что послѣдній слишкомъ занятъ раздорами среди крестоносцевъ, а Анназиръ Даудъ представлялъ теперь для него не слишкомъ опаснаго противника.

Фридрихъ II рѣшилъ, однако, какъ можно скорѣе окончить это дѣло. Съ большимъ трудомъ собралъ онъ всѣ войска, убѣдилъ ихъ послѣдовать за собою „во имя Бога и христіанства“ и пошелъ вдоль по берегу изъ Аккона въ Іоппе. За зиму укрѣпленія тамъ были возстановлены, и въ то же время Фридрихъ II закончилъ переговоры съ Алькамиломъ; 11-го февраля 1229 г. договоръ о возвращеніи христіанамъ Святого Города былъ подписанъ.

XI. Сущность договора.

По договору вмѣстѣ съ Святымъ Городомъ къ христіанамъ переходили многіе городки, Виѳлеемъ, Назаретъ, мѣстечки, и поселки по дорогѣ отъ Іерусалима къ Аккону. Кромѣ того, всѣ плѣнные должны были быть отпущены султаномъ. Въ свою очередь, Фридрихъ II обязался охранять султана отъ всѣхъ его враговъ, даже христіанъ, и слѣдить за тѣмъ, чтобы Антіохіи и Триполису и всѣмъ сѣверно-сирійскимъ городамъ ни откуда не приходили помощь и подкрѣпленія. Договоръ былъ заключенъ на 10 лѣтъ.

Вы видите, что миролюбивымъ путемъ императору удалось совершить то, къ чему такъ упорно, но тщетно стремились христіане въ теченіе десятковъ лѣтъ,—Фридрихъ Барбаросса, Ричардъ Львиное Сердце, Филиппъ и Пелагій.

Мусульмане были поражены, и на султана сыпались горькіе упреки и осужденія. Но христіане были внѣ себя отъ радости, и прежнее былое религіозное чувство съ новой силой охватило массы народа, который все дѣло приписывалъ императору Фридриху II.

XII. Недовольство папы.

Иначе было встрѣчено извѣстіе о переходѣ Іерусалима въ руки христіанъ на Западѣ. Дѣло въ томъ, что папа, а за нимъ и все духовенство вообще старались найти возможно болѣе порицанія дѣйствіямъ Фридриха II. Они открыто осуждали его за союзъ съ мусульманами, за обѣщанія даже помогать послѣднимъ, за то, что императоръ обязался слѣдить, чтобы никакая помощь не приходила къ Антіохіи и сѣверно-сирійскимъ владѣніямъ.

Рыцарскіе ордена примыкали къ партіи папы и потому всячески вредили импера-

тору въ его дѣлахъ и не разъ жестоко оскорбляли его.

Фридрихъ видѣлъ все это и понималъ свое трудное положеніе. Къ тому же, въ это время пришло извѣстіе, что папское войско напало на его владѣнія въ Южной Италіи и подчиняетъ ихъ своей власти. Медлить было нельзя. Надо было скорѣе закончить всѣ дѣла въ Палестинѣ и вернуться домой.

XIII. Мѣры Фридриха II.

Прежде всего Фридрихъ занялъ своими войсками освобожденный Іерусалимъ. Общее настроеніе христіанъ іерусалимскихъ и крестоносцевъ доходило до восторга. Встрѣчали другъ друга какъ братья, обнимались, пѣли духовныя пѣсни и шли на поклоненіе Гробу Господнему. Фридрихъ торжественно надѣлъ королевскую корону; затѣмъ всенародно было прочтено полное описаніе всѣхъ препятствій, которыя ставили императору духовныя власти, хотя самъ императоръ старался всячески выгородить папу Григорія IX. Но посолъ папы на слѣдующій же день произнесъ интердиктъ на святыя мѣста. Тогда ярость охватила пилигримовъ противъ папы и его легатовъ. Надо было ожидать крупныхъ междоусобицъ; Фридриху нельзя было болѣе оставаться здѣсь, и онъ спѣшно удалился въ Акконъ.

Теперь нужно было бы какъ можно тверже обезпечить перемиріе съ Алькамиломъ, чтобы Іерусалимъ снова не очутился во власти мусульманъ, но послы папы, наоборотъ, снова начали возбуждать возстаніе въ Акконѣ противъ невѣрныхъ, желая нарушить «ложный миръ». Фридрихъ вооруженной силой заставилъ принять свои распоряженія и, уѣзжая въ Европу, поставилъ вѣрныхъ и преданныхъ ему людей для исполненія въ Святой Землѣ его распоряженій, хотя въ безсильной злобѣ монахи яростно проклинали повсюду всѣхъ приверженцевъ Фридриха II.

Въ іюнѣ Фридрихъ прибылъ уже въ Италію и высадился въ Апуліи.

XIV. Примиреніе съ папой.

Трудное дѣло предстояло ему здѣсь: надо было изгнать папское войско изъ своихъ владѣній и помириться съ папой. Нѣсколько разъ Фридрихъ тщетно предлагалъ папѣ примиреніе, но папа отвергалъ это и старался еще болѣе подкрѣпить свое войско. Фридрихъ оружіемъ быстро изгналъ папское войско и усмирилъ свои владѣнія. Папской области грозила великая опасность, но Фридрихъ умно сдержалъ себя и снова предложилъ папѣ примиреніе съ нимъ. На этотъ разъ папа согласился, и въ слѣдующемъ году миръ между папой и императоромъ былъ заключенъ, и отлученіе съ императора снято.

Послѣ этого наступило счастливое время жизни Фридриха II. Перемиріе съ папой способствовало возвышенію его могущества надъ Италіей и Германіей; помимо этого, Фридрихъ поддерживалъ дружескія отношенія съ мусульманами, развивая богатую торговлю Европы съ Азіей и Африкой.

XV. Дѣла въ Палестинѣ.

Вражда папы съ императоромъ и ошибки послѣдняго принесли печальныя послѣдствія для Святой Земли. Послѣ ухода Фридриха II положеніе христіанъ и особенно іеруса-

лимцевъ сдѣлалось крайне тяжелымъ. Іерусалимъ былъ окруженъ мусульманами. Самъ Алькамилъ твердо держалъ слово, но отдѣльные отряды мусульманъ знать ничего не хотѣли о перемиріи и безпрестанно тревожили христіанъ, то врываясь въ Іерусалимъ, то избивая по дорогѣ толпы паломниковъ.

Въ это же время на сирійскомъ побережьи и на о. Кипрѣ мало-по-малу начались междоусобицы, готовыя перейти въ открытую войну. Дѣло въ томъ, что Фридрихъ слишкомъ рѣзко вмѣшался въ дѣла о. Кипра и сирійскихъ городовъ и своими дѣйствіями крайне возстановилъ противъ себя сирійскихъ христіанъ—дворянъ Кипра и Іерусалима. Однимъ изъ главныхъ противниковъ явился Іоаннъ Гибелинъ, опекунъ малолѣтняго Генриха I Кипрскаго. Онъ теперь только ждалъ удобнаго случая, чтобы свергнуть съ правленія ставленниковъ Фридриха. Это вскорѣ удалось ему, и пять бароновъ-ставленниковъ были низвергнуты.

Услышалъ о томъ Фридрихъ и отправилъ войско въ Палестину. Но о. Кипръ не поддался вооруженной силѣ, и Гибелинъ удержалъ его за собой. Тогда маршалъ Ричардъ, начальникъ войска, явился въ Акконъ, предлагая идти противъ Гибелина, но сирійскіе христіане отказались, выражая ненависть свою къ Фридриху. Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ войнъ, императорское войско было разбито, и маршалъ скрылся въ постыдномъ бѣгствѣ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и снова между папой и Фридрихомъ отношенія стали натянутыми. До сихъ поръ еще кое-какъ, благодаря вмѣшательству папы, нѣкоторыя мѣста Сиріи были удержаны Фридрихомъ, и сынъ послѣдняго, юный Конрадъ, былъ провозглашенъ наслѣдникомъ Іерусалима. Но послѣ новыхъ ссоръ папы съ императоромъ власть Германской имперіи на Востокѣ была почти уничтожена.

Крестовый походъ, вернувшій христіанамъ Святой Городъ, въ общемъ кончился крайне печально. Положеніе христіанъ въ Палестинѣ было стѣсненное, особенно въ Іерусалимѣ. Поддержать ихъ и отсрочить паденіе владычества христіанъ на Востокѣ могло только новое значительное крестоносное ополченіе; но не скоро рѣшилась Европа съ прежнимъ увлеченіемъ пойти на новыя тяжкія жертвы на помощь Палестинѣ, тѣмъ болѣе, что папа Григорій IX за это время явно показалъ, насколько важнѣе ему возвышеніе папской власти, нежели участь Святой Земли. Благодаря этому обстоятельству Римская Церковь потеряла даже свое прежнее вліяніе на религіозное чувство своихъ духовныхъ дѣтей.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Шестой Крестовый походъ.

I. Настроеніе на Западѣ.

Перемиріе съ мусульманами было заключено на 10 лѣтъ, но папа Григорій IX вскорѣ уже снова сталъ призывать христіанъ къ новому крестовому ополченію. Горячія проповѣди его посланцевъ и письма

заставляли многихъ давать свое согласіе и пожертвованія, но покамѣстъ ничего существеннаго для пользы Святой Землѣ не дѣлалось. Фридрихъ II сначала не препятствовалъ папѣ нарушать перемиріе, но когда между ними начались новыя ссоры и недоразумѣнія на почвѣ владѣній въ Италіи, онъ рѣзко объявилъ крестоносцамъ, чтобы они отказались отъ этого похода, такъ какъ миръ съ мусульманами еще не окончился.

Конечно, это сильно расхолаживало крестоносцевъ, какъ расхолаживали грубость и жадность къ деньгамъ монаховъ. Ради платы они легко освобождали кого угодно отъ обязательства выполненія даннаго обѣта. А это производило крайне дурное впечатлѣніе на довѣрчивыхъ людей.

А что дѣлалось на Востокѣ!.. Вотъ гдѣ ужасъ-то былъ!.. Тамъ неустанно шла междоусобная война между оставшимися ставленниками Фридриха II и приверженцами папы; кромѣ того, враждовали духовныя власти, и во всѣхъ городахъ царили безнравственность, насиліе и грубость. Перемиріе съ мусульманами нарушили самовольно отдѣльные отряды рыцарей, а это страшно раздражило мусульманъ. Между тѣмъ въ 1238 году умеръ Алькамилъ, и между его сыновьями, Абу-Бекромъ и Ассали-Эйюбомъ, начались новыя междоусобныя войны. Это обстоятельство нѣсколько отвлекало силы мусульманъ отъ христіанъ.

II. Походъ Тибо Наваррскаго.

Въ слѣдующемъ году въ Ліонѣ собрались король Тибо Наваррскій, герцогъ Гуго Бургундскій, графъ Петръ Бретанскій, Амальрихъ Монфорскій съ значительными отрядами французскихъ крестоносцевъ для обсужденія вопроса о новомъ Крестовомъ походѣ, и часть этого воинства дѣйствительно отправилась въ Палестину. Сила эта въ соединеніи съ іерусалимскимъ воинствомъ могла бы оказать большое сопротивленіе мусульманскимъ войскамъ. Но не было среди нихъ людей, истинно преданныхъ дѣлу, которые объединили бы ихъ и твердо направили тѣсно сплоченной массой на непріятеля.

Какое тамъ! Каждый изъ поименованныхъ выше предводителей старался только объ одномъ,—какъ бы самому скорѣе выдвинуться впередъ и захватить въ свои руки богатую добычу. Результатомъ этого было то, что всѣ они перессорились между собою, и мусульмане перебили каждый отрядъ поодиночкѣ, между тѣмъ какъ остальные рыцари преспокойно созерцали это избіеніе и пальцемъ не двинули для помощи, поджидая и себѣ такой же участи. Теперь смотрите, что было дальше.

Мусульмане ободрились, и одинъ изъ мелкихъ князей Сиріи, Анназиръ Даудъ, сынъ Альмуаззама, внезапно напалъ на Іерусалимъ и завоевалъ его. Тутъ бы и конецъ пришелъ христіанамъ, да снова среди мусульманъ произошелъ расколъ, и христіане успокоились.

Ассали-Эйюбъ покорилъ Египетъ и прогналъ своего брата, Абу-Бекра. Но зато дядя его, Измаилъ, захватилъ Дамаскъ и сошелся съ Ибрагимомъ, владѣтелемъ Гимса, чтобы охранить Сирію отъ Ассали. А затѣмъ предложилъ и христіанамъ соединиться съ ними противъ Египта, обѣщая имъ за то большія области, смежныя съ Аккономъ и Тиромъ. Христіане согласились, но дѣло вышло плохое. Мусульмане въ Сиріи ненавидѣли Измаила и при столкновеніи съ

Прибытіе помощи подъ Даміетту.

египтянами перешли на ихъ сторону, такъ что Измаилъ безъ войска едва спасся въ Дамаскъ, а христіане понесли тяжелое пораженіе. И тотчасъ же они раздѣлились на двѣ партіи: одна стояла за Ассали-Эйюба, а другая—за Измаила. Все это наскучило и королю Тибо, и графу Бретанскому, и они бросили начатое дѣло и отплыли домой.

III. Походъ графа Ричарда.

Слѣдомъ за французами двинулись въ Сирію англичане подъ начальствомъ графа

Ричарда Корнваллійскаго, племянника Ричарда Львиное Сердце. Радостно встрѣтили его крестоносцы въ Святой Землѣ, но Ричардъ, узнавъ объ общемъ положеніи дѣла въ Палестинѣ, рѣшилъ ограничиться не военными успѣхами, а искусными, мирными переговорами. Онъ вступилъ въ дружественныя сношенія съ султаномъ Эйюбомъ и отправилъ къ нему посольство, чтобы заключить миръ, по которому христіане могли владѣть землями, обѣщанными имъ Измаиломъ,—Тиверіадой, Сафедомъ и Бофоромъ, и многія сотни рыцарей были освобождены изъ плѣна. Кромѣ того, Ричардъ успѣлъ сильно укрѣпить Акконъ и въ 1241 году отплылъ домой; Іерусалимское королевство было снова предоставлено своимъ собственнымъ силамъ...

Миръ съ египетскимъ султаномъ устранялъ отъ христіанъ самаго опаснаго врага ихъ. Но въ средѣ христіанъ образовались партіи, которыя преслѣдовали одна другую съ непримиримой ненавистью. Тампліеры, венеціанцы и приверженцы кипрскаго намѣстника Гибелина дерзко нападали на іоаннитовъ и рыцарей нѣмецкаго ордена.

Главнымъ образомъ они хотѣли свергнуть власть Фридриха окончательно; въ это время сыну Фридриха, Конраду, исполнилось совершеннолѣтіе. Но сирійскіе христіане отреклись и отъ него и немедленно приступили къ дѣлу уничтоженія партій Фридриха II. Это имъ вскорѣ удалось, и тампліеры себя не помнили отъ радости, что они могутъ теперь полновластно распоряжаться дѣлами Востока. Этимъ они доказали свою несостоятельность и недальновидность.

Христіане все еще вели войну съ завоевателемъ Іерусалима, Анназиромъ Даудомъ. Тѣснимый султаномъ Эйюбомъ, Анназиръ предложилъ христіанамъ союзъ, обѣщая отдать имъ Іерусалимъ, и предложеніе это поддерживали Измаилъ Дамасскій и Ибрагимъ Гимскій. Христіане охотно согласились на это и попали въ бѣду.

IV. Новая сила.

Въ глубинѣ Азіи, въ странѣ Харизима, еще со временъ перваго Крестоваго похода образовалось новое туркменское государство, которое постепенно покорило своей власти Мессопотамію и Персію. Монголы разбили какъ-то эту страшную орду, которая сформировалась въ отдѣльныя дружины. Эти дружины впослѣдствіи, кочуя то тамъ, то здѣсь, поступали на службу къ сельджукамъ и князьямъ, потомкамъ Саладина.

То были дикіе, грубые воины, варвары въ полномъ смыслѣ этого слова. По зову султана Эйюба они, словно ураганъ, неожиданно напали на сирійскихъ христіанъ, оставляя за собою страшный путь огня и смерти.

Крестоносцы въ ужасѣ покинули Іерусалимъ въ 1244 г., и харизмійцы напали на городъ, гдѣ много беззащитныхъ жертвъ пало подъ ихъ оружіемъ. Они оскверняли христіанскіе храмы, убивали молящихся, стариковъ, дѣвушекъ, дѣтей, даже вырывали изъ могилъ останки іерусалимскихъ королей и надругались надъ ними.

Оттуда страшная орда съ тѣми же ужасами прошла черезъ Виѳлеемъ и Газу и здѣсь соединилась съ войскомъ султана. Іерусалимъ былъ снова отнятъ у христіанъ и теперь уже разъ навсегда.

Теперь среди крестоносцевъ разныхъ партій утихли всякіе раздоры; они единодушно рѣшили возстать противъ султана и страш-

ныхъ харизмійцевъ. Съ ними соединились Измаилъ и Ибрагимъ, такъ что составилось большое войско, но оно было не такъ надежно устроено, какъ непріятельское. Мусульмане не хотѣли драться со своими единовѣрцами, и сначала военачальники рѣшили утвердиться подъ Аскалономъ и выждать время, чтобы въ войскѣ султана началось недовольство и распаденіе. Но патріархъ Роберто и часть рыцарей постановили идти на рѣшительный бой, и доводы ихъ пересилили. Однако, когда въ октябрѣ 1244 г. крестоносцы и ихъ союзники подошли къ Газѣ,—видъ суровыхъ харизмійцевъ и страшной силы египтянъ поразилъ ихъ ужасомъ. До начала сраженія войска Измаила и Ибрагима покинули театръ войны, а христіане были быстро разсѣяны непріятелемъ, окруженные со всѣхъ сторонъ живымъ кольцомъ. Только незначительная часть ихъ спаслась бѣгствомъ.

Теперь христіане напрасно обратились къ султану съ просьбой о мирѣ,—султанъ отвѣчалъ имъ насмѣшливымъ отказомъ, предлагая имъ одно—искать заступничества у Фридриха II и Ричарда Корнваллійскаго, которыхъ онъ крайне уважалъ за ихъ тактичность.

V. Замыслы султана.

Харизмійцы окончательно сжали бы христіанъ, заперевшихся въ Акконѣ, но политика султана Эйюба дала послѣднимъ возможность немного отдохнуть. Султанъ рѣшилъ сначала покорить возставшихъ противъ него сирійскихъ мусульманъ. Онъ изгналъ изъ Дамаска дядю своего, Измаила, и тѣмъ возстановилъ великое государство Саладина. Нѣсколько времени шли еще войны, оспаривавшія у него власть,—войны со стороны Измаила и харизмійцевъ, но Ибрагимъ перешелъ на сторону Эйюба, послѣ чего султанъ и сталъ полновластнымъ повелителемъ Египта и Сиріи.

Султану оставалось теперь одно — разбить окончательно христіанъ. Въ 1247 г. онъ пошелъ на Аскалонъ, разрушилъ его стѣны и истребилъ весь гарнизонъ, изъ котораго спаслись только очень немногіе.

Палестинскіе христіане стояли на краю пропасти, и все рушилось,—рушилось безповоротно. Сѣверная Сирія терпѣла въ то время тоже много горя. Послѣ Боэмунда IV съ 1233 года правилъ Антіохіей и Триполисомъ его сынъ, Боэмундъ V. Ему угрожали со всѣхъ сторонъ монголы, и если бы послѣдніе не разбивались междоусобицами и жаждой грабежа, Антіохія не выдержала бы и пала. Но въ концѣ-концовъ она вмѣстѣ съ Арменіей ограничились тѣмъ, что обязались платить дань монголамъ.

Іерусалимское королевство, отказавшись отъ опеки Фридриха, перешло къ королю Генриху Кипрскому. Но онъ, несмотря на свою отвагу и энергію, ни за что не удержалъ бы въ своихъ рукахъ крестоносныхъ государствъ, если бы совершенно неожиданно западное христіанство еще разъ не поднялось съ самоотверженіемъ на борьбу съ исламомъ.

VI. Крестовый походъ Людовика IX.

Въ то время, съ 1243 года, папой былъ Иннокентій IV, которому осталось завѣщаніе отъ умершаго папы Григорія IX—поддерживать разрушающееся Іерусалимское королевство и всѣми силами способствовать паденію Фридриха II.

И снова полетѣли по всѣмъ странамъ

грамоты и письма, призывающія къ новому Крестовому походу, снова пошли всюду странствовать монахи, проповѣдывавшіе крестовое ополченіе. Собрался въ 1245 году большой соборъ въ Ліонѣ, и на немъ былъ объявленъ четырехлѣтній всеобщій миръ и предположенъ новый Крестовый походъ.

Но мало находили отклика въ народѣ всѣ эти усилія папы Иннокентія. Всѣмъ было даже вспоминать тяжело о неудачахъ прошлыхъ тяжелыхъ Крестовыхъ походовъ; кромѣ того французы и англичане неустанно враждовали другъ съ другомъ, а другіе постоянно были готовы къ защитѣ своихъ владѣній отъ вторженія монголовъ. Но особенно мѣшала общему подъему духа неискренность этого дѣла. Но не о защитѣ Іерусалима, не о сверженіи ига мусульманскаго хлопотали и Григорій IX, и Иннокентій, а о сверженіи Фридриха II. Иннокентій снова проклялъ императора на соборѣ въ Ліонѣ, объявилъ Фридриха лишеннымъ престоловъ, а подданнымъ далъ разрѣшеніе не повиноваться императору. Собирали ополченіе не противъ мусульманъ, но къ священной войнѣ съ Фридрихомъ!..

Всѣ ясно видѣли это, и ни у кого охоты не было давать средства, обрекать себя на гибель ради того только, что папа преслѣдуетъ чисто личныя чувства по отношенію къ Фридриху. Помимо этого, безпрестанно уличали монаховъ въ утаиваніи общественныхъ денегъ. Дѣло дошло до того, что одно напоминаніе о крестоносномъ ополченіи возбуждало волненіе въ народѣ.

Французы, англичане, нѣмцы наотрѣзъ отказывались склониться на увѣщанія папы Только одинъ случай поправилъ нѣсколько это дѣло, и вотъ какимъ образомъ.

VII. Людовикъ IX.

Рѣдкій примѣръ благороднаго, искренняго и честнаго до идеальности человѣка представлялъ изъ себя французскій король Людовикъ IX Святой. Онъ особенно ярко выдѣлялся душевными своими качествами въ то суровое, грубое время средневѣковья. Умный, тонкій политикъ, онъ умѣлъ искренно ладить со своими приверженцами и вассалами. Простой народъ чувствовалъ къ нему тоже великую любовь и уваженіе, потому что онъ являлся идеальнымъ образцомъ средневѣкового аскетизма. Онъ проводилъ цѣлыя ночи на молитвѣ, бечевалъ себя, соблюдалъ строжайшіе посты. Въ 1244 г. тяжелый недугъ овладѣлъ имъ, такъ что онъ былъ близокъ къ смерти. Придя въ себя, онъ попросилъ прикрѣпить у него на груди знакъ пилигримства — красный крестъ. И когда онъ совершенно всталъ съ постели, то созвалъ своихъ приближенныхъ и вельможъ со всѣхъ концовъ государства на парламентъ въ Парижѣ и склонилъ ихъ на новый Крестовый походъ. Но это было еще далеко не все. Трудно было теперь мечтать о сочувствіи народа къ этому дѣлу, да и многіе рыцари, графы и герцоги не раздѣляли взгляда короля. Своихъ французовъ во всякомъ случаѣ было недостаточно, сосѣднія государства на предложеніе это не откликнулись; только въ Англіи, съ которой Людовикъ заключилъ, наконецъ, миръ, нашлось нѣсколько бароновъ и духовныхъ лицъ, принявшихъ знаки крестоноснаго ополченія. Фридрихъ II самъ идти въ походъ не рѣшался, но онъ обѣщалъ отпустить сына своего Конрада и снабжать войско Людовика судами, оружіемъ и продоволь-

Людовикъ Святой у Даміетты.

ствіемъ. Но даже и при такомъ отношеніи одно осложненіе смѣнялось другимъ. Всѣ видѣли несправедливость папы и желаніе Церкви захватить надо всѣмъ міромъ исключительную власть. И во всѣхъ странахъ, особенно въ самой Франціи, составились протестующіе союзы для ограниченія властолюбивыхъ плановъ папы, хотя папа хитро подрывалъ силы союзовъ, искусно привлекая всевозможными одолженіями главарей этихъ союзовъ. Но рѣшеніе Людовика было твердо, и оно разрѣшилось, наконецъ, тѣмъ, что Крестовый походъ былъ утвержденъ окончательно.

VIII. Походъ.

Весной 1248 года началось дѣятельное приготовленіе къ походу. Людовикъ IX отправился въ Сенъ-Дени принять священное знамя Франціи, посохъ и суму пилигрима. Ему послѣдовали многіе рыцари. Войско двинулось въ путь въ полномъ порядкѣ, причемъ оно отличалось отсутствіемъ всякой роскоши и красоты внѣшней: самъ король былъ одѣтъ просто, въ темные цвѣта, конскій уборъ тоже отличался простотой, а ему подражали и все рыцарство Франціи, и простые крестоносцы-латники. Дорогой не обошлось безъ того, что многіе участники, устрашась тяжелыхъ послѣдствій похода, вернулись назадъ. Въ концѣ августа Людовикъ IX отплылъ со своимъ воинствомъ съ родныхъ береговъ къ Святой Землѣ, и уже въ половинѣ сентября они достигли о. Кипра, гдѣ и остались зимовать, поджидая отставшія части ихъ войска.

IX. Разстройство войска.

Эта зимовка на о. Кипрѣ принесла большой ущербъ войску Людовика IX. Король Генрихъ Кипрскій согласился присоединиться къ нему, но даже это не помогло настолько, насколько повредила французамъ долгая бездѣятельность. Продовольствія было достаточно, но отъ бездѣйствія французы предавались всякаго рода излишествамъ, и это собственно свело въ могилу очень многихъ. Армія ослаблена была и тѣмъ еще, что король Людовикъ отправилъ отрядъ воиновъ на помощь Боэмунду V въ Антіохію противъ монголовъ. Въ то же время армянскіе послы при дворѣ кипрскомъ сманили выгодными обѣщаніями многихъ французскихъ воиновъ на службу къ армянскому королю Гетуму, и все въ такомъ же родѣ. Во время этой зимы созрѣлъ планъ военныхъ дѣйствій, который рѣшили начать съ нападенія на Египетъ. Весной 1249 года начали дѣятельно собирать большой флотъ для переправы въ Африку изъ разныхъ судовъ, даже изъ незначительныхъ плоскодонныхъ судовъ, чтобы можно было прямо напасть на непріятельскій флотъ. 30-го мая весь этотъ флотъ, состоявшій изъ 120 большихъ судовъ и 1600 мелкихъ, вышелъ въ море, и послѣ нѣсколькихъ дней плаванія крестоносцы завидѣли берега Египта.

Начало военныхъ дѣйствій было удачно для крестоносцевъ. Правда, мусульмане дѣятельно приготовились къ оборонѣ,—и войска, и флотъ надежно прикрывали гавани,—но рыцари и воины послѣ долгаго бездѣйствія были охвачены жаждой рукопашнаго боя, и ихъ рѣшительный, смѣлый натискъ смутилъ мусульманъ настолько, что они послѣ недолгаго сопротивленія отступили и дали французамъ возможность сдѣлать правильную высадку на западъ отъ устья Нила, на низменныхъ берегахъ. Мусульмане отступили и скрылись за стѣнами Даміетты, гдѣ поднялась всеобщая паника. И въ ту же ночь изъ города тайкомъ бѣжали сначала воины, а за ними и простые обыватели.

Радостно на-утро крестоносцы заняли покинутую Даміетту, обратили мечети въ христіанскіе храмы и захватили большую добычу. Но недолго продолжалось это необычайное счастье. Султанъ Эйюбъ строго наказалъ бѣглецовъ и нагналъ этими мѣрами такого страха на свои

Султанша Шедшеръ-Эддуръ.

войска, что дальнѣйшее трусливое отступленіе прекратилось сразу. Помимо этого, войско ежедневно пополнялось подкрѣпленіями, и эйюбиты начали уже тревожить христіанъ. А христіанъ было такъ мало, что ихъ было достаточно, чтобы только защищать Даміетту. Кромѣ того, ждали разлива Нила и не рѣшались покидать безопасное мѣсто на берегу, чтобы не очутиться въ такомъ положеніи, въ какомъ очутился, какъ вы помните, папскій легатъ Пелагій.

Людовикъ расположилъ одну часть въ Даміеттѣ, а другую—подъ ея стѣнами въ лагерѣ, окруживъ его окопами, и приготовился къ осадѣ. Но бездѣятельность снова пагубно отразилась на крестоносцахъ; среди нихъ снова началась вражда, пошли ссоры, дѣленіе на партіи, пиршества, полный разгулъ. Благодаря слабому характеру и добротѣ Людовика, въ очень скоромъ времени дисциплина въ войскѣ разстроилась совершенно.

Въ срединѣ 1249 года подошли большія подкрѣпленія англичанъ и французовъ подъ командой брата Людовика, Альфонса Пуатье. Тогда рѣшили начать военныя дѣйствія противъ мусульманъ, но снова вся армія разбилась на двѣ партіи: одни хотѣли начать осторожно шагъ за шагомъ пріобрѣтать себѣ твердое положеніе на египетскомъ берегу, а другіе рвались на Каиръ, чтобы сразу свергнуть главу мусульманскаго міра. За послѣднихъ стоялъ другой братъ короля, Робертъ д'Артуа, и по настоянію этой партіи въ ноябрѣ двинулись вдоль Нила, на югъ, къ Каиру.

Крестоносцы шли очень медленно, почти мѣсяцъ. Въ то время умеръ султанъ Эйюбъ, и сильный ударъ крестоносцевъ, дѣйствительно, нанесъ бы мусульманамъ значительный ущербъ. Мусульмане оповѣстили сына Эйюба, Туранщу, о грядущей бѣдѣ, но султанша Шедшеръ-Эддуръ тщательно скрывала смерть султана и всячески возбуждала мусульманъ къ священной войнѣ.

21-го декабря 60,000 крестоносцевъ подошли къ Мансурѣ и очутились на неудачной позиціи: направо отъ нихъ шелъ глубокій притокъ Нила, передъ ними—каналъ Ашмумъ, а налѣво находились боевыя силы мусульманъ. Рѣшили преградить каналъ Ашмумъ плотиной и перевести войско по дну его. Египтяне гибельно мѣшали крестоносцамъ, осыпая ихъ стрѣлами, пиками и камнями; временами отдѣльные отряды нападали на занятыхъ работой христіанъ, нападали на корабли, которые слѣдовали за христіанами по притоку, переходили Нилъ въ мелководьи и неожиданно ударяли на крестоносцевъ съ тылу. Укрѣпили лагерь окопами, построили башни, съ которыхъ тоже метали стрѣлы и камни на непріятельское войско. Но непріятели неожиданно отвели воду и направили ее на плотину и въ то же время подожгли башни французовъ. Крестоносцы смутились, впали въ отчаяніе, среди нихъ началось открытое возмущеніе.

X. Проблескъ удачи.

Тогда явился къ Людовику одинъ бедуинъ и говоритъ, что-де онъ проведетъ войско черезъ каналъ и безъ плотины,—черезъ тайный, никому невѣдомый бродъ. Часть войска пошла за бедуиномъ и благополучно перебралась на другую сторону. Но здѣсь все дѣло испортилъ графъ Робертъ д'Артуа съ тампліерами. Они съ яростью, не сдерживая себя, бросились на непріятелей передъ Мансурой, напали на нихъ на всемъ скаку, ворвались въ городъ и пронеслись черезъ него, давя и уничтожая всѣхъ, кто ни попадался имъ на пути. Мусульмане живо заперли Мансуру и тѣмъ отрѣзали Роберта д'Артуа отъ войска Людовика и быстро истребили весь отрядъ. Тогда бросились на вражій лагерь подъ Мансурой остальные крестоносцы, но и ихъ смяли мамелюки и туркмены. Между тѣмъ самый отчаянный бой возгорѣлся съ от-

Людовикъ Святой въ плѣну.

рядомъ, которымъ руководилъ Людовикъ IX. Бѣшеныя силы враговъ оттѣснили христіанъ къ каналу; многіе бросались въ воду, гдѣ теченіе уносило ихъ съ конями цѣлыми массами. И весь отрядъ, и самъ король неминуемо погибли бы, если бы оставшіеся въ лагерѣ крестоносцы не перекинули спѣшно мосты и не поспѣшили на выручку къ королю. Мусульмане сами были страшно истощены и отступили. Христіанскій лагерь былъ въ плачевномъ состояніи, оставшись на южномъ берегу канала.

XI. Новый ударъ.

Нѣсколько дней прошло въ спокойствіи, но потомъ снова мусульмане, собравшись правильнымъ войскомъ, ворвались въ лагерь Людовика и произвели здѣсь страшный разгромъ. Только одно отчаяніе, желаніе лучше умереть, чѣмъ достаться въ плѣнъ, создало страшную силу въ крестоносцахъ, которые заставили мусульманъ отступить и оставить ихъ въ покоѣ.

Недѣли двѣ можно было отдохнуть послѣ всѣхъ этихъ несчастныхъ случаевъ и неудачныхъ сраженій, но теперь оставался уже только одинъ исходъ,—какъ можно скорѣе начать отступленіе къ Даміеттѣ. Однако этого не позволяли гордость и самолюбіе крестоносцевъ, которые и оставались въ своемъ лагерѣ, выжидая невѣдомо чего.

XII. Гибель крестоносцевъ.

27-го февраля въ Мансуру прибылъ юный султанъ Туранша. Египтяне ожили и воскресли духомъ. Тайно отправили они много кораблей на Нилъ между Мансурой и Даміеттой, напали на христіанскій флотъ и истребили его почти весь. Теперь Людовику было отрѣзано отступленіе къ Даміеттѣ.

Въ христіанскомъ лагерѣ начались страшный голодъ и моровая язва. Тогда рѣшено было начать отступленіе къ Даміеттѣ въ надеждѣ прорвать живое кольцо непріятелей. Но послѣдніе зорко слѣдили за христіанами, и когда тѣ начали отступать, они слѣдовали за ними по пятамъ и избивали ихъ на выборъ, не щадя никого или цѣлыми отрядами забирая въ плѣнъ несчастныхъ крестоносцевъ. При этомъ едва не погибъ самъ король Людовикъ IX. Вѣрный своему долгу, онъ ни за что не хотѣлъ бѣжать, какъ это предлагали ему, и все время находился во главѣ войска. Онъ лежалъ зараженный моровой язвой, и всѣ окружающіе съ часу на часъ ожидали его смерти.

Непріятель подступалъ все ближе и ближе, и, наконецъ, все войско было принуждено сдаться на милость побѣдителя вмѣстѣ съ умирающимъ королемъ и его братомъ, Альфонсомъ Пуатье.

XIII. Мирные переговоры.

Плѣнныхъ отвели въ Мансуру, и тотчасъ же султанъ Туранша началъ вести мирные переговоры, надѣясь заключить выгодный для себя миръ. Что оставалось дѣлать Людовику, какъ не соглашаться на всѣ предложенія? За освобожденіе короля Туранша требовалъ освобожденія Даміетты, а за освобожденіе крестоносцевъ 800,000 червонцевъ, что равнялось 8,000,000 франкамъ. Но этимъ только не кончились злоключенія и страданія христіанъ. Своимъ легкомысліемъ, надменностью и самоувѣренностью Туранша возбудилъ противъ себя въ Египтѣ всеобщую ненависть. Всѣ боялись, что, завладѣвъ Даміеттой, онъ окончательно утвердится могущественнымъ султаномъ, и тогда отъ него никому житья не будетъ. Противъ султана составился заговоръ, и Туранша былъ убитъ.

Весь ужасъ этого убійства видѣли несчастные плѣнники и страшно боялись, что всеобщее возмущеніе уничтожитъ безслѣдно и ихъ. Но волненіе улеглось. Султанша Шедшеръ-Эддуръ была провозглашена регентшей, эмиръ Эйбекъ—намѣстникомъ, и договоръ Туранши съ Людовикомъ былъ подтвержденъ и даже нѣсколько облегченъ,

Ветеранъ крестоваго ополченія.

такъ какъ Людовикъ долженъ былъ немедленно уплатить только половину выкупа, а остальныя деньги—по прибытіи въ Сирію.

XIII. Смута въ Даміеттѣ.

Вѣсть обо всемъ этомъ смутила всѣхъ въ Даміеттѣ, такъ что жители хотѣли даже покинуть городъ, но жена Людовика IX, Маргарита, остававшаяся тамъ, богатыми подарками и увѣщаніями уговорила всѣхъ терпѣливо дождаться возвращенія короля.

Въ началѣ мая крестоносцы покинули Даміетту. Многіе рыцари покинули несчастные египетскіе берега и отплыли на ро-

дину, но самъ король еще оставался здѣсь нѣкоторое время, чтобы выкупить изъ плѣна заложниковъ, своего брата Альфонса Пуатье и остальныхъ пилигримовъ.

Съ большимъ трудомъ собралъ Людовикъ требуемые 400.000 червонцевъ и вмѣстѣ съ братомъ и крестоносцами, страшно измученные, изстрадавшіеся физически и нравственно, отплыли въ Акконъ, гдѣ, несмотря на страшныя неудачи, имъ былъ оказанъ самый радушный пріемъ.

XIV. Волненія во Франціи.

Что было теперь дѣлать? Войска не было, оставшіеся рыцари тоже стремились домой; ждать новой помощи съ Запада было невозможно. Во Франціи, къ тому же, весь народъ былъ охваченъ вполнѣ понятнымъ волненіемъ. Неудачи крестоносцевъ поразили всѣхъ, и теперь боялись, что вѣчная недоброжелательница Франціи, Англія, вотъ-вотъ поднимется на нее, пользуясь разстройствомъ французской арміи. Мать Людовика, королева Бланка, неотступно умоляла сына вернуться скорѣе домой, чтобы устроить государственныя дѣла. Собранный въ Акконѣ военный совѣтъ отвергалъ всякую новую попытку воевать съ мусульманами, и только одинъ король Людовикъ твердо и упорно настаивалъ на этомъ. Прежде всего, ему хотѣлось окончить расплату съ мусульманами и освободить изъ плѣна многихъ христіанъ. На просьбы Людовика за нихъ египтяне не отвѣчали, и тогда пришлось обратиться къ угрозамъ. Случай представился вотъ какой.

Сирійскіе мусульмане, негодуя на египтянъ за убійство султана Туранши, предложили христіанамъ составить союзъ и пойти войной на Египетъ. А тамъ произошелъ тоже переворотъ. Шедшеръ-Эддуръ была удалена, и на ея мѣсто возведенъ принцъ Муза, внукъ султана Алькамила.

Угроза Людовика и князя Юзуфа Галебскаго устрашила египтянъ, такъ что они даже второй половины выкупа за плѣнныхъ не потребовали, а прямо отпустили ихъ на свободу.

XV. Проповѣдь во Франціи.

Рыцари и графы уѣзжали изъ Святой Земли, но Людовикъ все еще разсчитывалъ на новыя войны съ мусульманами. Для исполненія этой цѣли ему нужна была помощь Запада, и онъ обратился прежде всего къ своимъ подданнымъ.

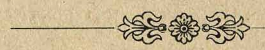
Знатные, богатые вельможи наотрѣзъ отказались отъ новаго похода, но зато поднялся простой народъ, весь охваченный фанатизмомъ. Снова пошли бродить среди народа проповѣдники, которые говорили, что гордостью, тщеславіемъ, богатствомъ рыцари, графы навлекли на себя гнѣвъ Божій и оттого и не могли завоевать у мусульманъ Святой Земли. «Теперь же, — говорили они,—Богъ даруетъ силу бѣднѣйшимъ людямъ, чтобы возвеличить ихъ передъ глазами всего свѣта». Огромныя толпы собирались воедино вокругъ подобныхъ проповѣдниковъ; общее число всѣхъ доходило до 100,000. Эти люди чувствовали свою силу, съ которой невозможно было справиться такъ легко. Но какъ скоро главный предводитель-проповѣдникъ ихъ былъ убитъ, вся толпа тотчасъ же безслѣдно разсѣялась.

Такъ Франція и не дала Людовику нужной помощи, короли Кастиліи и Англіи— тоже. Мѣшалъ дѣлу крестовой проповѣди

и папа Иннокентій IV, который сначала велъ непримиримую войну съ Фридрихомъ, какъ вы помните, а послѣ смерти послѣдняго—съ его сыномъ Конрадомъ IV. И въ силу своей вражды онъ натравливалъ крестоносцевъ именно на Германію, требуя распространять господство Церкви не на Востокѣ, а здѣсь. Понятно, что Людовику нельзя было ждать помощи и отъ папы.

Но все-же онъ не падалъ духомъ и ждалъ, что ему удастся достигнуть своей цѣли — сбросить иго мусульманъ съ Святой Земли. Но чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе христіанъ становилось все хуже и хуже. Египтяне заключили миръ съ сирійцами и благодаря этому составили могущественную силу, которая безпрестанно угрожала христіанамъ. Пребываніе Людовика, такимъ образомъ, было болѣе чѣмъ безплодно, даже опасно для сирійскихъ христіанъ, такъ какъ присутствіе короля только сильно возбуждало къ возстанію противъ магометанъ. Поэтому они даже стали просить Людовика удалиться отъ нихъ.

Въ то же время умерла королева Бланка. Франція терпѣла ужасныя невзгоды отъ междоусобныхъ войнъ, и весной 1254 года Людовикъ отплылъ домой съ дѣтьми и женой. Народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ, хотя походъ кончился полной неудачей. Народъ уважалъ короля и видѣлъ въ немъ истиннаго рыцаря; онъ, дѣйствительно, былъ отваженъ, какъ рыцарь, непреклоненъ передъ неудачами, самоотверженъ, щедръ ко всѣмъ окружающимъ и крайне умѣренъ въ своей жизни. Это все создало Людовику наименованіе „Святого“.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Положеніе христіанъ.

I. Начало конца.

Послѣ отъѣзда Людовика положеніе христіанъ было тяжелое, но не безнадежное. По-прежнему вскорѣ разгорѣлась борьба между египетскими и сирійскими мусульманами, а это только ослабляло ихъ силу. Христіанскіе города и крѣпости были многолюдны, очень богаты и хорошо защищены. Вся слабость и неустойчивость восточныхъ христіанъ происходила отъ того, что правители разныхъ областей и городовъ, забывая объ единеніи, о цѣломъ, вели каждый свою политику съ непріятелемъ, изъ-за личной выгоды то заключая съ нимъ перемиріе, то вступая въ бой. Мало того, подобно тампліерамъ и іоаннитамъ, они всячески старались вредить одинъ другому съ цѣлью нажиться возможно скорѣе на счетъ другого. Особенной безцеремонностью въ грабежѣ и насиліи надъ своими же сотоварищами и надъ прибывающими съ Запада пилигримами

отличались жители Аккона. Конечно, вполнѣ естественно, что государственный порядокъ былъ слишкомъ неустойчивымъ и поддерживался кровавыми законами.

Гибели крестоносныхъ государствъ на Востокѣ способствовали и враждебныя отношенія другъ къ другу между итальянскими приморскими городами. Богатые города Венеція, Генуя, Пиза, имѣя крупныя торговыя колоніи въ Сиріи, завели между собою цѣлый рядъ торговыхъ войнъ. Сначала въ Акконѣ генуэзцы стѣснили венеціанцевъ и истребили ихъ флотъ; но Венеція составила могущественный союзъ съ Пизой, нѣмцами-тампліерами, побила генуэзцевъ на сушѣ и на морѣ и заняла бо́льшую часть Аккона. Тогда Генуя вошла въ союзъ съ Византіей, чтобы, въ свою очередь, выгнать венеціанцевъ изъ Константинополя и тѣмъ досадить имъ хоть этимъ. Венеція только-что, было, готова заключить перемиріе, какъ это новое обстоятельство заставило ее продолжать торговую войну съ прежней свирѣпостью.

Гибли торговыя суда, неисчислимыя богатства колоній истреблялись, и въ концѣ-концовъ въ это дикое смятеніе были вовлечены и сирійскіе христіане. Они осаждали Тиръ съ венеціанцами, а Генуя нападала на Акконъ; въ это самое время христіанамъ грозила неминуемая гибель отъ восточныхъ мусульманъ.

Въ концѣ-концовъ побѣдителями изъ этой борьбы вышли венеціанцы, только въ 1288 году, т. е. спустя болѣе тридцати лѣтъ съ начала торговыхъ войнъ.

Понятно теперь, что, несмотря на междоусобную вражду среди крупныхъ мусульманскихъ князей, и христіане не могли объединиться и сплотиться, чтобы дать отпоръ ихъ силамъ и чѣмъ-нибудь оградить собственную безопасность.

II. Новая сила.

Но всѣ эти мелкія распри были ничто въ сравненіи съ надвигавшейся за послѣднее время новой дикой, страшной силой монголовъ, которые распространили свои завоеванія въ Персіи, Месопотаміи, вплоть до Сиріи и Палестины. Это монгольское нашествіе одинаково страшно было и для христіанъ, и для мусульманъ. А эту страшную лавину направила на нихъ Арменія, которая въ то время была крайне стѣснена мусульманами. Монгольскій ханъ Гулагу въ 1256 г. захватилъ Персію, истребилъ мусульманъ, затѣмъ напалъ на Багдадъ, разграбилъ Багдадское калифатство, избилъ мусульманъ и положилъ конецъ этому калифатству. Въ 1259 году ханъ Гулагу ворвался въ Сирію, захватилъ Галебъ и Дамаскъ, потому что всѣ бѣжали передъ нимъ въ паническомъ ужасѣ, спасаясь въ Египетъ. Вся внутренняя Сирія подпала во власть ужасныхъ варваровъ.

III. Политика христіанъ.

А христіане въ это время только все больше и больше подливали масла въ огонь. Преслѣдуя мусульманъ, монголы дружились съ христіанами и присоединяли ихъ къ своему ополченію.

На Западѣ извѣстіе объ этомъ союзѣ радовало всѣхъ, благодаря тому слуху, что будто бы Гулагу хочетъ принять христіанство и упрочить его на Востокѣ.

Какъ никакъ, но пока Гулагу обладалъ страшной силой, не слѣдовало бы рядомъ дерзкихъ выходокъ нарушать мирныя отно-

Французскіе рыцари въ Каирѣ, въ плѣну.

шенія съ ними. Однако, тампліеры и іоанниты и слышать не хотѣли объ этихъ мирныхъ переговорахъ и сдѣлали грабительскій набѣгъ на подвластныя уже монголамъ области и избили ихъ посольство.

Само собой, монголы немедленно жестоко отплатили имъ, напавъ на христіанскія области и разрушивъ до основанія Сидонъ. Акконъ едва держался.

Двойственная политика христіанъ создавала мало-по-малу страшную бѣду. Пока война монголовъ съ христіанами не кон-

чилась, дѣло лѣпилось кое-какъ; но въ будущемъ всѣмъ христіанскимъ врагамъ надо было ожидать обиженнаго и раздраженнаго новаго врага—или Гулагу, или мусульманъ.

Въ 1260 году Гулагу умеръ, и съ этого времени начались неудачи монголовъ. Какъ быстро они явились, такъ быстро и были истреблены окончательно окрѣпшими мусульманами. И теперь передъ христіанами они стояли снова во всеоружіи, готовые свести съ ними послѣдніе счеты.

IV. Султанъ Бибарсъ.

Побѣдитель монголовъ султанъ Котузъ въ томъ же году былъ убитъ эмиромъ Бибарсомъ. Послѣдній былъ замѣчательный въ своемъ родѣ человѣкъ. Жестокій, бездушный, вѣроломный,—онъ всѣхъ заставлялъ трепетать передъ собою. Въ свое время убилъ онъ султана Туранщу. Войска возвели Бибарса на султанскій престолъ; вскорѣ ему подчинились Сирія и Египетъ. Мысль султана Саладина объединить подъ своей властью всѣхъ мусульманъ не давала покою и Бибарсу.

Оставаясь жестокимъ и вѣроломнымъ по отношенію къ своимъ врагамъ, Бибарсъ въ то же время правилъ съ рѣдкою мудростью и благородствомъ. Онъ былъ крайне строгъ, жилъ умѣренно и воздержанно, подавая примѣръ своимъ подданнымъ, и, благодаря этому, создалъ народу жизнь безопасную и свободную.

Главная задача его была полное уничтоженіе власти христіанъ на Востокѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не пренебрегалъ полезными союзами съ нѣкоторыми европейскими державами, какъ, съ Византіей, Сициліей.

Христіанамъ было невыносимо тяжело, тѣмъ болѣе, что Западъ положительно отказывался приносить еще какія бы то ни было жертвы для Святой Земли. Что касается папской власти, то она тоже охладѣла къ этой мысли и проповѣдывала Крестовый походъ противъ нѣмецкихъ государей. Единственно во Франціи, по требованію короля Людовика IX, были собраны денежныя суммы въ пользу несчастныхъ восточныхъ христіанъ, и только такимъ образомъ всѣ обстоятельства складывались какъ-то въ пользу мусульманъ, которые могли теперь завершить дѣло совершеннаго истребленія христіанской власти на Востокѣ.

V. Первые натиски.

Они начались съ 1262 года, когда Бибарсъ сдѣлалъ родъ испытанія, насколько сильны еще христіане. Онъ опустошилъ Антіохійское княжество, часть Сиріи и внушилъ великій страхъ гордому и надменному Аккону, который долженъ былъ вынести сильное нападеніе.

Вскорѣ послѣ того султанъ началъ дѣятельно подготовляться къ серьезной войнѣ съ христіанами, подготавливая осадныя машины, камнеметы и общее вооруженіе. И когда онъ твердо и рѣшительно выступилъ въ походъ въ 1264 году, то безъ особаго труда одолѣлъ и разрушилъ до основанія крѣпость Цезарею, а затѣмъ и Арзуаръ, не оставивъ камня на камнѣ и захвативъ болѣе тысячи плѣнныхъ.

Въ Акконѣ уже серьезно приготовились къ рѣшительной оборонѣ, призвали войско съ о. Кипра; но султанъ Бибарсъ былъ доволенъ первыми успѣхами и благополучно вернулся въ Египетъ.

VI. Дальнѣйшія завоеванія.

Спустя около года, султанъ Бибарсъ выступилъ въ Сѣверную Сирію, на своемъ пути истребляя все безъ всякой жалости. Сильная, считавшаяся неприступной крѣпость тампліеровъ Сафедъ, вблизи Тиверіадскаго озера, сдалась; вышедшіе на подмогу рыцари и латники съ о. Кипра были совершенно уничтожены, какъ и монгольское полчище короля Гетума. Христіане были стѣснены крайне, и перемиріе было куплено ими цѣной отказа получать дани и поборы съ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ племенъ мусульманской Сиріи.

Теперь у султана явилось желаніе уничтожить приморскіе города христіанъ, благодаря которымъ они получали подкрѣпленія и продовольствіе морскимъ путемъ.

Нѣсколько страшныхъ набѣговъ на области Тира и Аккона, гдѣ въ это время какъ-разъ шли войны съ генуэзцами, окончились опустошеніемъ земель и захватомъ множества плѣнныхъ, которые были всѣ до одного казнены султаномъ.

Прошло еще два года, и султанъ Бибарсъ съ новой силой обрушился на христіанскія владѣнія. Прекрасная, гордая Антіохія сдалась, — до 100,000 защитниковъ ея были взяты въ плѣнъ, а городъ весь сожженъ и разрушенъ до основанія.

Вмѣстѣ съ гибелью Антіохіи вся сѣверная Сирія была потеряна для христіанъ разъ навсегда...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Конецъ владычеству христіанъ на Востокѣ.

I. Проповѣдь новаго похода.

Бѣдствія Святой Земли, отчаянное положеніе пилигримовъ еще разъ подняли въ Европѣ значительное ополченіе крестоносцевъ, во главѣ котораго снова сталъ король Людовикъ Святой.

Весной 1267 года Людовикъ созвалъ въ Парижъ французское рыцарство и принялъ крестъ и обѣтъ идти на новый Крестовый походъ вмѣстѣ съ братомъ, Альфонсомъ Пуатье, и сыновьями, Филиппомъ, Іоанномъ, Тристаномъ и Петромъ. Но рыцарство Франціи долго упорствовало принять подобный же обѣтъ на себя, и только неотступныя побужденія со стороны папы Климента IV и Людовика Святого подвигнули рыцарство и духовенство къ участію въ походѣ.

На этотъ призывъ, кромѣ того, откликнулся въ Испаніи король Яковъ Аррагонскій, который велъ удачныя войны у себя съ магометанами, но послѣ первыхъ неудачъ отказался отъ своего обѣта.

Между тѣмъ Людовикъ пріобрѣлъ себѣ еще новыхъ союзниковъ,—своего брата, короля Карла Сицилійскаго, и англійскихъ принцевъ Эдуарда и Эдмунда, сыновей короля Генриха III, и фризовъ.

Сборы были долгіе; Людовикъ сначала привелъ въ порядокъ всѣ свои дѣла, словно пред-

чувствуя свою смерть, и только весной 1270 года крестоносцы выступили въ путь и добрались до сборнаго пункта, въ Эгмортъ.

Флотъ генуэзцевъ, нанятый для переправы войска, запоздалъ, и за это время въ войскѣ поднялся бунтъ, который Людовикъ усмирилъ только съ большимъ трудомъ.

Съ самаго начала дѣло все какъ-то не ладилось, и никто не вѣрилъ въ его счастливый исходъ.

Наконецъ, перебрались на Сардинію, собрали военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено идти не въ Сирію и не въ Египетъ, но сначала въ Тунисъ. Тунисъ платилъ дань королевству Сициліи, пока тамъ правили германскіе императоры, но отказался платить французамъ. Нѣмцы же южной Италіи имѣли всегда поддержку и пристанище въ Тунисѣ отъ эмира Тунисскаго. Такимъ образомъ, снова къ общему дѣлу Крестоваго похода присоединялось личное дѣло короля Сицилійскаго.

17-го іюля король Людовикъ со своими подданными высадился въ Тунисскомъ рейдѣ, на узкой полосѣ берега. Безъ большого труда христіане побѣдили мусульманскія войска и двинулись нѣсколько дальше и расположились лагеремъ на мѣстѣ древняго Карѳагена.

Тунисъ очутился въ серьезной опасности. Эмиръ собралъ всѣ свои силы и продовольственные запасы, а султанъ Бибарсъ отправилъ къ нему значительное войско изъ Египта. Всѣ эти приготовленія можно было устроить благодаря тому, что Людовикъ замѣшкался и тѣмъ самымъ упустилъ удобный моментъ для нападенія на тунисцевъ. Людовикъ собственно поджидалъ Карла Сицилійскаго съ его войскомъ и безъ него не хотѣлъ начинать рѣшительнаго наступленія.

III. Повальная болѣзнь.

Въ этотъ періодъ времени на христіанскій лагерь налетѣла страшная бѣда—моровая язва, благодаря изнурительному зною, и много народа умирало каждый день; умеръ Тристанъ, сынъ Людовика, епископъ Рудольфъ; наконецъ, захворалъ и самъ король Людовикъ; онъ былъ такъ слабъ и разстроенъ, что нельзя было ожидать отъ болѣзни хорошаго исхода. Въ нѣсколько дней Людовикъ понялъ и самъ, что жизнь его приходитъ къ концу. Но до послѣдней минуты онъ свято исполнялъ свои обязанности, написалъ поученіе своему наслѣднику, Филиппу «Смѣлому», и 25-го августа 1270 года тихо скончался.

IV. Новый оборотъ дѣла.

Послѣ смерти Людовика характеръ Крестоваго похода сразу измѣнился. Король Филиппъ «Смѣлый» не раздѣлялъ идеальныхъ мечтаній отца; онъ видѣлъ впереди только ясно очерченныя военныя и политическія цѣли. Къ этому времени прибылъ со своимъ войскомъ Карлъ Сицилійскій, и въ нѣсколько дней крестоносцы не только остановили нападенія мусульманъ, но и перешли въ наступательное положеніе.

Побѣда надъ мусульманскимъ войскомъ быстро подготовила почву для перемирія, по которому было договорено что жители обоихъ государствъ могутъ безъ страха безопасно жить въ любомъ государствѣ, исповѣдывать свою религію, строить храмы и вести общую торговлю. Плѣнные выдаются безъ выкупа, на обмѣнъ. Эмиръ Туниса платитъ военныя издержки около 4.500.000 рублей на наши деньги и впредь

Набѣгъ крестоносцевъ.

обязанъ платить сицилійскому королевству двойную дань.

Зимой французы, итальянцы и англійскій принцъ Эдуардъ отплыли въ Сицилію.

Фризы отправились въ Сирію, а за ними слѣдомъ и англичане.

Но Филиппъ стремился во Францію, тѣмъ болѣе, что все войско было страшно истощено болѣзнями и лишеніями. Принцы и короли разъѣхались по своимъ домамъ, давъ слово собраться для продолженія Крестоваго похода черезъ три года.

Антіохія была завоевана, и Бибарсъ какъ-будто оставилъ въ покоѣ сирійскихъ христіанъ. Онъ болѣе опасался монголовъ и западныхъ крестоносцевъ. Современемъ онъ заключилъ съ однимъ монгольскимъ ханомъ союзъ, чѣмъ нѣсколько оградилъ себя отъ дальнѣйшихъ вторженій монголовъ. Въ 1271 году онъ снова обратилъ оружіе противъ христіанской Сиріи, взялъ сильныя крѣпости Кракъ, Аккаръ, Монфоръ и побудилъ побѣжденныхъ купить перемиріе съ нимъ крупной жертвой. Прибыли фризы, принцъ Эдмундъ съ англичанами, но и этихъ силъ было слишкомъ мало для борьбы съ Бибарсомъ.

А Бибарсъ пока не трогалъ главнаго гнѣзда вражьей силы, а отправилъ флотъ противъ о. Кипра. Однако, здѣсь онъ потерпѣлъ крупную неудачу. Кипряне же призвали монголовъ, которые обрушились на сѣверъ Сиріи. Бибарсъ быстро сдержалъ ихъ и снова стѣснилъ ободрившихся, было, крестоносцевъ, но не надолго. Въ 1272 году онъ согласился заключить съ ними десятилѣтнее перемиріе.

V. Смерть Бибарса.

Бибарсъ хранилъ перемиріе, но въ то же время пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выиграть за это время какъ можно больше. Главную силу устремилъ онъ на ослабленіе силы монголовъ, и хотя съ большимъ трудомъ, но это удалось ему. Стѣснилъ онъ также Антіохійское княжество, Арменію, Персію, но главное—старался, чтобы не было новаго ополченія съ Запада.

Собственно, теперь султанъ стоялъ на высотѣ своего величія; вся Сирія почти была въ его власти; изъ Египта онъ простеръ свою власть до Нубіи. Снова исламъ возвысился надъ христіанами; слава Бибарса гремѣла по всему Востоку, и теперь онъ какъ бы указывалъ мусульманамъ на возможность ихъ единаго и нераздѣльнаго господства въ областяхъ передней Азіи.

Въ 1277 году Бибарсъ умеръ, незадолго передъ чѣмъ чуть-было не возникло новаго грознаго возстанія христіанъ.

VI. Папа Григорій X.

На папскій престолъ Григорій X былъ избранъ въ то время, когда самъ онъ находился въ Святой Землѣ, въ 1271 году, въ качествѣ пилигрима. Будучи на папскомъ престолѣ съ 1274 года, онъ дѣятельно сталъ призывать къ новому Крестовому походу западныхъ европейскихъ христіанъ. Но сначала призывъ его не имѣлъ успѣха, и только послѣ долгихъ усилій на проповѣдь его откликнулось болѣе половины Западной Европы. Однако, до дѣла не дошли,—домашнія дѣла государей задерживали ихъ, а послѣ смерти папы Григорія X идея Крестоваго похода распалась сама собою, и Святая Земля была какъ бы отдана на произволъ врагамъ христіанства.

VII. Дѣла мусульманъ.

Эта бездѣятельность христіанъ оказала значительную поддержку мусульманамъ. Послѣ смерти Бибарса сынъ его, Альмеликъ, не долго удержался на престолѣ, какъ и малолѣтній братъ его, у котораго отнялъ власть его опекунъ, эмиръ Килавунъ. Египетъ поддерживалъ его, но зато въ Сиріи противъ него возстали эмиръ Сонкоръ Алашкаръ и монголы.

За Акконъ!..

Съ большимъ трудомъ Килавунъ одолѣлъ ихъ, но на это потребовалось около пяти лѣтъ.

За это время Крестовый походъ могъ бы значительно поддержать сирійскія владѣнія христіанъ. Но вмѣсто этого среди христіанъ шли отчаянные внутренніе раздоры то въ Триполисѣ, то въ остаткахъ Іерусалимскаго государства, то на о. Кипрѣ.

Словомъ говоря, за время тѣхъ лѣтъ, когда султанъ Килавунъ упрочивалъ свое могущество, христіане дѣятельно вредили

самимъ себѣ, подрывали свою же силу, какъ бы спѣша разъ навсегда покончить со своимъ могуществомъ на Востокѣ. Своими грабительскими набѣгами на мусульманскія владѣнія они только разжигали все больше и больше противъ себя злобу султана Килавуна, а затѣмъ, видя, что дѣло ихъ плохо, смиренно начали просить о перемиріи. Султанъ соглашался на это, въ виду того, что еще не всѣ дѣла его были приведены въ порядокъ и войско было ослаблено борьбой противъ монголовъ.

VIII. Наступательныя дѣйствія.

Султанъ неуклонно стремился къ покоренію всей Сиріи, а раздоры въ средѣ христіанскихъ партій только давали поводы ему къ началу военныхъ дѣйствій. Съ 1285 года захватъ султаномъ нѣсколькихъ важныхъ крѣпостей навелъ уже на христіанъ смертельный, паническій ужасъ.

Султану покорно сдались крѣпости Маркасъ, Маракія, богатая Лаодикея, Триполисъ, гдѣ все еще продолжались жалкія междоусобицы изъ-за престолонаслѣдія.

Тщательно приготовясь къ осадѣ, султанъ весной 1289 года обложилъ Триполисъ могущественнымъ войскомъ и сильными осадными, стѣнобитными машинами.

Христіане прекратили распри, съ о. Кипра прибыла помощь, но нападеніе мусульманъ было непреодолимо; черезъ какой - нибудь мѣсяцъ стѣны были разрушены, войска разсѣяны, и побѣдители бурнымъ потокомъ ворвались въ осаждаемый городъ.

Немногіе спаслись на о. Кипръ, большинство попало въ плѣнъ, богатства города были разграблены, постройки подожжены.

Ужасное дѣло это кончилось разрушеніемъ многихъ мелкихъ городковъ и мѣстечекъ, принадлежавшихъ графству Триполисскому.

Съ горечью узнали въ Европѣ о страшныхъ дѣлахъ въ Святой Землѣ, но уже ни одна проповѣдь о новомъ Крестовомъ походѣ не находила нигдѣ себѣ отклика. Монголы тоже были слишкомъ заняты личными своими дѣлами и не могли остановить стихійнаго движенія мусульманъ. Но сознаніе неизбѣжнаго конца христіанскому владычеству на Востокѣ стало болѣе чѣмъ опредѣленнымъ послѣ того, какъ генуэзцы заключили торговый договоръ съ египетскими купцами въ 1290 году, а короли аррагонскіе, сицилійцы, неаполитанцы составили съ могущественнымъ султаномъ тѣсный оборонительный и наступательный союзъ.

IX. Гибель Аккона.

Нападеніе мусульманъ на послѣдніе остатки Іерусалимскаго королевства началось около этого же времени намѣреніемъ султана идти на Акконъ. Акконъ былъ въ то время богатѣйшимъ и оживленнымъ городомъ во всемъ мірѣ; широкая торговля позволяла жителямъ роскошно украшать зданія, устраивать себѣ рѣдкіе сады, парки, водопроводы.

Вѣсть о приготовленіяхъ султана идти на Акконъ привела весь городъ въ ужасъ и смятеніе и въ то же время воодушевила всѣхъ до послѣдней капли крови на то, чтобы защищать «великолѣпный Акконъ—эти ворота въ Обѣтованную Землю. До 20,000 человѣкъ собралось на защиту города изъ окрестностей и съ о. Кипра. Этого войска по численности было бы достаточно для защиты города довольно долгое время; но у войска не было твердаго, опытнаго предводителя, потому что молодой король Генрихъ II Кипрскій не

пользовался уваженіемъ и популярностью и все время оставался въ Кипрѣ. Въ войскѣ не было дисциплины, строгаго порядка и общаго плана единодушной обороны.

Между тѣмъ, Килавунъ продолжалъ дѣятельно собираться къ походу, уговаривалъ нѣкоторыхъ эмировъ, которые противились его планамъ, и, наконецъ, самъ отправился въ лагерь своихъ войскъ, но дорогой внезапно умеръ. Однако, это нисколько не улучшило положенія христіанъ. Его сынъ, Альмеликъ Алашрафъ, такъ же дѣятельно повелъ начатое отцомъ дѣло.

X. Осада Аккона.

Весной 1291 года огромное войско съ сотней осадныхъ машинъ расположилось лагеремъ передъ Аккономъ. Начались мелкія схватки между мусульманами и крестоносцами. Хотя послѣдніе и храбро вели свое дѣло, но дальновидные люди среди осажденныхъ понимали, что настоящее дѣло кончится далеко неблагополучно, и заранѣе начали переговоры о мирѣ; султанъ гордо отклонилъ ихъ. Такъ шло дѣло до мая мѣсяца, когда, наконецъ, воины султана внезапно начали наступательныя дѣйствія. Бой свирѣпствовалъ изо дня въ день, и, наконецъ, богатѣйшіе люди, рыцари и ихъ слуги, король Генрихъ II и его войска ночью бѣжали на о. Кипръ, покинувъ городъ съ его двѣнадцатитысячнымъ гарнизономъ.

XI. Взятіе Аккона.

Въ срединѣ мѣсяца мусульмане бросились на штурмъ города, разрушили кое-гдѣ стѣны и уже ворвались въ городъ. Но отчаяніе осажденныхъ достигло своего предѣла; единодушіе ихъ всей тяжестью обрушилось на осаждавшихъ, которые и были выгнаны изъ крѣпости. Въ одну ночь стѣны были возобновлены. Но теперь всѣмъ уже стало очевидно, какой конецъ ожидаетъ Акконъ, и обманывать себя несбыточными надеждами было нечего.

Монахи читали проповѣди, защитники Аккона смиренно каялись въ своихъ проступкахъ и причащались, какъ передъ смертью.

На-утро штурмъ мусульманъ возобновился съ новыми усиліями. Они тоже были воодушевлены до крайнихъ предѣловъ проповѣдями и со всѣхъ сторонъ густыми толпами надвинулись на городъ. Много разъ осажденные отбивали всѣ приступы. Но напрасно было ихъ небывалое мужество и самопожертвованіе, — роковаго исхода избѣжать было уже невозможно. Невозможно было и сдержать надвигавшіяся, какъ страшная лавина, полчища непріятелей. Они сваливали, убивали, топтали тысячи на своемъ побѣдоносномъ пути, а женщинъ и дѣтей захватывали въ плѣнъ для обращенія ихъ въ рабство. Несчастные бросались на корабли въ гавани; но въ морѣ свирѣпствовала буря, и корабли гибли одинъ за другимъ вмѣстѣ съ несчастными, избѣгнувшими меча и насилія.

Нѣсколько тысячъ заперлись въ крѣпкомъ замкѣ тампліеровъ и начали вести переговоры, но мусульмане и слушать не хотѣли о томъ и продолжали свое ужасное дѣло грабежа и насилія... Вслѣдъ за тѣмъ страшный пожаръ охватилъ великолѣпныя зданія богатаго Аккона, и весь онъ былъ сравненъ съ землей, гдѣ погибли и созидатели его, и ихъ созданія...

Паденіе Аккона какъ бы провозгласило конецъ сирійскому христіанству. Еще значительныя укрѣпленія находились въ ру-

кахъ христіанъ, какъ Тиръ, Сидонъ, Бейрутъ, замокъ пилигримовъ; но всѣ слишкомъ ясно видѣли, что дальше продолжать войну съ мусульманами уже нѣтъ никакой возможности. Христіане бѣжали рѣшительно отовсюду, еще заранѣе слыша о побѣдахъ мусульманъ и объ ихъ приближеніи.

Прошло нѣсколько недѣль, и весь сирійскій берегъ былъ покинутъ крестоносцами.

На Западѣ ужасъ овладѣлъ всѣми при вѣсти о колоссальныхъ побѣдахъ мусульманъ. Короли, духовенство рвались въ Святую Землю, но сознаніе всей трудности послѣ столькихъ вѣковыхъ, безплодныхъ усилій начинать все дѣло сызнова невольно парализовало всѣхъ. Поднималось нѣсколько почти не организованныхъ ополченій, но всѣ они по-прежнему не достигали своей цѣли.

XII. Гибель тампліеровъ.

Въ началѣ своего возникновенія тампліеры всюду возбуждали удивленіе своей организаціей и всеобщимъ уваженіемъ, благодаря своему безкорыстному служенію общему дѣлу. Но съ теченіемъ времени ихъ исключительное положеніе, большой притокъ средствъ совершенно извратили основную идею ордена. Изнѣженная, обезпеченная жизнь, наслажденія ею, корыстолюбіе, способность ради выгоды идти на всякаго рода сдѣлки съ честью и совѣстью, вѣроломство по отношенію къ другимъ орденамъ и къ крестоносцамъ—постепенно уронили сочувствіе всѣхъ къ этому учрежденію. Если въ началѣ дѣла цѣль ордена была—служеніе обществу, взаимопомощь всѣмъ страдающимъ и угнетеннымъ, то впослѣдствіи все это приняло совершенно обратное дѣйствіе. Тампліеры, укрѣпляя свою власть, охраняя свои владѣнія, самостоятельно воевали со своими единовѣрцами, даже соединялись для борьбы противъ нихъ съ врагами христіанскаго міра.

Мало того, тампліеры даже сдѣлали важный шагъ, непростительный для духовной общины. Они отстранили католическое правовѣріе, отвергая христіанское вѣроученіе, и составили предосудительную тайную религію на основѣ превратнаго еретическаго ученія.

Папы иногда для виду упрекали ихъ за крайне безнравственную жизнь, за демоническія лжеученія, въ которыхъ отвергалась вѣра въ существованіе идеальнаго образа Христа, въ которыхъ учили вѣровать въ существованіе истиннаго высшаго Бога, правящаго Вселенной, и низшаго бога, руководящаго вещественнымъ міромъ, наслажденіями и удовольствіями земной жизни.

Орденъ владѣлъ богатыми имѣніями; болѣе легкія житейскія обязанности новой лжерелигіи были крайне соблазнительны, и число послѣдователей тампліеровъ быстро разросталось отъ этого.

Но не въ этомъ даже заключалась причина распаденія ордена тампліеровъ, а въ политическомъ положеніи его. До паденія Аккона тампліеры сильно возбудили противъ себя всѣхъ крестоносцевъ и западныхъ христіанъ.

Деньгами, поддержкой папства, желавшаго распространить свою власть надъ всѣмъ міромъ, тампліеры искусно набирались силы, чтобы добиться обособленности въ военныхъ дѣйствіяхъ на Востокѣ и привести къ концу стремленіе образовать самостоятельное государство.

Но французскій король Филиппъ IV «Красивый» былъ заклятый врагъ могу-

щества и власти высшаго духовенства; отчасти опасаясь этого новаго нарождающагося врага свѣтской власти, отчасти прельщаясь огромными богатствами его, король твердо рѣшилъ уничтожить этотъ орденъ, который рука-объ-руку съ папской властью серьезно угрожалъ французскому государству. Начался ужасный процессъ противъ духовнаго ордена съ 1307—1313 годъ, когда много сотенъ рыцарей толпами заточали въ тюрьмы и предавали жестокимъ казнямъ. Наконецъ, подъ сильнымъ давленіемъ короля папа Климентъ V окончательно уничтожилъ этотъ орденъ.

XIII. Орденъ іоаннитовъ.

Этотъ орденъ въ то время достигалъ новаго расцвѣта, хотя іоанниты шли такимъ же роскошнымъ и эгоистичнымъ путемъ, тоже поддерживая папство противъ свѣтской власти и всѣми силами добиваясь вполнѣ самостоятельнаго политическаго положенія.

Акконъ палъ, Сирія была закрыта для нихъ, и они двинулись на берега Эгейскаго моря, гдѣ въ 1310 году подчинили своей власти цѣлый рядъ островов южныхъ спорадовъ, прочно утвердившись на о. Родосѣ. Болѣе двухсотъ лѣтъ родосскіе іоанниты поддерживали свою власть, развивая торговлю, промышленность и государственное устройство при помощи своихъ доходовъ на Западѣ, которые давали имъ возможность содержать большое войско. Но въ началѣ XV столѣтія ихъ рыцарское государство погибло отъ меча воинственныхъ турокъ.

XIV. Арменія.

Послѣ паденія Аккона и изгнанія христіанъ изъ сирійскихъ владѣній Арменія не только не погибла, но нѣсколько утвердилась. При нашествіи монгольскихъ ордъ Арменія вступила съ ними въ союзъ, и это сначала помогло ей. Но когда впослѣдствіи власть осталась за мусульманами, Арменіи тяжело досталось отъ нихъ. Когда же затѣмъ въ XIV столѣтіи монголы приняли исламъ и тѣмъ присоединились къ мусульманамъ, они отказались отъ помощи своимъ прежнимъ союзникамъ.

Армянскіе короли тщетно просили Западъ помочь имъ, обѣщая присоединиться къ Римской Церкви, и это маленькое государство неминуемо погибло бы тогда же, но его поддерживали многіе крестоносцы, бѣжавшіе изъ Сиріи. И тѣмъ не менѣе дни его были сочтены.

Гибель его особенно усиливали внутреннія распри, неудачи въ сношеніяхъ съ монголами и враждебныя отношенія съ мусульманами. Наконецъ, во второй половинѣ XIV вѣка мусульмане разсѣяли армянское войско, истребили замки и города и послѣдняго короля Льва V отправили въ плѣнъ, въ Каиръ, послѣ чего самостоятельность Арменіи была уничтожена навсегда.

XV. О. Кипръ.

Королевство Кипрское пережило Арменію немногимъ больше ста лѣтъ, но пережило въ блескѣ и счастьи. Со времени третьяго Крестоваго похода прекрасный, благодатный островъ густо заселился западными колонистами,—рыцарями, купцами, духовенствомъ. Земледѣліе, торговля, промышленность ожили; замки, колоніи, монастыри, церкви выростали одни за другими и способствовали развитію и крѣпости этого государства. Единственно, что

мѣшало правильному развитію его — это непреодолимое отвращеніе греческаго населенія подчиниться папской власти. Но Римская Церковь вводила католичество не насиліемъ, а убѣжденіями, и это не доводило до обостренія отношеній между жителями и не производило среди нихъ рѣзкаго и гибельнаго раскола. Бѣглецы изъ Аккона и со всего сирійскаго побережья, не послѣдовавшіе за іоаннитами, также поселились на о. Кипрѣ и своей дѣятельностью во многомъ способствовали процвѣтанію острова. Кромѣ того, самое блестящее время средневѣковаго богатаго Кипра привлекало сюда не мало поселенцевъ съ далекаго Запада.

Послѣ гибели Аккона здѣсь въ огромномъ количествѣ стали сосредоточиваться восточные и западные товары; въ домахъ и замкахъ пріютились рѣдкая восточная роскошь, изысканныя удовольствія, изнѣженныя наслажденія.

Въ концѣ XIV столѣтія началось постепенное паденіе Кипрскаго королевства. Начались тяжелыя столкновенія съ гордыми итальянскими колоніями, затѣмъ разрывъ съ генуэзцами, которые, наконецъ, захватили въ свои руки всю торговлю и тѣмъ сломили могущество Кипрскаго королевства. Въ то же время короли вели войны съ египетскими султанами, и это, какъ и боевыя схватки съ генуэзцами, годъ-отъ-году значительно ослабляло силу королевства.

Казна пустѣла, торговля упадала, начались междоусобицы при дворѣ и между католиками и греками на религіозныхъ убѣжденіяхъ. Послѣдній король, Яковъ, II отнялъ у генуэзцевъ торговлю, но уже самъ одинъ не могъ удержать государство отъ распаденія и обратился за помощью къ Венеціи, которая послѣ его смерти и подчинила себѣ о. Кипръ. Около ста лѣтъ владѣла она островомъ, но въ концѣ-концовъ въ началѣ XVI столѣтія должна была уступить его наступающей силѣ османскихъ турокъ.

